

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ЦЕНТР СИСТЕМНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН**

ЮЖНОРОССИЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВЫПУСК 68

Н.Е. РОМАНЧЕНКО

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ
РАДИКАЛЬНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ
РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА
СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Отв. редактор Добаев И.П.

МОСКВА - РОСТОВ-НА-ДОНУ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

2011

ББК _____

Р

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

_АКАЕВ В.Х., ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР

СУХОВ А.В., КАНДИДАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

Р

РОМАНЧЕНКО Н.Е. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
СОВРЕМЕННЫХ РАДИКАЛЬНЫХ
НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ РЕЛИГИОЗНО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ
КАВКАЗЕ. – МОСКВА - РОСТОВ-НА-ДОНУ:
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ, 2011. –
_ С.

Монография посвящена вопросам появления и дальнейшей институционализации радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе в постсоветский период, а также актуальным вопросам совершенствования противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму на Северном Кавказе.

Адресуется студентам и преподавателям высших учебных заведений, аспирантам, учителям средних и средних специальных учебных заведений, сотрудникам правоохранительных органов, работникам антитеррористических комиссий, а также широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-91604-003-6

© ЦСРИиП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН

© Романченко Н.Е., 2011

Оглавление

<i>Предисловие</i>	
<i>Введение</i>	
<i>Глава 1. Глава I. Террористические исламистские религиозно-политические организации: методология институционально-политологического исследования</i>	
1.1. Основные подходы к исследованию современных террористических религиозно-политических организаций и используемые понятия	
1.2. Международные исламистские террористические религиозно-политические организации: сущность и типология	
<i>Глава 2. Религиозно-политические организации на Северном Кавказе: история и современность</i>	
2.1. Радикализация деятельности религиозно-политических организаций на Северном Кавказе в историческом аспекте	
2.2. Структура и современные тенденции развития террористических религиозно-политических организаций на Северном Кавказе в постсоветский период	
<i>Глава 3. Политические аспекты усиления стратегии противодействия терроризму в северокавказском регионе</i>	
<i>Заключение</i>	
<i>Список использованных источников и литературы</i>	

ВВЕДЕНИЕ

Со второй половины XX века и особенно в последние десятилетия практически на всей территории «исламского пояса» от юга Европы и до Восточной Азии начался бурный процесс образования различных религиозно-политических объединений и группировок, которые заявляют о себе как об исламистских организациях. Определенная часть указанных структур находится в непримиримой оппозиции к существующей власти, использует насильственные методы борьбы, в том числе и проведение террористических актов.

Имеющиеся пробелы в изучении организации деятельности исламистских террористических структур, являющейся по своим масштабам, последствиям, интенсивности и разрушающей силе одной из самых страшных проблем всего человечества, создает предпосылки для ее безнаказанности.

Очевидно, что особую актуальность рассматриваемая проблема имеет для исламоведов, экспертов по безопасности и сотрудников правоохранительных органов и т.д., так как их деятельность должна постоянно корректировать устоявшиеся взгляды с целью определения новых тенденций в развитии данной угрозы в контексте обеспечения региональной и национальной безопасности.

Острота проблемы обусловлена также тем, что на современном этапе терроризм приобретает новые черты, переходя от одиночных действий фанатиков к разветвленной, хорошо отлаженной, жесткой мировой системе, состоящей из разрозненных организаций, которые действуют в одном направлении, подчинены единой цели и обладают огромными материальными, финансовыми, идеолого-пропагандистскими и людскими ресурсами. Внутренняя сущность устройства террористических организаций трансформировалась из национальных группировок заговорщиков в крупные синдикаты с установившейся иерархией, разделением труда, а также сетевые структуры. Для них государственные границы не являются преградой: центры

активной деятельности разбросаны по всему миру и затрагивают огромные ареалы.

Своевременным представляется изучение деятельности сформировавшегося в рамках международного исламистского движения, использующего террористические методы ведения борьбы с «неверными», северокавказского террористического узла. При всей территориальной обособленности последнего сегодня он связан со всеми основными крупными международными кластерами террористического движения.

В связи с тем, что в постсоветский период отмечается процесс активной институционализации исламистских террористических религиозно-политических организаций на Северном Кавказе, важным представляется подробное изучение их структуры и современных тенденций развития. Отметим, что развитие указанных институтов на Северном Кавказе характеризуется формированием террористического бандподполья, которое складывается не как классическая социальная организация с четко прослеживаемой иерархией и линейными формами взаимосвязи отдельных уровней и подразделений одного системного ранга, а развивается в пределах сетевой структуры, состоящей из отдельных террористических групп или джамаатов, которые за последние два десятка лет отошли от практики фронтальных сражений, взяв на вооружение диверсионно-террористическую тактику «пчелиного роя». В этой связи особую актуальность представляет подробное изучение действующих северокавказских джамаатов, их состава, направлений деятельности, а также их специфических идеологических доктрин, идеологий и постулатов.

Объединяющим центром для большинства разрозненных экстремистских и террористических группировок на Северном Кавказе стал т.н. «Имарат Кавказ», провозглашенный в 2007 году. В связи с тем, что эта структура на сегодняшний день выступает не только политико-идеологическим рупором, но и управляет в определенной степени деятельностью террористического подполья на всем Северном Кавказе, рассмотрение его внутреннего устройства,

а также места в системе мирового террористического движения представляет значительный интерес.

В условиях глобализации терроризм и религиозно-политический экстремизм стали наиболее опасными явлениями в связи доступом террористических группировок к оружию массового поражения. Поэтому представляется крайне важным выработка новых подходов усиления стратегии противодействия терроризму, в том числе и в северокавказском регионе, что и представлено в настоящем исследовании.

Проблема, которая вынесена в заглавие данной работы, сама по себе своевременна тем, что на фоне отмечаемого в России расширения ареала деятельности исламистских организаций за пределы Северного Кавказа, в представленном исследовании рассматривается история институционального развития террористического движения «от общего - к частному»: от крупных суперузлов в мире до подробного изучения институтов и их деятельности северокавказских исламистских организаций.

Научная литература по исследуемой теме достаточно обширна и многообразна. За последние годы защищен ряд диссертаций, в которых в той или иной степени затрагиваются отдельные аспекты специфики деятельности террористических исламистских организаций на постсоветском пространстве (С.Е.Бережной, В.Н.Гурба, О.М.Местоев, Д.Назирова, А.В.Сухов, Э.Ф.Шарафутдинова, Н.Н.Шилова¹).

Учитывая характер исследования, необходимо было привлечь работы авторитетных ученых, исследовавших само понятие «институт» с целью определения понятия «террористические исламистские религиозно-

---

¹ Бережной С. Исламский фундаментализм на Юге России: политологический анализ. Дис. ... канд. пол. наук. - Ростов н/Д, 2004; Гурба В. Терроризм в контексте социальных процессов современности. Дисс. ... канд. соц. наук. - Новочеркасск, 2002; Местоев О. Этнополитический конфликт как угроза социальной безопасности Северо-Кавказского региона Российской Федерации. Дисс. ... канд. пол. наук. - Москва, 2001; Назирова Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления. Дисс. ...канд. фил. наук. - Душанбе, 2009; Сухов А.В. Радикализация исламского движения в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический анализ. Дисс. ... канд. пол. наук. - Ростов н/Д, 2008; Шарафутдинова Э. Чеченский конфликт: этноконфессиональный аспект. Дис. канд. пол. наук. - Ростов н/Д, 2008; Шилова Н. Региональные этнополитические конфликты: технологии продуцирования и урегулирования. Дис. канд. пол. наук. - Ростов н/Д, 2005.

политические организации», понимаемые в качестве специфических политических институтов. Указанные аспекты предложены в работах И.П.Добаева, А.Г.Дугина, М.Дюверже, А.А.Игнатенко, Л.Козера, И.И.Леймана, А.В.Лубского М.Ориу, Т.Парсонса, С.В.Фролова, Я.Г.Щепаньского² и др.

Среди исследователей, занимающихся религиозными (исламскими) аспектами, можно выделить Ю.М.Антоняна, В.О.Бобровникова, М.Д.Давитадзе, Д.В.Макарова, В.И.Максименко, А.В.Малашенко, С.А.Мелькова, Р.Ф.Патеева, В.И.Сажина, Н.А.Смирнова, Л.Р.Сюкияйнена, Д.А.Хайретдинова, А.Г.Яндарова, А.А.Ярлыкапова³ и др. Результатом исследований явилась оценка процессов политизации и радикализации ислама, в том числе в северокавказском регионе.

Серьезное внимание исследуемой проблеме уделяется в Южно-Российском институте - филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, в стенах которой защитили диссертации на соискание ученой степени «кандидат политических наук» по сопредельной проблематике Р.Ф.Патеев, О.В.Рябцев, А.В.Сухов и другие.

Особую когорту исследователей отмеченной проблематики составляют практические сотрудники правоохранительных органов – Ю.Н.Анисимов, С.А.Воронцов, В.Н.Гурба, С.А.Кокорин и др., - оказавшие своими научными

---

² Добаев И. Политические институты исламского мира: идеология и практика. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001; Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. - М., Евразийское Движение, 2007; Дюверже М. Политические институты и конституционное право. // История политических и правовых учений. - Харьков, 1999; Игнатенко А. Исламизм: глобальная угроза? // НИИ социальных систем. Серия: Научные доклады. № 2.- М., 2000., Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М., 1988; Козер Л. Функции социального конфликта. - М., Дом интеллектуальной книги, 2000; Лейман И.И. Наука как социальный институт. — Л.: Наука. Ленингр. отд., 1971; Лубский А. Методология региональных социально-гуманитарных исследований: Учебное пособие для аспирантов, молодых ученых и магистров – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009; Ориу М. Основы публичного права / Пер. с фр. / Под ред. Е. Пашуканиса и Н. Челябинова. - М., 1929; Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль: Р. Мертон, Дж. Мид, Т.Парсонс, А.Шюц: тексты. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994; Фролов С. Социология: Учебник для высш. учеб. заведений - М.: Издательская корпорация «Логос», 1996; Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1967.

³ Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. М., 2004; Максименко В.И. Фундаментализм и экстремизм в исламе // Ислам и исламизм. М., 1999; Максименко В.И. Фундаментализм и экстремизм в исламе // Ислам и исламизм. М., 1999; Малашенко А.В. Ислам и политика в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4; Исламское возрождение в современной России. М., 2006; Как выбирали в Чечне. М., 2006; Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России. М., 2001; Сажин В.И. К вопросу о цивилизациях, исламе и войнах // Ближний Восток и современность. М., 1998; Ярлыкапов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе. М., 2000.

трудами, построенными на многолетнем практическом опыте, весомое влияние на проведенное диссертационное исследование.

Большой вклад в исследование процесса институциональных трансформаций религиозно-политических организаций исламистского толка внесли такие авторы, как М.Сейджман., И.Н. Комиссина.⁴ Процессы радикализации указанных структур на Северном Кавказе в историческом аспекте подробно описаны в научных трудах В.Х.Акаева, З.С.Арухова, А.В.Малашенко, К.М.Ханбабаева и др.⁵

Особый интерес в осмыслении феномена исламизма (исламского радикализма) и его радикальных форм представляют труды А.А.Игнатенко, одного из авторитетных отечественных исследователей арабистов⁶. Его работы, концептуальные по своему содержанию, позволяют выявить ключевые факторы, оказывающие влияние на формирование радикальной исламской идеологии, ее распространение во многих мусульманских странах и регионах.

Вопросами религиозного терроризма и экстремизма, прикрывающихся исламистскими лозунгами занимается отечественный исследователь политического ислама И.П. Добаев⁷. В его работах исследован феномен

---

⁴ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008; Комиссина И.Н. Мусульманские организации Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. М., 2009. – С. 9-13.

⁵ Акаев В.Х. Северокавказский ваххабизм – разновидность исламского радикализма // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2000. № 3., Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/д, 2004; Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. - Махачкала, 1999; Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001, Исламское возрождение в современной России. М., 2003; Ханбабаев К.М. Суфизм в Дагестане // Ислам и политика на Северном Кавказе / Северо-Кавказское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып.1. Ростов н/Д, 2001.

⁶ Игнатенко А.А. Средневековые поучения владыкам и проблематика власти // Социально-политические представления в исламе. История и современность. – М., 1987; Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. – М., 1988; Фантом, созданный ЦРУ. Усама бен Ладен – террорист, компрометирующий ислам // Независимая газета. – 1999. – 9 сент.; Зеленый Интернетционал. Всемирное исламистское движение в преддверии XXI века приобретает парадоксальные формы // НГ-Религии. – 1999. – 7 апр.; Эндогенный радикализм в исламе. Доклад на семинаре в Московском Центре Карнеги. – М., 2000; Исламский радикализм как побочный эффект «холодной войны» // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. - № 1(13); Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор. Доклад на семинаре «Исламизм: глобальная угроза?» в Институте социальных систем МГУ им. М.В.Ломоносова. – М., 2000; Игнатенко А.А. Обыкновенный ваххабизм, часть 1. Еретическое течение в Исламе // www.russ.ru. - 2001. - 14 сент.

⁷ См.: Добаев И.П. Геополитика исламского мира на Кавказе // Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственных интересов России. Ростов н/Д, 1998; Исламский радикализм в международной политике. Ростов н/Д, 2000; Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика. Дисс. ... докт. филос.

радикализма в исламе, а также крайние формы его бытования – религиозно-политический экстремизм и терроризм. Наряду с теоретическими аспектами во многих научных трудах прописаны практические меры, направленные на противодействие распространению радикального ислама и борьбу с терроризмом.

На северокавказском уровне серьезный вклад в изучение данной проблематики внесли следующие исследователи-исламоведы: С.Е. Бережной, М.В. Вагабов, Н.М. Вагабов, Е.В.Кратов, Х.Т.Курбанов, С.А.Ляужева, Г.А.Мурклинская, М.И.Сампиев, К.М. Ханбабаев. Исследования указанных авторов ценны тем, что в них прослеживается степень включенности религиозного (исламского) фактора в общественно-политические процессы и отношения на Северном Кавказе в тех или иных исторических условиях.

Основными ультрарадикальными субъектами на Северном Кавказе выступают т.н. «исламистские джамааты». Разобраться в тонкостях и нюансах данного аспекта помогли исследования авторитетного чеченского ученого-исламооведа В.Х. Акаева, а также С.Я Суцего, Силантьева Р.А. и др.⁸

Значительную помощь в изучении экономических аспектов противодействия деятельности северокавказских исламистских террористических организаций оказали научные работы Ю.С. Колесникова и А.И. Добаева⁹.

наук. Ростов н/Д, 2003; Новый терроризм в мире и на юге России. Ростов н/Д, 2005; Новые тенденции в террористическом движении в контексте геополитических трансформаций на Юге России // «Евразийский проект: кавказский вектор»: Мат. науч.-практ. семинара. Азов, 2005; Современный терроризм: нетрадиционный актор геополитики Юга России // Философская инноватика и современная геополитика. - Ростов-на-Дону, 2010; Политические институты исламского мира: идеология и практика. – Ростов-на-Дону, 2001; Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. – Москва - Ростов-на-Дону, 2011 и др.

⁸ Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004; Религиозно-политический конфликт в ЧР Ичкерия // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 5; Северокавказский ваххабизм – разновидность исламского радикализма // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2000. № 3; Традиционный ислам и ваххабизм (к религиозно-политической ситуации в Чечне) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2000. № 2; Акаев В.Х., Вок Г.Б., Керимов М.М. Ислам в Чечне (традиции и современность). Грозный, 2006 и т.д.; Суций С.Я. Террористическое подполье на востоке северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2010; Силантьев Р.А. Ислам в современной России. Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2008.

⁹ Колесников Ю. Какая «стратегия» нужна Северному Кавказу // Южно-Российский форум. 2010. - № 1.; Добаев А.И. Экономическая безопасность и терроризм в эпоху глобализации / Южнороссийское обозрение.

Труды вышеназванных авторов многогранно и достаточно полно освещают процесс становления и развития радикального исламистского и террористического движений. Однако детальное изучение научной разработанности заявленной темы позволяет сделать вывод о том, что террористические исламистские религиозно-политические организации на Северном Кавказе, рассматриваемые в контексте институционально-политологического подхода ранее не являлись предметом научного исследования. Наличие дискуссионных и неисследованных вопросов придает теме проблемный характер, что потребовало более глубокой проработки целого ряда вопросов, касающихся радикальных НРПО, и особенно их институционализации в северокавказском регионе России в постсоветский период.

Глава I. Террористические религиозно-политические организации: методология институционально-политологического исследования

1.1. Основные подходы к исследованию современных террористических РПО и используемые понятия

В данном параграфе нам предстоит осмыслить и представить рабочее определение главного конструкта нашего исследования – террористические исламистские религиозно-политические организации, понимаемые в качестве специфических политических институтов. В этой связи предварительно нам предстоит рассмотреть такие базовые понятия исследования, как «институт», «социальный институт», «политический институт», «религиозный институт», «религиозно-политический институт», «исламские религиозно-политические организации (РПО)», «радикальные исламские РПО», «экстремистские исламские РПО», «террористические исламистские РПО», а также и другие смежные явления.

Основным подходом выбран институциональный подход, позволяющий подробным образом рассмотреть институты террористического движения. Институциональный подход к исследованию РПО характеризуется рядом специфических черт. Он не акцентирует внимания на одной определенной предметной области знаний (политологии, социологии, правоведении), а предстает реализацией системно-целостного, многофакторного, многоаспектного анализа, основанного на сочетании подходов различных отраслей гуманитарных знаний.

Большой энциклопедический словарь дает определение понятию «институт» в политологическом контексте - (от лат. institutum - установление, учреждение) - в широком смысле - элемент социальной структуры, исторической формы организации и регулирования общественной жизни; в

узком - совокупность учреждений, норм, ценностей, культурных образцов, устойчивых форм поведения¹⁰.

В словаре русского языка С.И. Ожегова институт - совокупность норм и права в какой-нибудь области общественных отношений, та или иная форма общественного устройства¹¹.

Институт, по разъяснению Мориса Ориу, одного из основателей теории институционализма, это всякое длительно существующее объединение людей или обстоятельств социального характера, некая «организующая идея»¹². Или его же определение гласит, что институт есть объективная социальная организация, осуществившая в самой себе высшую степень правового порядка, то есть организация, обладающая одновременно суверенитетом власти, конституционным устройством этой власти с определенными статусами и юридической автономией¹³. Наряду с этим институты - это правила игры в обществе или, более формально, созданные ограничения, которые определяют человеческий опыт¹⁴.

На структуры, связанные с институциональной формой, одним из первых обратил внимание Э. Дюркгейм, когда заметил, что они постоянны и сохраняются даже при изменении социальной системы. Наиболее обстоятельное и систематическое развитие идеи институционализма представлено во взглядах Ж. Ренара. Он утверждал, что, несмотря на бесчисленное множество институтов, всем им присущи основные признаки: наличие организующей идеи, властность, нормативно-правовой характер. Право при этом выступает как система институционально оформленных

---

¹⁰ <http://slovari.299.ru>

¹¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М: ОНИКС 21 век, 2004. – С. 246.

¹² Павкин Л.М. История западных политико-правовых учений XX века. - Ростов-на-Дону: «Эверест», 2008. – С. 19.

¹³ Ориу М. Основы публичного права / Пер. с фр. / Под ред. Е. Пашуканиса и Н. Челянова. - М., 1929. - С. 115-116.

¹⁴ См. Thelen R. and Stein, H. 1990. Historical Institutionalism // Douglass C North, Institutions, Institutional Change and Economic Performance (Cambridge: Cambridge University Press). - P. 2-3.

5 Воротилин Е.А. Политико-правовая теория институционализма М. Ориу (историко-критический анализ): Автореф. дис....канд. юр. наук. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. - С. 4.

социальных связей. Отличительным признаком института служит наличие идеи, направляющей активность индивидов¹⁵.

Что касается определения «*социальный институт*», то его Большой энциклопедический словарь определяет как «первоначальное обозначение совокупности норм права, регулирующих социально-правовые отношения в различных сферах общества (например, институт брака, семьи и др.)»¹⁶. Социальный – общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе¹⁷.

Под социальным институтом также понимается «объединение людей, выполняющих специфические функции в рамках социальной целостности и связанных общностью функций, а также традиций, норм, ценностей; объединение, обладающее внутренней структурой и иерархией и отличающееся особым устойчивым характером связей и отношений как внутренних, так и внешних»¹⁸. В социологии институт – это социальная организация, ведущая через традицию, обычай или законодательное ограничение к созданию долгосрочных и устойчивых образцов поведения.

Таким образом, социальный институт является исторически сложившейся устойчивой формой организации совместной деятельности людей, которая, в то же время, может подвергаться различным изменениям в ходе развития общества.

Каждый социальный институт как организованная социальная система характеризуется устойчивой структурой и обладает набором определенных указанных ниже составных элементов, более или менее оформленных в зависимости от типа института¹⁹:

1. Имеет свою *цель* деятельности.

---

¹⁶ <http://slovari.299.ru>

¹⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 2004. – С. 546.

¹⁸ Лейман И.И. Наука как социальный институт. — Л.: Наука. Ленингр. отд., 1971.— С. 20.

¹⁹ См.: Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1967. — С. 107.

2. Институт определяет *функции права и обязанности* участников институализированного взаимодействия для достижения поставленной цели. Каждый индивид выполняет свою устоявшуюся, традиционную для данного института социальную роль, функцию в рамках данного института, благодаря чему все остальные имеют достаточно надежные и обоснованные ожидания.

3. Обладает определенными *средствами и учреждениями* для достижения цели. Они могут быть как материальными, так и идеальными, символическими.

4. Располагает определенной *системой санкций*, обеспечивающих поощрение желаемого и подавление нежелаемого, отклоняющегося поведения.

Таким образом, социальные институты контролируют и упорядочивают поведение индивидов, они поощряют действия входящих в них лиц, согласующиеся с соответствующими стандартами поведения, и подавляют поведение, отклоняющееся от требований этих стандартов.

История появления и развития социальных институтов — это история постепенного превращения социального института традиционного типа в современный социальный институт. В ходе своего развития социальные институты стали более специализированными по функциям, а некоторые из них заняли господствующее место в системе социальных институтов. Так, например, в первобытном обществе особую роль играла семья, в феодальном обществе в качестве базовых выступали религиозные институты, в России после Октябрьской революции господствующее место занимали политические институты, в первую очередь, Коммунистическая партия, а в капиталистическом обществе особую роль играют экономические институты.

Следует отметить, что изменение каждого отдельного социального института, как и всей системы социальных институтов, может происходить как эволюционным, так и революционным путем. Источниками изменения могут быть как эндогенные (т.е. внутренние), так и экзогенные (т.е. внешние) факторы, или те и другие одновременно. Среди экзогенных факторов наиболее важными являются воздействия со стороны культуры (изменение культуры, а

также изменение ценностных ориентаций) и личности (всякого рода новаторская деятельность человека). Эндогенные изменения социальных институтов происходят в основном из-за того, что определенный институт перестает эффективно обслуживать цели и интересы тех или иных социальных групп и коллективов²⁰. Как следствие, институт либо отмирает, либо приобретает новое качество, становясь новым институтом. Учреждение каких-либо новых социальных институтов, правовое и организационное закрепление тех или иных общественных отношений называется *институционализацией*.

Процесс институционализации состоит из нескольких последовательных этапов²¹:

- 1) возникновение потребности, удовлетворение которой требует совместных организованных действий;
- 2) формирование общих целей;
- 3) появление социальных норм и правил в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок;
- 4) появление процедур, связанных с нормами и правилами;
- 5) институционализация норм и правил, процедур, т.е. их принятие, практическое применение;
- 6) установление системы санкций для поддержания норм и правил, дифференцированность их применения в отдельных случаях;
- 7) создание системы статусов и ролей, охватывающих всех без исключения членов института.

Институциональные изменения часто трудно проследить, настолько могут быть медленными, незримыми и возникающими задолго до того, как проявятся результаты их влияния. Они могут происходить вследствие технического прогресса, открытия Интернета, прироста населения, т.е. процессов, в результате которых становятся «невыгодными» отдельные формы

---

²⁰ См.: Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль: Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц: тексты. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. - С. 464-480; С. 469-470.

²¹ Фролов С. Социология: Учебник для высш. учеб. заведений - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. - С. 166.

организационного и институционального взаимодействия, успешно функционировавшие ранее. Идеология также является одним из источников институциональных изменений. В общем виде под идеологией понимают субъективные модели, через призму которых люди воспринимают и оценивают окружающий мир.

Зависимость между новыми и старыми институтами характеризуется двумя путями их развития: появление противоположных существующей институциональной матрице формальных институтов с формированием новых неформальных норм, соответствующих принятым формальным. Полное несоответствие принимаемых формальных правил неформальным нормам приводит к тому, что неформальные нормы оказываются более «живучими» и, как результат, - неформальная институционализация вновь принятых формальных правил.

Стремление упорядочить свою деятельность в государственном пространстве, сведение к единому знаменателю, консенсусу социальных норм и институтов приводит к трансформации и созданию новых форм социальных институтов – *неоинститутам*. В научных кругах неоинституты рассматриваются как «состоящие из легко идентифицируемых ролей, наряду с наборами правил или конвенций, управляющих отношениями тех, кто занимает эти роли»²². Эти правила находятся «в пределах широкого набора потенциально правовых правил, которые теоретически совместимы с конституциональной системой»²³. Однако помимо своего конституционального характера, «институт - это коллективное действие по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия».²⁴ Действуя на протяжении нескольких поколений и со временем изменяясь, институты для обеспечения преемственности и развитие

---

²² Orang R. Young. International Regimes; Toward a New Theory of Institutions // World Politics, 39, (October), 1986. - P. 104-105.

²³ Ostrom, Elinor; Gardner, Roy; and Walker, James. Rules, Games, and Common-Pool Resources (Ann Arbor: University of Michigan Press), 1994. - P. 39.

²⁴ Commons. John R. The Economics of Collective Action (New York: Macmillan), 1950. - P. 21.

социальной устойчивости в обществе трансформируются в неoinституты, существующие в условиях используемых правил и имеющие устоявшиеся базовые характеристики, тем не менее подстроенные к современным условиям, что смягчает социальные дилеммы, которые мешают коллективным действиям.

Среди социологов нет единого мнения по поводу того, как соотносятся друг с другом понятия «*социальный институт*» и «*социальная организация*». Одни считают, что вообще нет необходимости различать эти два понятия, употребляют их как синонимы, так как многие социальные явления, такие, например, как система социального обеспечения, образование, армия, суд, банк, могут одновременно рассматриваться и как социальный институт, и как социальная организация, другие же приводят более или менее четкое их разграничение. Трудность проведения четкого «водораздела» между этими двумя понятиями связана с тем, что социальные институты в процессе своей деятельности выступают как социальные организации - они структурно оформлены, институционализированы, имеют свои цели, функции, нормы и правила. Сложность заключается в том, что при попытке выделить социальную организацию как самостоятельный структурный компонент или социальное явление приходится повторять те свойства и черты, которые характерны и для социального института.

Также следует отметить, что, как правило, организаций значительно больше, чем институтов. Для практической реализации функций, целей и задач одного социального института часто формируется несколько специализированных социальных организаций. Например, на базе института религии созданы и функционируют различные церковно-культовые организации, церкви и конфессии (православие, католицизм, протестантизм – в христианстве, суннизм и шиизм – в исламе и т.д.).

Большой энциклопедический словарь определяет понятие «организация» (франц. *organisation*, от ср.-век. лат. *organizo* - сообщаю стройный вид, устраиваю) как 1) внутреннюю упорядоченность, согласованность,

взаимодействие более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленные его строением; 2) совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого; 3) объединение людей, совместно реализующих программу или цель и действующих на основе определенных правил и процедур²⁵.

По организационным формам деятельности организации целесообразно разделить на межправительственные и неправительственные. Если первые учреждаются группой государств с целью согласования интересов и выработки общей позиции по тем вопросам, которые являются предметом деятельности данной организации, то вторые возникают путем объединения физических и юридических лиц, деятельность которых осуществляется вне рамок официальной политики государства.

В зависимости от выполняемых функций социальные институты можно разделить на следующие группы: экономические, политические, воспитательные и культурные, включая науку²⁶. В социологическом словаре приведено пять основных видов социальных институтов: экономические институты, служащие для производства и распределения товаров и услуг; *политические институты*, регулирующие осуществление власти и доступ к ней; институты стратификации, определяющие размещение позиций и ресурсов; институты родства, связанные с браком, семьей и социализацией молодежи; институты культуры, связанные с религиозной, научной и художественной деятельностью²⁷. В социологии также существует дифференциация социальных институтов по главным сферам общественной деятельности, и выделяются прежде всего *политические институты*, правовые и правоохранительные институты, а также институты экономические²⁸.

---

²⁵ <http://slovari.299.ru>

²⁶ Лейман И.И. Наука как социальный институт. - С. 21.

²⁷ Социологический словарь / Николас Аберкромби, Стивен Хилл, Брайан С.Тернер: Пер. с англ. под ред. С.А.Ерофеева. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. - С. 106-107.

²⁸ См.: Трачевский А.С. Предисловие к русскому изданию // Вормс Р. Общественный организм / Пер. с фр., под ред. и с предисл. А.С.Трачевского. - СПб.: Изд. Ф.Павленкова, 1897. - С. 134.

Из всего многообразия существующих классификаций социальных институтов выделим следующие группы институтов:

1. *Экономические* — это все институты, которые обеспечивают процесс производства и распределения материальных благ и услуг, регулируют денежный оборот, занимаются организацией и разделением труда и т.д. (банки, биржи, корпорации, фирмы, акционерные общества, заводы и т.д.).

2. *Политические* — это институты, которые устанавливают, исполняют и поддерживают власть. В концентрированной форме они выражают существующие в данном обществе политические интересы и отношения. Совокупность политических институтов позволяет определить политическую систему общества (государство с его центральными и местными органами власти, политические партии, полиция или милиция, юстиция, армия и также различные общественные организации, движения, объединения, фонды и клубы, преследующие политические цели).

3. *Воспроизводства и родства* — это институты, благодаря которым поддерживается биологическая непрерывность общества, происходит удовлетворение сексуальных потребностей и родительских стремлений, регулируются отношения между полами и поколениями и т.д. (институт семьи и брака).

4. *Социально-культурные и воспитательные* — это институты, главная цель которых заключается в создании, развитии, укреплении культуры для социализации молодого поколения и передачи ему накопленных культурных ценностей всего общества как целого (семья как воспитательный институт, образование, наука, культурно-воспитательные и художественные учреждения и т.п.).

5. *Социально-церемониальные* - это институты, регулирующие повседневные человеческие контакты, облегчающие взаимопонимание. Хотя эти социальные институты представляют из себя сложные системы и чаще всего бывают неформальными, благодаря именно им определяются и регулируются способы приветствий и поздравлений, организация

торжественных свадеб, проведение собраний и т.п., над чем мы сами обычно не задумываемся. Это институты, организованные добровольным объединением (общественные организации, товарищеские объединения, клубы и т.п., непреследующие политические цели).

б. *Религиозные* — институты, организующие связь человека с трансцендентными силами. Потусторонний мир для верующих людей существует реально и определенным образом влияет на их поведение и социальные отношения. Институт религии играет заметную роль во многих обществах и оказывает сильное влияние на многочисленные человеческие отношения.

В приведенной классификации рассмотрены только так называемые «главные институты», самые важные и в высшей степени необходимые, вызванные к жизни непреходящими потребностями, которые регулируют основные социальные функции и являются характерными для всех типов цивилизаций.

Несмотря на большое разнообразие существующих классификаций социальных институтов, что обусловлено различными критериями деления, почти все исследователи как самые важные выделяют два вида институтов - экономические и политические. Это связано с тем, что значительная часть ученых считает, что институты экономики и политики оказывают наиболее существенное влияние на характер изменений в обществе.

В рамках заявленной темы диссертационного исследования наибольший интерес представляют два вида социальных институтов: политические и религиозные, а также религиозно-политические.

В политологии *политический институт* – комплекс принципов и норм, формальных и неформальных правил, регулирующих процессы в сфере политики; это устойчивый вид социального взаимодействия, регулирующий определенный сегмент отношений политической власти в обществе. Политические институты выступают в форме политических организаций и учреждений (государственных, партийных и т.д.). Определением

политического института может также выступать модель человеческих отношений, с которых копируются конкретные отношения, приобретая, таким образом, характер стабильных, устойчивых и сплоченных²⁹.

М. Дюверже в определении политических институтов был близок к классическим институционалистам, обозначая этим термином совокупность идей, верований, обычаев, составляющих упорядоченное и организованное целое (брак, семья, выборы, правительство, собственность и др.) Политические институты – те, что наиболее организованы и связаны с политической властью. Дюверже считал, «что мы не должны более придерживаться юридического анализа политических институтов, а должны включать его более полный и объемный анализ социологического характера»³⁰.

Чтобы политические отношения обрели устойчивый характер необходимо³¹:

а) чтобы в обществе сложились четкие нормы, правила, регулирующие поведение людей, вступающих во взаимодействие;

б) обеспечить устойчивость институционального взаимодействия, поддерживаемую санкциями, которые применяются в отношении тех, кто попытается нарушить принятые нормы и правила; эти санкции могут быть «мягкими», т.е. существовать в виде общественного порицания, замечания, а могут становиться и «жесткими», когда в отношении нарушителя будет применяться принуждение;

в) чтобы люди, вступающие во взаимодействие, рассматривали институциональные нормы как значимые, необходимые, естественные.

Итак, политические институты - это устойчивые виды политических отношений, воспроизводство которых обеспечивается благодаря:

а) нормам, регламентирующим характер взаимодействия;

б) санкциям, препятствующим отклонению от нормативных моделей

---

²⁹ См.: Duverger M. Sociologie Politique.- Paris, 1968. - P. 103.

³⁰ Дюверже М. Политические институты и конституционное право. // История политических и правовых учений. - Харьков, 1999. – С. 1020.

³¹ <http://emc.komi.com/02/15/126.com>

поведения;

в) опривычиванию сложившегося институционального порядка³².

Перечисленные свойства принято называть атрибутами политического института. Именно они делают политические институты объективными, самовоспроизводящимися социальными образованиями, не зависящими от воли и желания отдельных индивидов, побуждающими людей ориентироваться в своем поведении на предписываемые модели поведения, на определенные нормы и правила.

В современной политологии различают традиционные политические институты, основывающиеся на жестких нормах и правилах (ритуалах, традициях, обычаях) деятельности и общения, и модернизированные институты, где нормы и правила более гибки и подвижны, более независимы от системы моральных предписаний

По характеру организации политические институты разделяют на формальные (их деятельность основана на установленных нормах и правилах) и неформальные (их деятельность основана на личных отношениях и контролируется моральными нормами и традициями)³³.

Неоинституциональный подход к изучению политических процессов акцентирует внимание исследователей на трех взаимосвязанных вопросах: 1) каковы направления развития, отбора и смены различных политических институтов; 2) как осуществляется выбор тех или иных организационных политических форм в зависимости от характера существующей институциональной среды; 3) каковы особенности поведения политических субъектов в рамках различных организаций.

В качестве методологического основания изучения этих вопросов в последнее время широкое применение в неоинституциональных исследованиях

---

³² См.: Duverger M. *Sociologie Politique*. - Paris, 1968. - P. 103.

³³ См.: Политология: Словарь-справочник / М.А. Василик, М.С. Вершинин и др. – М.: Гардарики, 2000. – С. 98.

получила теория игр³⁴. С позиций этой теории политические организации рассматриваются по аналогии со спортивными командами. Политические институты также рассматриваются по аналогии с действующими в спорте общими и частными «правилами игры». Общие правила игры разнообразны - от конституций до норм этикета, частные правила связаны с внутренними ограничениями в организациях, соблюдать которые обязаны их члены. Эти «правила игры» задают систему положительных и отрицательных стимулов, направляя поведение политических субъектов в регионе в определенное русло, и тем самым делаая более предсказуемым сам политический процесс в регионе³⁵.

В основе *религиозных институтов* лежит религия. Существует распространённое определение религии как институционализированной системы верований, символов, ценностей и практик, которые обеспечивают группу людей решением вопросов, относящихся к сфере предельных категорий человеческого бытия³⁶.

Или другое определение: религия есть институционализированная форма отношения человека и человеческого общества к Первоначалу³⁷.

Если рассматривать социальный институт в качестве ценностно-нормативного комплекса, то религия как мировоззрение со своей культурно-символической основой, безусловно, может считаться социальным институтом. Естественно, что религиозные организации во всех своих устойчивых формах также подпадают под определение института как организации. Появление и развитие устойчивых форм религиозных организаций является естественным и объективным процессом. Религиозные институты обладают всем набором основных функций и характеристик социального института. При этом религиозный институт:

---

³⁴ См. подробнее: Барбашин М.Ю. Социальная трансмиссия в контексте неинституционализма // социально-гуманитарные знания. 2000. – С. 117

³⁵ См.: Лубский А.В. Методология региональных социально-гуманитарных исследований: Учебное пособие для аспирантов, молодых ученых и магистров – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. – С. 141-143.

³⁶ Журавлев В. Христианская социология как поиск цивилизованной идентичности России: проблемы методологии // <http://russkie.org>

³⁷ Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. - М., Евразийское Движение, 2007. – С. 490.

1) создает возможность своим членам удовлетворять потребности и интересы;

2) регулирует действия своих членов;

3) обеспечивает устойчивость отношений;

4) обеспечивает интеграцию стремлений, действий и интересов;

5) осуществляет социальный контроль;

6) сохраняет и передаёт (транслирует) духовный и социальный опыт.

Деятельность религиозного института определяется:

1) набором специфических норм, регулирующих типы ролевого поведения его членов;

2) интеграцией в социально-политическую, идеологическую, ценностную структуры общества,

3) наличием материальных средств и условий, обеспечивающих успешное выполнение основных функций и осуществление социального контроля³⁸.

Неким симбиозом политических и одновременно религиозных институтов выступают *религиозно-политические институты*, которые характеризуются тем, что оформление института - религиозное, то есть в основе его деятельности лежит религия, а его цель – политическая.

Наиболее распространенными среди религиозно-политических институтов являются исламские религиозно-политические институты, входящие в предметную область диссертационного исследования. Причиной этому служит то, что характерной для мусульманства как системы чертой выступает неразрывная связь ислама и политики. Так, иранский автор М. Санаи подчеркивает: «безусловно, общепризнанным является то, что ислам по сравнению с другими религиозными учениями имеет наиболее тесные и глубокие связи с политикой и властью как важнейшими средствами реализации своих принципов. Поэтому среди мусульман сохраняется особая

---

³⁸ См.: Журавлев В. Там же.

приверженность политике, подпитываемая непосредственно исламским учением»³⁹. Поскольку исламские РПО в основу своей деятельности ставят достижение политических целей, то объективно возникающие на этом пути препятствия порождают политический радикализм.

Большой энциклопедический словарь дает понятие радикала (от лат. *radix* - корень) - это сторонник коренных, решительных мер⁴⁰.

В свою очередь, радикализм (от лат. *Radicalis* коренной) – решительное, бескомпромиссное осуществление намерений в том или ином деле, совокупность социально-политических идей и действий, направленных на коренное изменение основных институтов или политической системы в целом⁴¹.

Радикализация исламского движения – это процесс становления и укрепления исламизированных политических групп, использующих исламские лозунги и элементы учения ислама как идеологическую платформу, что отличает их от других общественных формирований в ходе борьбы за власть со своими политическими оппонентами, для насильственного насаждения собственной веры и изменения на этой основе существующего общественно-политического строя в том или ином регионе⁴².

Следовательно, из этого определения можно вывести определение *радикальных исламских религиозно-политических организаций* – исламизированные политические группы, использующие исламские лозунги и элементы учения ислама как идеологическую платформу в ходе борьбы за власть со своими политическими оппонентами для насильственного насаждения собственной веры и изменения существующего общественно-политического строя на основе исламских норм шариата.

³⁹ Санаи М. Исламская революция, международное право и диалог цивилизаций // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. - М., 1999. – С. 13.

⁴⁰ <http://slovari.299.ru>

⁴¹ См.: Политология: Словарь-справочник / М.А. Василик, М.С. Вершинин и др. – М.: Гардарики, 2000. - С. 235.

⁴² Сухов А.В. Радикализация исламского движения в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический анализ. Дис. к.п.н. – Ростов н/Д: СКАГС, 2008.

Можно говорить о двух уровнях радикализации исламских религиозно-политических организаций: умеренном и ультрарадикальном. На первом уровне существуют организации, являющиеся благотворительными, просветительскими, культурными и даже политическими и действующие в рамках законов их стран, занимают лояльную позицию по отношению к существующей власти, считают неприемлемыми для себя любые формы насилия. Однако имеется целый ряд объединений, которые находятся в оппозиции, часто непримиримой, к режимам в соответствующих странах. Это ультрарадикальные религиозно-политические организации (РПО). Они, как правило, ставят перед собой задачу либо свержения этих режимов, либо политико-государственного самоопределения мусульман, не исключая при этом использования насилия, представляемого ими в качестве джихада⁴³. Именно второй уровень и проявляется в форме экстремизма и терроризма. Подобной точки зрения придерживается большинство современных исследователей этого явления. В ряде стран (Египет, Ливан и др.) такого рода теоретическая посылка используется на практике: здесь дифференцированно подходят к двум главным течениям в радикальном исламе. С одной стороны, «умеренных» привлекают к участию в политической (в том числе парламентской) борьбе, интегрируют их в сферу экономики, органы управления всех уровней и т.п. при сохранении контроля со стороны властей за проводимой ими деятельностью, а с другой стороны применяют жесткие административные, порой даже репрессивные, меры против исламских экстремистов⁴⁴.

Экстремизм (от лат. *extremus* крайний) – приверженность к крайностям в политике. Чаще всего экстремизм проявляется в отрицании существующих политических норм, ценностей, процедур, основополагающих принципов

---

⁴³ См.: Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. – С. 14-18.

⁴⁴ Тишков В.А. Стратегия противодействия экстремизму // Сеть этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. - М., 1999. № 23. - С. 7.

организации политических систем, стремлении к подрыву политической стабильности и низвержению существующей власти⁴⁵.

Экстремистские исламские РПО классифицируются в зависимости от используемых или объявляемых ими форм и методов деятельности – насильственных или ненасильственных. Характерно, что сторонников насильственных акций (экстремистов) отличают высокая степень готовности к осуществлению диверсионно-террористических акций, сопровождающихся массовыми жертвами и разрушениями; чрезвычайный накал религиозного фанатизма членов террористических организаций, вплоть до массового участия в акциях боевиков-смертников; поиск экстремистскими группами контактов и путей сближения со своими единомышленниками с целью создания единой наднациональной организации в форме «исламского интернационала» (например, «Мировой фронт джихада»).

Наиболее опасными с точки зрения реализации угроз, связанных с насилием, диверсиями и террором, представляют террористические религиозно-политические институты исламского мира. Их отличительной чертой является религиозный, а точнее – исламистский характер. Подчеркнем: именно – «исламистский», а не «исламский». Под термином «исламистский» мы понимаем политическую составляющую ислама. Для руководителей этих организаций ислам – это, прежде всего, надежное орудие, важнейшее средство захвата и удержания власти, удобное средство достижения конкретных политических целей, определяемых не религиозными ценностями, а интересами политической борьбы как внутри мусульманских стран, так и на региональном и глобальном уровнях. Именно политика в исламе, которая диктует свою волю и экономике, и военному искусству, и другим сторонам общественного бытия мусульманских народов выходит в настоящее время на первое место в ряду составляющих элементов этой религиозной системы.

Исламизм – идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, при которых социальные, экономические, этнические и иные

---

⁴⁵ Политология: Словарь-справочник. / М.А. Василик, М.С. Вершинин и др. – М.: Гардарики, 2000. - С. 320

проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами разрешаются исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны). Иными словами, речь идет о реализации проекта создания политических условий для применения исключительно исламских (шариатских) норм общественной жизни во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Именно поэтому исламизм именуется еще «политическим исламом» или «политизированным исламом»⁴⁶.

Исламизм существует не только как некая система представлений, но реализуется в деятельности конкретных мусульманских государств, партий, движений, групп и т.д. Деятельность экстремистских исламистских организаций обширна и многообразна. Исламисты используют весь арсенал имеющихся в распоряжении средств и методов: от законных до противоправных, вплоть до террористических. Исламистские организации, использующие террористические средства и методы для достижения своих политических целей под прикрытием ислама называются *террористическими исламистскими религиозно-политическими организациями*.

Большой энциклопедический словарь определяет понятие террор (терроризм) (лат . terror - страх, ужас) как насильственные действия (преследования, разрушения, захват заложников, убийства и др.) с целью устрашения, подавления политических противников, конкурентов, навязывания определенной линии поведения. Различают индивидуальный и групповой террор (например, действия экстремистских политических группировок) и государственный террор (репрессии диктаторских и тоталитарных режимов)⁴⁷.

Исследуя религиозно-политические организации террористической направленности, мы также должны дать их определение.

---

⁴⁶ Игнатенко А. Исламизм: глобальная угроза? // НИИ социальных систем. Серия: Научные доклады. № 2.- М., 2000. – С. 4.

⁴⁷ <http://slovari.299.ru>

Так, в Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» (N 130-ФЗ от 25 июля 1998) дано следующее определение: террористическая организация – организация, созданная в целях осуществления террористической деятельности или признающая возможность использования в своей деятельности терроризма. Организация признается террористической, если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет террористическую деятельность с ведома хотя бы одного из руководящих органов данной организации⁴⁸.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что *террористические исламистские религиозно-политические организации* – это политические институты, использующие исламские лозунги и элементы учения как идеологическую платформу при осуществлении террористической деятельности с целью устрашения, подавления политических противников для насильственного насаждения собственной веры и изменения существующего общественно-политического строя путем построения т.н. «исламского государства» и повсеместного насаждения норм шариата вне рамок официальной политики государства.

1.2. Международные исламистские религиозно-политические организации: сущность и типология

В настоящее время численность населения Земли, исповедующего ислам, превышает 1,5 млрд человек. Это не только жители собственно мусульманских стран, где ислам провозглашён государственной религией или мусульмане составляют конфессиональное большинство, но и члены мусульманских общин, создаваемых в последние годы практически во всех странах мира.

На географической карте мусульманские страны образуют своеобразный «исламский пояс», который тянется от юга Европы через Северную Африку,

---

⁴⁸ <http://base.consultant.ru>

Ближний Восток, Юго-Западную и Центральную Азию до Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. Следует отметить, что 60% мусульманского населения проживает именно в азиатских странах, а арабское население традиционного духовного «центра» мусульманского мира (Саудовской Аравии и прочих стран Ближнего и Среднего Востока) составляет лишь 15%⁴⁹.

В последние годы по мере роста влияния исламского фактора на международные отношения само понятие «исламский пояс» приобретает отчётливый геополитический характер. В условиях быстро меняющейся политической картины мира большинство стран всё чаще учитывают этот фактор при формировании своей политической стратегии и тактики. Межнациональные исламские организации и прежде играли важную роль в международной политике, но со второй половины XX века и особенно в последние десятилетия практически на всей территории «исламского пояса» начался бурный процесс образования различных религиозно-политических объединений и группировок, которые заявляют о себе как исламистских организациях и оказывают значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств.

Создаваемые в мусульманских странах новые религиозно-политические организации используют в своей деятельности различные методы: одни выступают с позиций умеренного ислама, действуя строго в рамках закона и отрицая любые формы насилия; другие же, напротив, нередко находятся в непримиримой оппозиции к существующей власти и не исключают возможности использования насилия, в том числе путем проведения террористических актов.

Среди исламских религиозно-политических организаций есть фундаменталистские, программы которых не выглядят радикальными, а предполагают постепенную трансформацию общества. Вместе с тем некоторые из них могут организовывать акты «очищающего» насилия в местах

---

⁴⁹ См.: Комиссина И.Н. Мусульманские организации Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии / Ин-т стратегич. исслед. – М.: РИСИ, 2009. – С. 9-13.

«греховных» развлечений (ночных клубах, отелях и кинотеатрах). Специалисты обращают внимание на то, что подобные исламские общественно-политические организации иногда имеют двойную структуру — легальную и скрытую. Их скрытая часть представляет собой глубоко законспирированные организации, которые, как правило, имеют в своем составе военизированные группировки и могут применять насильственные методы для «исправления» существующей политической системы. Очень часто фундаменталистские организации, политическая и идеологическая платформа которых по своей сути близка к радикальному исламизму, практически открыто оказывают всестороннюю помощь исламистским экстремистским группировкам в различных странах, в том числе и в России. Собираемые частные взносы и пожертвования (хавала⁵⁰), как правило, учёту не подлежат и передаются конкретным доверенным лицам из этих организаций, а те используют их для закупки оружия и взрывчатых веществ, обеспечения деятельности подпольных структур и т.п. Например, по данным разведслужбы Индонезии, 15-20% доходов исламских благотворительных фондов передаётся террористическим группировкам, а, по данным филиппинских спецслужб, эта доля намного выше — 50-60%. Эксперты Бангладеш считают, что 20% доходов террористических группировок страны обеспечивают именно неправительственные организации. Например, известно, что Индонезийский совет пропаганды ислама и Совет моджахедов Индонезии поддерживают тесные связи с террористической «Джамаа Исламия». Такие организации обычно служат базой для вербовки и обучения боевиков, оказывают прямую пропагандистскую поддержку незаконным вооружённым формированиям, предоставляют им финансовые средства на закупку вооружения и боеприпасов. Иногда военизированные

---

⁵⁰ Хавала (вексель, расписка) – традиционный для ислама метод денежного обращения, который распространен на Ближнем Востоке, в Азии и Африке, но, по признанию экспертов, действует в Европе, Америке и России. В его основе лежат доверительные расчеты наличными средствами через сеть посредников. При этом реального перемещения денег, в том числе через границы, не происходит, никакой документации не ведется (деньги принимаются одним доверенным лицом и выдаются другим). Контролировать такую сумму государственным органам не представляется возможным. Эксперты склоняются к мнению, что уничтожить хавалу как явление сложнее, чем само исламское общество.

группировки включены непосредственно в структуры этих организаций. Так, полувоенное крыло индонезийского Коммуникационного форума приверженцев Сунны - Lashkar Jihad - было признано террористической организацией. Имеет полувоенное крыло Laskar Pembela Islam и Фронт защитников ислама⁵¹.

Истоки современного исламского радикализма следует отнести ко времени завершения стадии формирования колониальной и полуколониальной систем, то есть ко времени окончания Первой мировой войны. Именно в этот период стали возникать организации, оппозиционные колониальным властям: например, в Египте была создана первая такая современная структура - ассоциация «Братья-мусульмане».

Следует отметить, колониальная политика создала для мусульманских стран ряд территориальных проблем. Достаточно упомянуть, что в результате геостратегических притязаний мировых держав Ирак, Палестина, Трансиордания после завершения Первой мировой войны попали под британский мандат, а Ливан и Сирия - под французский. В то же время египетская монархия была создана и поддерживалась империалистами для содействия британскому управлению. Поэтому Египет, Сирия, Иордания, Ливан и Ирак были вынуждены жестко бороться за независимость. Страны Северной Африки также были колониями: Алжир, Марокко и Тунис под протекторатом Франции, Ливия под контролем Италии. Они смогли освободиться только после Второй мировой войны. Кувейт также был под британским протекторатом⁵².

Таким образом, с учетом этих исторических реалий на радикализацию суннитского ислама⁵³ оказало влияние изменение в ходе колонизации

---

⁵¹ См. Комиссина И.Н. Указ. соч. - С. 223-225.

⁵² Вагабов Н.М. Трансформация доктрины джихада и глобализационные основания распространения религиозно-политического экстремизма в исламе // Роль органов государственной власти и институтов гражданского общества Республики Дагестан в профилактике религиозно-политического экстремизма. Материалы республиканской научно-практической конференции. 19 мая 2009 г. – Махачкала: «Лотос», 2009. – С. 152-153.

⁵³ В исламе существует два главных направления: большинство следовало линии суннизма (от араб. «сунна» - священное приращение), а меньшинство – шиизма (от араб. «ши'а» - группа приверженцев). Сунна состоит из

параметров исторически сложившихся границ между странами региона. В результате территориальные претензии в настоящее время предъявляются Саудовской Аравией к Кувейту и Йемену, Сирией - к Турции, Ираком - к Кувейту и Ирану и т.д. Колонизация Палестины международными сионистскими организациями и последовавшие после образования государства Израиль арабо-израильские войны стали существенной причиной не только политизации суннитского ислама, но и появления в практике исламских организаций экстремистских вплоть до террористических методов борьбы. Экспансия США на Ближнем и Среднем Востоке также вызывала в ряде религиозных движений появление экстремистских идей. Дальнейшее распространение экстремистской идеологии практически по всему миру в конце XX века было связано с рядом факторов международного и регионального характера:

- во-первых, на это повлияли растущие экономические трудности в странах мусульманского мира;
- во-вторых, в немалой степени распространение экстремизма было связано с исламской революцией в Иране, после которой возникли массовые религиозно-политические вооруженные группировки в Кувейте, ОАЭ, Ливане, Египте и Судане, а также в зоне палестинской автономии;
- в-третьих, распространение крайних форм исламизма связано с войной в Афганистане;
- в-четвертых, расширение сферы влияния экстремизма в исламе связано с распадом социалистической системы и развалом Советского Союза, так как в результате банкротства идей социализма во многих государствах Ближнего и Среднего Востока (Египет, Ирак, Сирия, Ливия, Афганистан и

многочисленных комментариев к «Корану», сделанных многочисленными сподвижниками Мохаммеда или религиозными авторитетами последующих эпох. Сунниты разделяются, в свою очередь, на 4 религиозно-правовых учения, которые по-разному трактуют некоторые пункты исламского учения и «Корана». Они называются «мазхабами» - «ханафитским», «шафиитским», «ханбалитским» и «меликитским». Все они признают общеобязательным соблюдение законов «шариата». Крайней формой суннизма, развившейся из ханбалитского мазхаба, является «ваххабизм», возникший в XXVIII веке и названный по имени его основателя Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба (1703-1787). Для ваххабитов «джихад» (т.е. война с неверными) означает только прямое ведение боевых действий, а не те морально-духовные реальности, которые дают традиционные суннитские толкователи.

др.) возник идеологический вакуум, который быстро стал заполняться исламом, зачастую радикальным⁵⁴.

Процесс этот также активно развивается в Южной и Юго-Восточной Азии. Как показал анализ, одна из особенностей некоторых мусульманских организаций в странах Азии состоит в том, что их деятельность напрямую финансируется из стран Персидского залива и Ближнего Востока по государственным и частным (в последние годы — всё чаще) каналам. Например, из Саудовской Аравии получали финансовую помощь «Таблиг-и Джамаат», «Джамаат-и-Ислами» и «Джамиат Аль-Хадис» (Пакистан), Мусульманское образовательное общество Индии, Студенческое исламское движение Индии, Bangladesh Islami Chhatra Shibir (Бангладеш), Партия благоденствия и справедливости Индонезии, Индонезийский комитет всемирной исламской солидарности, Центр изучения ислама, призыва и наставлений (Филиппины), Китайская мусульманская ассоциация Тайваня, Федерация корейских мусульман⁵⁵.

В продолжающемся и сегодня процессе оформления мусульманских неправительственных организаций можно выделить, как минимум, три этапа, сложившиеся, как представляется, под влиянием американской политики в отношении исламского мира.

Первый этап начался в 90-е гг. прошлого века, когда США включились в войну в Персидском заливе. Всплеск организационной активности возник на волне протеста большей части исламского мира против американского военного вмешательства в мусульманский конфликт. Именно тогда появилось и вошло в политический лексикон такое понятие как «война Запада против ислама».

Второй этап был следствием военных действий США в Афганистане (2001 г.) и Ираке (2003 г.). Американское вторжение в эти страны вызвало новую волну возмущения в исламском мире, и тысячи добровольцев были готовы немедленно встать на защиту своих единоверцев.

---

⁵⁴ См. подробнее: Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2001. – С. 13-58.

⁵⁵ См.: Комиссина И.Н. Указ. соч. - С. 223-225.

Характерной чертой нынешнего, третьего, этапа является процесс активного создания проамериканских мусульманских неправительственных организаций, которые поддерживают различные фонды и неправительственные организации США. Основная задача последних состоит в том, чтобы оказывать информационно-пропагандистское влияние на население мусульманских стран с целью изменить представление их граждан о национальных и государственных интересах, постепенно формируя в исламском сообществе группы и движения, которые фактически становятся проводниками американской политики. Таким образом, Вашингтон пытается противодействовать широко распространённому в мусульманском мире стойкому антиамериканизму⁵⁶.

Однако радикализм, экстремизм и терроризм в мире ислама вовсе не современное явление. Три из четырех «праведных» халифов были убиты террористами. Террористами были и «хашишины» (XII-XIV века). Очередные наиболее яркие проявления исламского терроризма можно отметить в XVIII в., когда Мухаммед ибн Абд-аль-Вахаб (1703-1791 гг.), проповедник с Аравийского полуострова, осудил за развращенность распространенные народные верования и обычаи племен полуострова. Он проповедовал жесткую форму ислама, основанную на строгом толковании Корана, очищение ислама от позднейших отступлений. Формируя обновленческое политическое движение для очищения ислама и выполнения его божественного предназначения, он заключил союз с главой одного из арабских племен, Мухаммедом ибн Саудом. Борьба с джахалией (состояние невежества и варварства, которые якобы господствовали на Аравийском полуострове перед появлением откровений Мухаммеда) стала оправданием войн с единоверцами-мусульманами. К концу XVIII в. ваххабистско-саудовский альянс подчинил себе большую часть полуострова. К ужасу местной исламской уммы, он разрушил все почитаемые захоронения, включая могилу пророка, устроил резню мусульман в священных городах и установил свои правила для мусульманских паломников. В тот период в процесс вмешалась Османская империя и, используя западноевропейскую военную

---

⁵⁶ Там же.

тактику, вытеснила союз обратно в родовые земли саудитов вокруг Рияда. Тем не менее, Ваххабитско-саудовский союз просуществовал более двух веков. К 1925 г. он отвоевал большую часть аравийского полуострова и основал королевство Саудовская Аравия⁵⁷, которое хотя и не декларирует этого, является, по сути, ваххабитским государством.

Исторически присущее аравийцам два с половиной столетия назад мировоззрение постепенно трансформировалось в идеологическую доктрину современного экстремистского и террористического исламизма – т.н. «ваххабизм». Однако же вольное применение этого термина в отношении экстремистов и террористов не совсем корректно, потому что ислам в Саудовской Аравии и некоторых других монархиях Персидского залива проявляется именно в «ваххабитской» форме. Она стала в регионе традиционной, то есть ей следует большинство населения, которые ни радикалами, а тем более экстремистами и террористами, не являются. В то же время, идеология и практика религиозных экстремистских групп в Саудовской Аравии и во многих других странах сегодня зачастую в массовом сознании ассоциируется не с мусульманским радикализмом, а с «ваххабизмом» в целом, что, как представляется, ошибочно. На самом деле угрозы и вызовы существующему миропорядку формируют не все «ваххабиты» или салафиты⁵⁸, а их экстремистски настроенные единомышленники, которых, по нашему мнению, предпочтительнее называть неоваххабитами. Именно они, взяв на вооружение в качестве базовой ваххабитскую доктрину, разработанную М. Ибн Абд аль-Ваххабом и его сподвижниками, дополнили ее содержание новыми идеями. Иначе говоря, современная «неоваххабитская» доктрина, базируясь на положениях раннего, первоначального ваххабизма, выдвинутых в свое время самим вероучителем М. Ибн Абд аль-Ваххабом, за два с лишним века своего существования существенно эволюционировала в сторону усиления

---

⁵⁷ См. подробнее: Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008.- С. 212-226.

⁵⁸ В современном исламском мире ваххабитские тенденции отказа от традиционного толкования и призыв к буквальному пониманию «Корана» называют обобщающим термином «салафизм» (от араб. «ас-салаф ас-салих» - «праведные предки»). Последователей данного течения принято называть салафитами.

радикализма. Основой практической деятельности «ваххабитов», бесспорно, выступает джихад в его узком понимании, как агрессивной войны со всеми ради достижения победы своих идеалов⁵⁹.

Одна из первых салафитских ненасильственных группировок была образована в 1927 году «Джамаат-и Таблиг («Общество распространения ислама») в Индии. Ее стратегия основана на терпении и нацелена на постепенное превращение мусульманского общества в подлинную умму. В начале XIX века в русле салафитского обновленчества создаются салафитские политические партии. Хасан аль-Банна (1906-1949 гг.) основал в 1928 году в Египте организацию «Братья Мусульмане», а Маулана Абу аль-Аля Маудуди (1903-1979 гг.) – «Джамаат-и ислами («Исламское общество») в 1941 г. в Индии. Оба имели сходные убеждения, особенно в отношении объединения ислама как всеобъемлющего учения для жизни верующего и его общины. Их пути решения проблемы были салафитскими. Они отстаивали создание подлинно исламского государства посредством введения шариата, который они рассматривали не только в качестве закона, четко основанного на Коране, но и как образ жизни салафов. Чтобы выполнить эту программу и аль-Банна, и аль-Аля Маудуди создали свою организацию как авангард праведного сообщества, который должен был служить ядром истинно «возрожденных» мусульман, распространяя подлинный ислам в более широких кругах общества. В идеологических доктринах этих организаций вооруженный джихад против неверных колонизаторов был позволен, и указанные партии объединились с националистически настроенными мусульманами, стремясь завоевать независимость от колонизаторов.

Большинство мусульманских религиозно-политических организаций и групп, возникших в более позднее время, имеют идеологические позиции, аналогичные или весьма близкие к взглядам радикальных фундаменталистов из

---

⁵⁹ См. подробнее: Игнатенко А.А. Обыкновенный ваххабизм, часть 1. Еретическое течение в Исламе // www.russ.ru. - 2001. - 14 сент.

«Братьев-мусульман». Часто ими копировалась и организационная структура этой организации, имеющей большой опыт нелегальной деятельности и борьбы с властями. Наиболее известными из них являются: «Воины Аллаха», «Партия Аллаха», «Священная война», «Исламский джихад», «Исламский авангард», «Исламский фронт», «Исламская партия освобождения», «Братство священной войны», «Борцы за веру», «Движение исламского обновления» и другие.

Декolonизация в середине XX века вернула мусульман к власти во многих странах, став провозвестницей обещания построения истинно исламских государств. Например, Создание Пакистана на Индийском субконтиненте основывалось на мнении, что настоящие мусульмане не могут жить под правлением неверных индусов. Однако новые мусульманские лидеры избрали стратегию имитации их идеи о секуляризме, общественном суверенитете, национализме, правах женщин и конституционализме, что привело к прямому конфликту с салафитами, поднявшими вопрос об их легитимности как мусульманских лидеров. Эта оппозиция мусульманским лидерам со стороны политических салафитов создала взрывоопасную ситуацию. Ответом государства стала непоследовательная политика, которая колебалась от компромисса до репрессий. Подобная стратегия мирного салафитского реформирования сохранилась и поныне в Египте, Марокко и Пакистане, но была подавлена во многих других странах.

Новая страница в истории исламистского радикализма, характеризующаяся переходом к террористическим методам борьбы, открывается с созданием в пакистанском Пешаваре в разгар войны в Афганистане «Бюро услуг» или «Мактаб аль-Хидмат» - организации, занявшейся переправкой в Афганистан из арабских стран добровольцев для участия в «священной войне». Создателями «Бюро» были два убежденных исламиста - представитель палестинских «Братьев-мусульман» в Пешаваре шейх Абдалла Аззам и саудовский миллионер Усама бен Ладен, который и осуществлял финансирование данной организации. Отделения «Бюро» впоследствии были созданы во многих странах мира, включая Западную

Европу и США. Считается, что в Афганистане прошли обучение около 10 тыс. моджахедов, большинство из которых были не афганцами, а выходцами из Саудовской Аравии, Алжира, Египта, Йемена, Пакистана, Судана и других мусульманских стран.

После поражения Советского Союза в 1988 г. Усама бен Ладен (уничтожен в мае 2011 г.) создал в Афганистане новую организацию под названием «Аль-Каида» («База», «Основа»), целью которой было формирование всемирной арабской армии и распространение «джихада» на другие страны мира. «Аль-Каида» является авангардом мирового террористического движения и наиболее ярким классическим примером его институционализации.

В 1989 году суданский режим, во главе которого находились военная хунта и организация исламских фундаменталистов под названием «Национальный исламский фронт», пригласил бен Ладена переехать в Судан. В 1990 году он послал туда своих представителей, а сам приехал в эту страну в середине 1991 года. Бен Ладен оказывал Судану помощь, финансируя строительство дорог и оплачивая военные расходы правительства, которое вело борьбу против сепаратистов на юге страны. Взамен он получил возможность беспрепятственно открывать в Судане коммерческие предприятия и создавать инфраструктуру для поддержки терроризма.

К 1992 году бен Ладен замыслил нападение на США. По его словам, экстремисты, выбиравшие в качестве мишеней местных правителей или Израиль, шли недостаточно далеко: они не пытались «ранить змею в голову», - то есть напасть на Соединенные Штаты. Бен Ладен также заявлял, что США не только поддерживают Израиль, но и помогают остаться у власти репрессивным арабским режимам, не хранящим верность исламу. После войны в Персидском заливе бен Ладен резко выступал против американского военного присутствия в Саудовской Аравии, считая его осквернением священной мусульманской земли.

В Судане бен Ладен продолжил строительство «Аль-Каиды», начатое им в Афганистане. «Аль-Каида» стала составлять списки своих приверженцев и разработала структуру «комитетов», руководивших разными направлениями работы, такими как обучение террористов, поиск потенциальных мишеней для терактов, финансовые операции и вынесение постановлений, - само собой, основанных на законах шариата, - которые оправдывали действия «Аль-Каиды».

В эту структуру входили⁶⁰:

«Шура», или Консультационный Совет - узкий круг близких соратников бен Ладена, большинство из которых находились с ним в тесных отношениях еще со времен Афганистана;

«Шариа» и Политический комитет, отвечавшие за издание «фатв» - постановлений, основанных на законах шариата и предписывающих или оправдывающих определенные действия, включая убийства;

Военный комитет, ответственный за выбор потенциальных мишеней, разработку и осуществление операций и управление тренировочными лагерями;

Финансовый комитет, ответственный за сбор средств, финансирование тренировочных лагерей, оплату проживания, расходов, поездок членов сети и движение финансовых потоков, необходимых для проведения операций;

Комитет иностранных закупок, отвечавший за приобретение оружия, взрывчатых веществ и оборудования;

Комитет безопасности, отвечавший за защиту членов сети, сбор разведывательной информации и контрразведку;

Комитет информации, отвечавший за ведение пропагандистской работы.

Не стоит думать, что эта структура отражала цепочку командования при организации каждой конкретной террористической операции. С ее помощью осуществлялась общая координация действий «Аль-Каиды», в том числе и обеспечение материальной поддержки терактов. Но как только принималось

---

⁶⁰ Lenta.ru: ТЕРРОР: <http://lenta.ru/terror/2004/08/10/new> - 2004. - 11 авг.

решение о проведении конкретной акции, ее организация поручалась засекреченной ячейке «Аль-Каиды», состоявшей из тщательно отобранных членов сети. Такую ячейку всегда возглавлял один из высокопоставленных боевиков «Аль-Каиды», подчинявшийся лично бен Ладену.

Взяв «Аль-Каиду» за основу, бен Ладен попытался создать более многочисленную исламскую армию, в которую вошли бы террористические группы из Египта, Ливии, Алжира, Саудовской Аравии, Омана, Туниса, Иордании, Ирака, Ливана, Марокко, Сомали и Эритреи. Не все террористические группировки, действовавшие этих странах, согласились сотрудничать с «Аль-Каидой», но в каждой стране появилась как минимум одна группа, присоединившаяся к бен Ладену. Так в лице этого исламского объединения, при наличии многонационального совета, готового преследовать общие цели, координировать выбор мишеней и централизованно распределять средства, сотрудничество различных террористических групп вышло на принципиально новый уровень⁶¹.

На сегодняшний день она включает в себя множество других террористических группировок, которые сотрудничают в проведении своих операций и вместе пользуются широчайшей базой поддержки. Салафитская идеология обосновывает идеологическую миссию организации, устанавливает цели и определяет тактику. Необходимо отметить, что отличительной чертой салафитского движения от других террористических движений является направленность насилия на правительства и население немусульманских стран в продвижении салафитских задач.

«Аль-Каида» родилась по воле отнюдь не обездоленных людей. Она была взращена среди группы арабских исламистских экстремистов, прежде всего саудовского происхождения, представляющих группу миллионеров, которые распределяли средства спонсоров, в том числе и ряда западных спецслужб, направляемые на поддержку афганских моджахедов, воевавших с советскими войсками после 1979 года.

---

⁶¹ Там же.

После ухода из Афганистана советских войск бен Ладен вернулся в Саудовскую Аравию, где вскоре выступил с резким осуждением присутствия на «священной земле ислама» американских войск в период войны в Заливе. За призыв населения к восстанию против «лицемерного» королевского режима он был в 1994 г. лишен саудовского подданства и выслан из страны. После краткого пребывания в Судане бен Ладен в 1996 г. вернулся в Афганистан, где тогда у власти утвердилось движение «Талибан». Во времена господства в этой стране талибского режима, опиравшегося на схожие идеологические принципы, «Аль-Каида» разместила в этой стране несколько тренировочных лагерей, в которых прошли обучение около 20 тыс. рекрутов из различных стран мира, большинство которых вернулись затем домой. Ранее бен Ладен создавал тренировочные лагеря в Сомали и Судане, а также в Чечне и Косово.

С того момента, как «Аль-Каида» закрепились в Афганистане, она существовала благодаря правильно организованной сети сборщиков пожертвований и денежным переводам от различных исламских спонсоров. Члены сети собирали пожертвования от финансовых доноров, в основном в странах Персидского залива и в особенности в Саудовской Аравии, причем часть спонсоров даже не знали, на что дают деньги. Кроме этого, некоторые имамы в мечетях, также в основном в Персидском заливе, отдавали «Аль-Каиде» средства, собранные у прихожан в виде обязательного пожертвования – «заката». Также сотрудники некоторых благотворительных фондов за взятки перечисляли средства на счета «Аль-Каиды». Члены сети или проникали в отделения больших международных благотворительных организаций, страдавших от недостатка внешнего и внутреннего контроля, или брали под свой контроль небольшие благотворительные фонды, получая доступ к их банковским счетам. Бен Ладен также использовал свою финансовую сеть для организации тренировочных лагерей и покупки оружия для арабских бойцов. Люди, прошедшие подготовку в этих лагерях, воевали на стороне самых влиятельных афганских полевых командиров, сражавшихся против СССР.

Сегодня «Аль-Каида» – это сеть из многих фундаменталистских организаций в разных странах, которые используют террор для достижения политических целей. В нее входят группы египетских исламистов (Аль-Гамая, Аль-Ислами и египетский Аль-Джихад). Сюда же примыкают пакистанское общество ученых богословов, партизанское движение в Кашмире, движение джихад в Бангладеш, афганское крыло комитета «Совет и реформа», ранее возглавляемое ранее Усамой бен Ладеном. Каждая из этих организаций обладает свободой действий и определяет свои задачи независимо от других. Кооперация между ними осуществляется только на уровне тех, «кто носит с собой оружие», а это всего лишь один из организационных уровней каждой группы. Их главной задачей является свержение «еретических правительств» в соответствующих странах и установление режимов, действующих по законам шариата. Аль-Каида, она же «Исламская армия освобождения святынь», насчитывает несколько тысяч боевиков, которые взаимодействуют с другими суннитскими экстремистскими группировками⁶².

Уникальность «Аль-Каиды» заключается еще и в том, что она смогла подчинить или объединить множество террористических групп, доселе действовавших независимо друг от друга. В феврале 1998 г. бен Ладен объявил о создании «Всемирного исламского фронта борьбы против иудеев и крестоносцев», в который вошло несколько арабских и пакистанских террористических организаций. К их числу относятся «Египетский Исламский Джихад», египетская «Джамаа Исламия», «Ливийская Исламская Боевая Группа», йеменская «Исламская Армия Адена», кашмирские «Лашкар-и-Таиба» и «Джаиш-и-Муххамед», «Исламское Движение Узбекистана», алжирские «Салафистская группа Проповеди и джихада» и «Вооруженная Исламская Группа», малайзийско-филиппинская «Абу Сайяф» и некоторые другие.

---

⁶² См. Кокорин С.А., Болдырев Ю.Ф. Мировое сообщество и борьба с терроризмом: история и современности. – Волгоград: Панорама, 2007. – С. 107-108.

Как выяснилось после взрывов в Стамбуле в ноябре 2003 года, к пулу «Аль-Каиды» также примкнули турецкие «Исламские Великие Всадники Востока» и «Бригады Абу Хафса Аль-Масри». Примечательно, что в последнее время многие террористические группировки после совершения ими очередных терактов заявляют о своей причастности к «Аль-Каиде». Это, по всей видимости, их своеобразный пиар. Впрочем, как отмечают лидеры джихада, «хочешь быть Аль-Каидой, будь ей».

Ныне предполагается, что «Аль-Каида» имеет «спящие» ячейки и союзные организации более чем в 100 странах мира. Наиболее сильные европейские подразделения были созданы в Германии, Италии и Испании. «Аль-Каида» имеет налаженные деловые связи с контрабандистами и торговцами оружием. Одним из источников дохода «Аль-Каиды» наряду с пожертвованиями была торговля африканскими алмазами и афганскими наркотиками.

«Аль-Каида» обладает простой и популистской программой: она выступает за ограничение тлетворного влияния Запада, за замену коррумпированных режимов мусульманских государств фундаменталистскими исламскими режимами. В идеале все мусульмане мира должны жить в одной стране – Халифате с шариатской формой управления, основанной на божественном Коране. По их мнению, исламская демократия, базирующаяся на божественных заповедях, а не законах, созданных людьми, по определению более справедливая.

С того момента, как «Аль-Каида» закрепились в Афганистане, она существовала благодаря правильно организованной сети сборщиков пожертвований и денежным переводам от различных исламских спонсоров. Члены сети собирали пожертвования от финансовых доноров, в основном в странах Персидского залива и в особенности - в Саудовской Аравии, причем часть спонсоров даже не знали, на что дают деньги. Кроме этого, некоторые имамы в мечетях, также в основном в Персидском заливе, отдавали «Аль-Каиде» средства, собранные у прихожан в виде обязательного пожертвования –

«заката». Также сотрудники некоторых благотворительных фондов за взятки перечисляли средства на счета «Аль-Каиды». Члены сети или проникали в отделения больших международных благотворительных организаций, страдавших от недостатка внешнего и внутреннего контроля, или брали под свой контроль небольшие благотворительные фонды, получая доступ к их банковским счетам. Собранные для «Аль-Каиды» средства перемещались с помощью «хавалы» - древней неформальной системы денежных переводов, основанной на доверии⁶³.

«Аль-Каида» за последнее десятилетие стала одной из самых мощных и известной террористической организацией. Террористическую сеть, созданную Усамой бен Ладеном, впервые в современной истории, фактически признали полноценным военным противником мощнейшие государства мира.

«Палестинское движение сопротивления» (ХАМАС) также, как и Аль-Каида, организовано по сетевому признаку, не имеет четко выраженной иерархии, практикует делегирование полномочий по принятию решений независимо действующим и разбросанным по всему миру ячейкам, между которыми создаются временные горизонтальные связи. По данным органов безопасности Палестинской автономии, существует более десяти групп и фракций ХАМАС, не имеющих централизованного оперативного руководства, самостоятельно планирующих и осуществляющих свои акции.

Ячейки ХАМАС действуют в мечетях и исламских культурных центрах, где проводят набор новых членов, собирают необходимые средства и распространяют пропагандистские материалы. ХАМАС имеет собственные разведывательную и контрразведывательные службы. При содействии первой вербуются агентура в палестинских организациях, поддерживающих Я. Арафата, а также среди палестинцев, постоянно работающих на территории Израиля. Разведывательная служба занимается также созданием

---

⁶³ Lenta.ru: ТЕРРОР: <http://lenta.ru/terror/2004/08/10/new> - 2004. - 11 авг.

конспиративных ячеек в зарубежных странах, в которых имеются общества мусульман-эмигрантов из ближневосточных стран.

Нелегальные ячейки ХАМАС выявлены также в некоторых странах Латинской Америки. Наиболее активно одна из них действует в зоне, расположенной на стыке границ Бразилии, Аргентины и Парагвая. Установлены также ячейки ХАМАС в США, где официально функционирует более 300 культурно-религиозных организаций мусульман.

90 процентов финансовых расходов ХАМАС покрывается взносами его членов, сторонников и спонсоров из числа местных палестинцев. 10 процентов составляют поступления из-за рубежа, главным образом из Ирана, Сирии, Катара, Саудовской Аравии, Иордании. Также финансовую помощь и оружие ХАМАС получает от ливанской исламской организации «Хезболлах», которая в свою очередь снабжается оружием и деньгами спецслужбами Ирана и Сирии.

Палестинский «Исламский джихад» (ИД) - исключительно конспиративная, полувоенная организация, возникла в 1987 г. в результате объединения нескольких разрозненных группировок, часть которых придерживалась взглядов транснациональной религиозной организации «Братья-мусульмане». ИД, как и ХАМАС, состоит из приверженцев суннитского толка в исламе.

Непосредственно подбором, подготовкой и использованием смертников занимается военное крыло ИД, известное под названием «Бригада мучеников Аль-Аксы». Родственники погибших смертников получают денежное вознаграждение в размере 600-1000 долларов США. Деньги на эти цели поступают от исламских благотворительных обществ и спецслужб Ирана и Ирака⁶⁴.

Важной структурой в Исполнительном совете ИД считается Служба безопасности, которая занимается определением и изучением объектов для планируемых террористических акций, а также выполнением контрразведывательных функций, включая выявление и наказание

---

⁶⁴ Лубянский Н. Портрет смертника // Независимая газета. - 2002. - 24 мая.

установленных агентов израильских спецслужб. Совет координирует деятельность ИД со спецслужбами Сирии, Ирана и в отдельных случаях Ливии, а также с аналогичными структурами, существующими в ХАМАС и ливанской «Хезболлах».

Подчиняющиеся Совету военные формирования ИД дислоцируются в Сирии, Ливане, Иордании (нелегально) и Судане. Для переброски своих боевиков в Ливан через Сирию ИД прибегала к помощи «Народного фронта освобождения Палестины - Главное командование», штаб-квартира которого размещается в Дамаске.

ИД имеет свои «спящие» ячейки в Германии, Турции, Алжире и Ливии, а также своих эмиссаров в США, Великобритании, Франции, Египте, Швеции, Объединенных Арабских Эмиратах.

В настоящее время в мире существуют сотни исламистских террористических организаций и группировок, и процесс институционализации продолжается. По оценкам западных спецслужб, в 1968 г. их было 13, а в 1995 г. уже около 100, причем общее число активных членов, способных совершить террористические акты, к этому времени составляло не менее 50 тысяч человек⁶⁵. Ю.П.Кузнецов считает, что «в целом исламский экстремизм несет ответственность за 80% террористических актов в мире и в конце XX в. на мировой арене действовали почти 150 исламских организаций террористической направленности⁶⁶. А авторитетнейший российский исследователь проблем радикализма в исламе, профессор А.А.Игнатенко, в свою очередь, называет цифру 200⁶⁷.

Составить реестр террористических организаций, даже ограничив себя последними десятилетиями, крайне сложно. Тем не менее в «Российской газете» в июле 2006 года опубликован список 17 международных террористических организаций, признанных Верховным судом Российской

---

⁶⁵ См.: Полонский В., Григорьев А. Джихад всему миру // Общая газета. 1995. № 17.

⁶⁶ Кузнецов Ю.П. Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств. -СПб, 1998. - С. 31.

⁶⁷ См.: Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России. -М., 2001. - С. 15.

Федерации террористическими, деятельность которых запрещена на территории России⁶⁸.

1. «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа»;
2. «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»;
3. «База» («Аль-Каида»);
4. «Асбат аль-Ансар»;
5. «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»);
6. «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»);
7. «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»);
8. «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»);
9. «Лашкар-и-Тайба»;
10. «Исламская группа» («Джамаат-и-Ислами»);
11. «Движение Талибан»;
12. «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»);
13. «Общество социальных реформ» («Джамият аль-Ислах аль-Иджтимаи»);
14. «Общество возрождения исламского наследия» («Джамият Ихья ат-Тураз аль-Ислами»);
15. «Дом двух святых» («Аль-Харамейн»);
16. «Исламский джихад - Джамаат моджахедов»;
17. «Джунд аш-Шам».

Так, небезынтересны подходы специалистов к типологии зарубежных исламистских религиозно-политических организаций (ИРПО). Известный в северокавказском регионе исследователь проблем экстремизма в современном исламе З.С. Арухов представляет следующую типологию радикальных

---

⁶⁸ «Российская газета» - Федеральный выпуск. № 4130. – 2006. – 28 июля.

исламских групп: революционеры (ИРПО, нацеленные на свержение существующих правительств в мусульманских государствах); национал-либералы (те ИРПО, которые, с одной стороны, стремятся к установлению исламского правления у себя в стране, а с другой – их политика направлена на борьбу с внешними силами, например, палестинские «Хамас» и «Джихад ислами», ливанская «Хезболлах» и т.д.); реформисты (НРПО, ориентирующиеся в основном на парламентские формы работы, противники акций насилия)⁶⁹.

Разумеется, наибольшую опасность для мирового сообщества представляют ИРПО экстремистской и террористической направленности. В зависимости от характера и направленности деятельности, поставленных целей (политических, религиозных и т.д.) их можно классифицировать таким образом:

- международные организации, как правило, фундаменталистской направленности, выступающие под панисламистскими лозунгами. Такие ИРПО отличаются большой численностью, наличием разветвленной инфраструктуры, разнообразием форм и методов деятельности. В качестве примера можно назвать наиболее крупную организацию такого рода – ассоциацию «Братья-мусульмане» («аль-Ихван аль-Муслимин»);
- проиранские экстремистские и террористические формирования («Джихад ислами», «Хезболлах» и др.);
- афганские религиозно-экстремистские организации и те организации, в доктринально-идеологических обоснованиях которых лежат идеи этно-конфессионального синтеза (например, «Талибан» в Афганистане, «Боз Курт» в Турции и т.д.);
- многочисленные экстремистские группы и отряды различной ориентации и окраски, существующие в большинстве государств «исламского мира» и преследующие, как правило, свои политические, национальные и иные интересы в рамках одного государства;

---

⁶⁹ Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. - Махачкала, 1999. - С. 29-31.

- подставные террористические организации, сформированные зачастую американскими и израильскими спецслужбами для выполнения специальных акций по физическому устранению или захвату нежелательных политических деятелей, углублению противоречий между неугодными им движениями и т.д.

Существует также предложенная И.П. Добаевым классификация НРПО по этапам их эволюции, которые четко маркируют организации разных поколений по степени радикализации их идеологических доктрин и эскалации политической практики насилия, нацеленных на достижение исламистами власти в масштабах анклава, отдельной страны, а также на региональном или даже глобальном уровне. На основании предлагаемого эволюционного подхода им выделены четыре поколения (волны, этапа) в развитии неправительственных религиозно-политических организаций, в результате чего предлагается следующая их типология:

- организации первого поколения: египетская «Братья-мусульмане» (БМ), образованная на их базе филиальная сеть в других мусульманских странах, а также организации, отпочковавшиеся от БМ, но придерживающиеся идейных установок «Братьев»;

- организации второго поколения, возникшие в ходе борьбы арабов с сионистской экспансией на Ближнем Востоке под влиянием идей «исламской революции» в Иране (например, палестинская «Джихад ислами», ливанская «Хезболлах»);

- организации третьего поколения, развившиеся в ходе событий в Афганистане, начиная с апреля 1978 г. по настоящее время (наиболее ярким примером выступает религиозно-политическое движение «Талибан»);

- наконец, *структуры* последнего, *четвертого поколения*, представляющие собой международные радикальные исламские группировки, стремящиеся консолидировать, контролировать и управлять практически всеми экстремистскими ИРПО «мусульманского мира» (к таким

организациям можно отнести «Аль-Каиду» и «Мировой фронт джихада», основанные мусульманским террористом Усамой бен Ладеном)⁷⁰.

Особенностью современных зарубежных ИРПО террористической направленности, относящихся к четвертому уровню, является формирование террористических сетевых структур. В отличие от обычной иерархичной структуры, которую можно ликвидировать, «обезглавив» ее, уничтожив ее руководство, сетевая структура сопротивляется дефрагментации по причине своей плотной взаимосвязанности. Можно произвольно удалить значительную часть составляющих ее точек-фигур без особых последствий для ее целостности. Удары наугад, такие как произвольное задержание террористов, не действуют на структуру сети. Где сетевая структура уязвима для прицельного удара, так это в своих узловых точках. Если достаточное количество таких узлов уничтожены, то сеть распадается на изолированные и лишённые связи острова, состоящие из точек, что ведет к самоуничтожению системы. Однако такие точки, возможно, попытаются спонтанно восстановить вокруг себя некое подобие новой сети. В этом заключается главная трудность в борьбе с такими системами.

На сегодняшний день указанные организации можно условно разделить на несколько основных кластеров: Центральный аппарат, ближневосточные арабы, магрибские арабы и представители Юго-Восточной Азии являются крупными кластерами, сформированными из узлов.

Кластер Центрального аппарата располагается наверху условной иерархии и связан со всеми остальными кластерами. Структура этого кластера с трудом поддается описанию. Она являет собой и неформальную самоорганизующуюся группу друзей и знакомых, сформировавшуюся в ходе советско-афганской войны, и иерархическую организацию с эмиром (до мая 2011 г. в лице Усамы бен Ладена, новый эмир не назначен), которого

---

⁷⁰ Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2001. – С. 13-16.

поддерживает шура в составе примерно десятка членов (преобладают египтяне). Этот аппарат делится на четыре комитета – по финансовым, военным, религиозным вопросам и по вопросам связей с общественностью. Нет никаких упоминаний о подразделениях, которые занимались бы кадрами, вербовкой, разведкой или логистикой. Предположительно, что первая функция, вероятно, относится к ведению комитета по финансовым вопросам, тогда как две последние выполняются комитетом по военным вопросам. Какое подразделение занимается вербовкой по-прежнему остается тайной.

Кластер представителей Юго-Восточной Азии состоит из членов «Джемаа исламийя», структура которой демонстрирует более выраженную иерархию. Между отдельными организациями в рамках джихада существует множество альянсов.

К кластеру магрибских арабов близки «Салафитская группа призыва и борьбы» и бывшая «Вооруженная исламистская группа», марокканская «Салафийя джихадийя» и разнообразные менее крупные организации воинствующего джихада.

Группе ближневосточных арабов близки Египетский исламский джихад (фактически «Аль-Каида» ныне официально объединилась с этой организацией), Египетская исламская группа, группа «Аль-Таухид» и различным более мелким йеменским организациям.

Индонезийская «Джемаа исламийя» состоит в тесном союзе с «Исламским фронтом освобождения Моро». Эти организации – верхушка айсберга, то есть всех тех, кто симпатизирует джихаду и, возможно, хочет принять в нем участие. Данная гораздо более многочисленная разобшенная и неорганизованная сеть состоит из мелких клик и одиночек, кандидатов, желающих, но не сумевших вступить в джихад⁷¹.

После 1996 г. Центральный аппарат непосредственно уже не участвовал в проведении террористических операций, но три остальных основных кластера

---

⁷¹ См.: Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008. - С. 147-191.

были связаны с контактными лицами Центрального аппарата через своих «офицеров связи» на местах: Рамзи бин аль-Шибх, Валид Мухамед Тауфик бин Атташ (он же Халлад) и Абу аль-Рахим аль-Насри (он же Абул Билал аль-Макки) работали на ближневосточных арабов; Фатех Камель, а затем Амар Махлулиф (он же Абу Доха) - на магрибских арабов; а Ридуан Исамуддин (он же Хамбали) и позднее Али Гуфрон (он же Мухлас) - на представителей Юго-Восточной Азии. Каждый из узловых «полевых офицеров» далее поддерживал связь с оперативными полевыми командирами, ответственными за конкретные операции.

Подытоживая приведенные материалы, можно сделать вывод о том, что терроризм меняется организационно. От фанатиков-одиночек конца XIX века он пришел к разветвленной, хорошо отлаженной, жесткой мировой системе, состоящей из разрозненных организаций и обладающей огромными материальными, финансовыми, идеолого-пропагандистскими и людскими ресурсами. Государственные границы уже не являются преградой для экстремистов. Их международные террористические организации представляют собой уже крупные синдикаты с внутренним разделением труда, располагающие «своими людьми» или связями в различных звеньях государственного аппарата, промышленного и финансового мира многих стран. В мире происходит процесс интернационализации терроризма. Одновременно с глобализацией терроризма происходит его все более четкая институционализация. Несмотря на многообразие видов и форм терроризма, осуществляющие террористические акты группы со временем приобретают все более четкие формы организации, методы действия, используемые силы и средства и векторы их приложения.

Исследователи выделяют наиболее опасные организации, способные развернуть массовый терроризм. Среди них – шиитская «Хезболлах» (Партия Аллаха) со штаб квартирой в Ливане, палестинские «Хамас» (Исламское движение сопротивления) и «Исламский Джихад», «Аль-Каида», египетские

«Аль Джихад» («Священная война») и «Вооруженная исламская группа»⁷². Указанные террористические институты имеют широкий круг сторонников и лиц, поддерживающих их в своих странах. Эти формирования объединяют национально-сепаратистские мотивации и сотрудничество в этих целях со многими нерелигиозными террористическими группами в Южной и Юго-Восточной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке и других районах.

Однако следует отметить, что у этого преступного интернационала явно отсутствует единый штаб, единое финансирование. Более того, исламистские террористические организации, и прежде всего «Аль-Каида», в последнее время стали рассредоточивать свои силы и средства, используя мелкие, не связанные друг с другом террористические группировки, действующие самостоятельно без указаний из «центра». Деятельность ИРПО террористической направленности давно выходит за рамки Ближнего Востока, принимая характер международной, угрожающей безопасности многих государств, в том числе и России. В политическом и военно-стратегическом отношениях она в начале 90-х годов прошлого века распространилась и «приблизилась» к постсоветскому пространству. Распад Советского Союза привел к образованию идеологического вакуума во всем мире, в том числе на Кавказе, который стал быстро заполняться исламским фундаментализмом, догмами религиозного экстремизма и, в частности, его крайне радикальным направлением – «ваххабизмом», призывающим мусульман к «священной войне против неверных».

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что за последние два десятка лет деятельность значительного числа зарубежных институтов современного исламизма или исламских религиозно-политических организаций постепенно трансформируется из умеренно-радикальной формы в ультра-радикальную с использованием террористических методов борьбы с целью создания единого в мире исламского государства, живущего по законам

---

⁷² См.: Алексиев А., Нефтяные миллиарды для джихада. Саудовская Аравия финансирует глобальный исламизм // «International Politik». – 2004. – январь.

шариата. Приспосабливаясь к реалиям жизни отдельные террористические группы стремятся упорядочить деятельность внутри себя, организовать и скоординировать взаимодействие с себе подобными. Указанное ведет к институционализации указанных организаций по пути создания управляющих структур («комитетов»), объединяющих разрозненные группировки в отдельные узлы, а также выделения координирующей роли единого центрального узла во главе с «Аль-Каидой». Таким образом, террористические исламистские религиозно-политические организации в мире сформировались по сетевому принципу из мелких разрозненных групп, а взаимодействуя друг с другом, они образуют единую сеть, что затрудняет борьбу с ними.

Зарубежные исламистские религиозно-политические организации, воспользовавшись экономическими, социально-политическими и идеологическими трудностями России во время распада Советского Союза и постсоветский период, распространили свою деятельность на ее территорию, создавая исламистские институты, подобные действующим в своих странах, и тем самым формируя новый «кавказский» кластер в мировой террористической сети.

Таким образом, в ряде регионов мира, включая Кавказ, развивается «глобальный джихад», у которого нет единого командования, но есть сплоченность действий и политическое планирование.

Глава II. Религиозно-политические организации на Северном Кавказе: история и современность

2.1. Радикализация деятельности религиозно-политических организаций на Северном Кавказе в историческом аспекте

Рассмотрим формирование религиозно-политических институтов на Северном Кавказе в обозримом прошлом, разделив указанный процесс на три этапа: имперский, советский и постсоветский.

Имперский этап связан с распространением в середине VII века н.э. в северокавказском регионе ислама. Эта мировая монотеистическая религия исторически на Северный Кавказ была привнесена извне, не имея здесь собственных корней. Ислам в регионе насаждался, главным образом, опираясь на мощь внешних сил - арабов, персов, монголов или турок⁷³.

Уже в 642 г. арабы-мусульмане, пройдя через территорию современного Азербайджана, вступили на землю Дагестана. В последующем ислам насаждался под воздействием исламизированной Золотой Орды (в 1312 г. хан Узбек провозглашает ислам государственной религией Орды) вследствие завоевательных походов Тимура (Тамерлана), расширения зоны геополитического влияния Османской империи (с 1517 г. турецкие султаны одновременно являлись «повелителями правоверных» - халифами мусульман-суннитов) и находящихся от нее в вассальной зависимости крымских ханов. В итоге, начавшаяся 1400 лет назад исламизация Северного Кавказа полностью не завершена и поныне⁷⁴.

Распространению ислама также способствовали и такие причины, как простота обращения, освобождение новообращенных мусульман от налогов,

---

⁷³ Шихсаидов А. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ (Швеция). - 1999. - № 4 (5). - С. 109.

⁷⁴ Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. - С. 18.

которые накладывались арабами на завоеванное население. Те, кто принимал ислам, освобождались от подушной, а иногда и поземельной подати.

Сегодня в отечественной историографии отсутствует всеми признанная периодизация появления и развития ислама среди северокавказских этносов, поскольку процесс исламизации был асинхронным⁷⁵. В Дагестане ислам окончательно утвердился в конце XVI в., что было связано с переходом в него большинства местных феодалов. В Кабарде ислам стал доминирующей религией среди местной феодальной элиты на рубеже XV и XVI вв., хотя к началу XVII в. «основная масса адыгов продолжала придерживаться своих древних полуязыческих, полухристианских верований»⁷⁶, «ислам выступал для адыгов не как альтернатива, а как дополнение, лишнее подтверждение правильности их народной этики и морали»⁷⁷. В XVIII в. вошедшая в 1774 г. по российско-турецкому Кючук-Кайнарджийскому договору в состав Российской империи Кабарда (обе ее части — Большая и Малая) была уже мусульманской. На территории Чечни и Ингушетии ислам окончательно утвердился к началу XIX в.⁷⁸

Степень исламизированности северокавказских этносов различна: она неуклонно понижается с востока на запад. Другими словами, наиболее исламизированными являются народы Дагестана, наименее — адыгской группы (адыгейцы, кабардинцы, черкесы и др.). На востоке Кавказа ислам глубже укоренился в сознании людей, в их поведенческих нормативах⁷⁹.

На протяжении всей истории Северном Кавказе отмечались разнообразные формы религиозно-политического экстремизма и терроризма: набеговая система (разорительные набеги на соседние территории); похищения людей с целью продажи или получения выкупа; абречество (индивидуальный терроризм в XIX в.); вооруженный сепаратизм и призывы к джихаду (во время

⁷⁵ Малашенко А.В. Указ. соч. - С. 20.

⁷⁶ Документальная история образования многонационального государства Российского. М., 1998. Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. - С. 27.

⁷⁷ Ханаху Р.А., Цветков О.М. Религия и кавказская война в контексте исследования менталитета адыгов // Наука, религия, гуманизм. М., - 1996. - С. 154.

⁷⁸ Малашенко А.В. Указ соч. - С. 20-21.

⁷⁹ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. Ростов н/Д: Ростиздат, 2005. – С. 255.

и после завершения Кавказской войны, которая шла с 1818 по 1964 г.); политический бандитизм (20-30-е гг. XX в.); этнический коллаборационизм (создание и участие на стороне фашистской Германии городских воинских формирований). Аналогичные явления в регионе отмечаются с начала 90-х гг. XX в., вплоть до настоящего времени⁸⁰. Их детерминируют как исторический региональный опыт, так и современные эндогенные и экзогенные факторы.

В конце XVIII в. под флагом ислама усиливается движение горцев против царизма. Борьба против российских завоевателей здесь проходила одновременно с исламизацией, способствовавшей распространению объединяющей идеи о джихаде против неверных. В рамках данной идеологии уже в то время можно было усмотреть тенденцию объединения отдельных групп мусульман под предводительством местных лидеров с целью ведения военных действий для достижения политической цели – сопротивление российской экспансии. Таким образом, в начале распространения ислама на Северном Кавказе уже явно присутствуют признаки радикального исламизма, переходящего в терроризм.

Так, начавшаяся в 1785 г. борьба против России, возглавляемая чеченцем Ущурмой, ставшим известным под именем шейха Мансура (1760-1794 гг.), проходила под религиозными лозунгами. Для обращения в ислам горцев он нередко прибегал к насилию, вплоть до разрушения непокорных селений и истребления их жителей. Шейх Мансур первым предпринял попытку объединения северокавказских народов под знаменем ислама в единое государство. Однако реализовать эту идею полностью ему не удалось. Уже в 1787 г. восстание пошло на убыль, а в 1791 г. имам Мансур был схвачен и обречен на смерть в казематах Шлиссельбургской крепости⁸¹. В течение пяти лет имам Мансур являлся руководителем массового повстанческого движения на всем Северном Кавказе, которое имело целью достижение полной

---

⁸⁰ Добаев И.П. Современный терроризм: нетрадиционный актор геополитики Юга России // Философская инноватика и современная геополитика. - Ростов-на-Дону., Изд. СКАГС. - 2010. - С. 276.

⁸¹ См. Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 2003 - С. 28.

политической независимости региона от царской России⁸². На данном этапе ислам начинает проявлять воинственный политизированный характер.

В условиях Кавказской войны (1818-1864) роль ислама в общественно-политической жизни северокавказских народов усиливается. Воины дагестанских вождей Гази-Магомеда, Гамзат-бека, а с 1834 г. имама Шамиля, сражаясь под зелеными знаменами ислама, вели войну правоверных мусульман против неверных. Иمامу Шамилю удалось в 1834 году завершить то, что начал шейх Мансур: объединить часть горцев Северного Кавказа в борьбе против царской России и создать имамат – теократическое государство, которое оказалось в состоянии 27 лет противостоять самой сильной тогда военной державе мира⁸³. Имамат Дагестана и Чечни с центром с 1845 г. в Ведено во главе с имамом Шамилем находился на территории горной Чечни.

Имам Шамилем была предпринята попытка институционального оформления исламского вероисповедания. В рамках созданного исламского государства - имамата, Шамиль ввел схожую с раннеисламской налоговую систему с упором на закят и харадж - благотворительный и поземельный налоги, ввел шариат – управление в соответствии с законами по Корану, на котором был основан созданный им низам - свод законов и предписаний, регламентирующих устройство и порядок в обществе, поведение мусульманина. Как и Мансур, он нередко силой навязывал шариат горцам. Шамиль установил по-настоящему жесткое, порою жестокое правление. Была создана довольно сильная и боеспособная армия, которой удавалось наносить поражения русским частям⁸⁴.

Шамиль вербовал в мюриды (последователи) представителей лучшего чеченского юношества. Мюриды составили «особый орден, чтивший волю лишь человека, на службе которого они находились, и забывший для него сами узы родства»⁸⁵. Таким образом, через институт мюридизма, представлявшего

---

⁸² История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Изд. 2-е. М., 1982. – С. 390.

⁸³ Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. - С. 171.

⁸⁴ См. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. - С. 28.

⁸⁵ Кныш А.Д. Суфизм // Ислам: Историографические очерки. М., 1991. – С 126.

прообраз вертикальной схемы построения общества, Шамилем предпринималась попытка упорядочить управление внутри созданного имамата и упрочить свою власть.

После продолжительного сопротивления русской армии в горах Дагестана вождь кавказских горцев-мусульман Шамиль вынужден был сдаться главнокомандующему князю А.И. Барятинскому (в 1859 г. в ауле Гуниб). Шамиль стал почетным пленником императора Александра II и отрекся от идеалов Кавказской войны, присягнув на верность России. Этим было закончено покорение Кавказа⁸⁶.

Поражение горцев в Кавказской войне привело к переходу от организованной, массовой формы борьбы к индивидуальной и групповой, получившей название «абречество». Действуя в одиночку или небольшими группами, абреки боролись насильственными методами против государственной власти: убивали чиновников, грабили банки, казенные учреждения и богачей. Например, от рук известного всем на Кавказе абрека Зелимхана из Харачоя (абреческая эпопея длилась с 1901 по 1913) погибли 230 военнослужащих, 60 должностных лиц и более 100 местных жителей⁸⁷.

Особенность практики абречества заключалась в том, что нападения на чиновников местной власти в ряде случаев можно рассматривать не как грабеж или месть, а попытку повлиять на характер управления. В районе своего действия абреки пытались превратиться в некую альтернативу существующей власти, что позволяет говорить о присутствии политической направленности в их действиях и усмотреть признаки радикального исламизма и религиозного терроризма.

После событий 1905-1907 гг. исламское движение в России получило официальный статус. Были созданы различного рода всероссийские исламские организации, принимавшие участие в общественно-политической жизни российского общества. Например, известным было Всероссийское мусульманское

---

⁸⁶ См.: Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. СПб.: Изд. «Лань», - 2003. – С. 365.

⁸⁷ <http://www.chechnyafree.ru>

общество, которое на периодически созывавшихся съездах обсуждало проблемы политического характера. После февральской революции 1917 г. представители кавказской интеллигенции созвали съезд горских народов (1-10 мая 1917 г.), на рассмотрение которого был вынесен вопрос о создании суверенного северокавказского государства. На этом съезде был сформирован Временный Центральный Комитет Союза объединенных горцев Северного Кавказа (с ноября 1917 г. – «Горское правительство»). Избранный комитет возглавили 17 представителей различных народностей⁸⁸.

В начале *советского периода* усиливаются сепаратистские тенденции на Кавказе. Указанный процесс поощрялся традиционными геополитическими противниками России – Германией, Великобританией и Турцией. Их цель состояла в отрыве Северного Кавказа и Закавказья от России и создании подконтрольных государственных образований. Следствием этого стало провозглашение 11 мая 1918 г. на Батумской конференции Горской республики и ее признание Турцией и Германией. Более того, в Турции даже было создано Северо-Кавказское политическое общество⁸⁹. 13 мая 1918 г. горское правительство направило ноту в Народный комиссариат иностранных дел РСФСР об отделении Горской Республики от России, которая была опротестована советскими властями, после чего горское правительство обратилось к Турции с просьбой оказать помощь для борьбы с советской властью на Северном Кавказе⁹⁰.

Внешнее и внутренне давление со стороны действующей в Горском правительстве партии шариатистов, лидеры которых видели главную задачу в том, чтобы на Северном Кавказе было учреждено исламское государство по типу шамилевского имамата, привело к тому, что осенью 1919 г. шейх провозгласил Чечню и северо-западную часть Дагестана «Северо-Кавказским Эмира-

---

⁸⁸ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.). Горская Республика (1918-1920 гг.): Док. и матер. Махачкала, 1994. - С. 4-5, 394.

⁸⁹ Бутбай М. Воспоминания о Кавказе: Записки турецкого разведчика. Махачкала, 1993. - С. 6.

⁹⁰ Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. М., 1956. - Т. 1. - С. 88.

том»⁹¹. И в 1920 г. Турцией и Великобританией была предпринята еще одна безуспешная попытка отколоть от России Дагестан и создать там независимое государство, главой которого предполагалось сделать внука имама Шамиля – Саид-бея⁹².

С середины 20-х годов и до начала Великой Отечественной войны доминирующей тенденцией становится противостояние ислама и власти, предпринимающей попытки подавить религию путем свертывания системы религиозного образования, прекращения деятельности шариатских судов, арестов шейхов и мулл, были закрыты почти все мечети, а религиозная литература реквизировалась или уничтожалась⁹³. К исламу стали относиться как к идеологическому конкуренту, враждебной большевизму общественно-политической структуре. Естественно, что в те годы ислам выступил в качестве оппозиции советской власти на Кавказе. Основная масса служителей культа проводила соответствующую пропагандистско-идеологическую работу среди верующих, направленную на сопротивление проводимого политического курса.

Очередной мощный удар по мусульманским народам Северного Кавказа был нанесен в военные годы: некоторые из них (чеченцы, ингуши, балкарцы и карачаевцы) были репрессированы и депортированы в Среднюю Азию и Казахстан; другие (осетины, лакцы и аварцы) были насильственно переселены на территории выселенных народов. Именно таким образом в регионе закладывалась «бомба замедленного действия», которая взорвалась в 90-х гг. XX в. В начале 50-х и вплоть до середины 80-х гг. прошлого века отмечается новый период ужесточения позиции властей по отношению к мусульманству с целью разделить национальную и бытовую традиции, которые в исламе тесно переплетены. Но, несмотря на предпринимаемые усилия, видимого успеха указанная атеистическая пропаганда не принесла, связь адептов веры со своей религией, как покажет дальнейшая история, оказалась очень прочной. Разру-

---

⁹¹ Тишков В., Беляева Е., Марченко Г. Чеченский кризис // Генеральный проект «Россия в третьем тысячелетии». М., 1995. - С. 7.

⁹² Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. - С. 39.

⁹³ Кудрявцев А.В. Ислам на Северном Кавказе // Постсоветское мусульманское пространство: Религия, политика, идеология. М., 1994. - С. 155.

шить ислам в СССР не удалось, так как в зависимости от ситуации он адаптировался к новым условиям и активно действовал на бытовом уровне в виде исполнения мусульманских обычаев, традиций, брачных обрядов.

Таким образом, сложные взаимоотношения ислама и советской власти, осуществлявшей неоднократно гонения мусульман вплоть до депортации горских народов, привели к тому, что в народном понимании национально-этническое ассоциировалось с исламом, принадлежностью к исламскому миру, причастностью к исламской умме. Указанное мировоззрение было и до настоящего времени является объединяющим фактором для выходцев с Кавказа.

Наиболее рельефно институциональное оформление радикального ислама стало проявляться в советское время в начале 80-х гг. XX в., некоторые исследователи отодвигают эту дату даже в 70-х гг. прошлого века и связывают данный процесс с расцветом исламизма в этот период за рубежом⁹⁴. События 1979-1989 гг. в Афганистане, а также «исламская» революция в Иране способствовали проникновению на Кавказ через Афганистан первых ваххабитских амиров, основавших свои ячейки в Таджикистане и Ферганской долине. Тогда же под воздействием исламских ценностей Саудовской Аравии сначала в Таджикистане, а затем и в других мусульманских республиках стал активно насаждаться ваххабизм.

Также для распространения фундаменталистских идей на Северном Кавказе основными мусульманскими государствами Ближнего и Среднего Востока и действующими там неправительственными исламскими организациями эффективно использовался институт паломничества, осуществлялась индивидуальная обработка местных исламских авторитетов, лидеров исламских партий, общественно-политических движений и организаций, приглашаемых для участия в различных религиозных форумах и исламских праздниках за границей; на учебу в зарубежных высших и средних теологических учебных заведениях при-

---

⁹⁴ См. подробнее Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. – С. 244-286.

глашались представители мусульманской молодежи; оказывалось содействие в строительстве мечетей, теологических учебных заведений (исламских университетов и институтов, медресе); направлялись опытные преподаватели-теологи, оказывалось содействие в обеспечении учебной литературой, техническими средствами и др. Ислам из народно-бытовой формы своего состояния начал выходить на политическую арену. К моменту распада СССР в республиках Северного Кавказа появились исламские организации и группировки, разделявшие воззрения исламских фундаменталистов и располагавшие вполне окрепшими связями с международным исламским движением. А к началу горбачевской «перестройки» уже можно было говорить о возрождении исламских институтов и движений в Советском Союзе.

Первой чеченской национальной группой стало созданное в 1989 г. общество «Барт» («Единство»), лидеры которого, в том числе и З. Яндарбиев, на конференции в г. Грозном в 1990 г. провозгласили Вайнахскую демократическую партию (ВДП), ставшую основной национал-радикальной группой чеченского национального движения и выступившую против республиканских властей.

Продолжением указанного процесса стало создание в июне 1990 г. на первом «неформальном» съезде мусульман СССР в Астрахани проваххабитской «Исламской партии возрождения» («ИПВ»), которая провозгласила своей целью защищать право мусульман жить по канонам ислама. Будучи представленной в федеральных органах власти, партия активно использовала свой легальный статус, стремясь монопольно представлять федеральный центр в регионах. На основании такого рода представительства она стремилась подчинить своему влиянию все региональные и местные исламские организации, чтобы построить управляемую сверху иерархическую вертикаль, то есть в определенном смысле пыталась подменить собой традиционные духовные управления мусульман.

Начиная с 1992 г., к «Исламской партии Возрождения» стали проявлять интерес политические и религиозные силы некоторых стран Ближнего и

Среднего Востока, принявшие решение использовать организационные структуры «ИПВ» и интеллектуальные возможности ее руководителей для насаждения в мусульманских районах России радикальной исламской идеологии. При их содействии лидеры «ИПВ» активизировали деятельность прежде всего на Северо-Восточном Кавказе по привлечению в свои ряды новых членов, особенно из числа жителей горных районов Дагестана и Чечни. В результате этого определенная часть нетрудоустроенного населения республики, в первую очередь молодежь, стала подпадать под влияние радикал-исламистов. Фактически с этого момента отмечен значительный рост здесь сторонников фундаменталистского течения в исламе, возникают разрозненные молодежные ваххабитские ячейки⁹⁵.

Попытки официально признанной исламской организации – Духовного управления мусульман (ДУМ) Северного Кавказа противостоят данному процессу, привели к тому, что в 1992 году Управление было упразднено, и созданы семь более мелких ДУМ северокавказских республик. Междоусобные дрязги и борьба за лидерство указанных структур привели к политизированности их деятельности. Отдаление управлений от рядовых верующих и утрата в силу этого ими своего авторитета способствовали подмене классических для Северного Кавказа принципов традиционализма идеологией и практикой ваххабизма.

Радикализации ислама в северокавказском регионе также способствовала позиция чеченских властей. Пришедшее к власти в Чечне в начале 90-х гг. прошлого века сепаратистски настроенное руководство во главе с Д. Дудаевым не только не препятствовало, но всячески способствовало укреплению позиций исламских радикалов. Уже тогда в Грозном был открыт центр ваххабитов, который распространял религиозную литературу, организовывал коллективные моления, проповедовал идеи своего учения через средства массовой информации. Его распространение в Чечне стало возможным, так как дудаевцы заявляли, что

---

⁹⁵ См. подробнее там же.

они строят исламское государство, которое нуждалось в единой идеологии. В качестве таковой и должен был выступить ваххабизм⁹⁶.

Особое внимание международные исламистские радикальные группировки уделяли образовательным программам, призванным воспитать радикальных имамов и сформировать из них новую генерацию духовных лидеров. В начале 90-х гг. XX в. молодые мусульмане из республик Северного Кавказа, а впоследствии и из других российских регионов, сотнями отправлялись на учебу в зарубежные медресе в рамках арабских и турецких программ содействия возрождению российского ислама. Российские мусульманские централизованные структуры, испытывая острую потребность в образованном духовенстве, поддерживали такую практику, обычно выбирая учебные заведения, оплачивавшие своим студентам проезд, учебу, питание и проживание. В итоге большинство молодых людей попали в центры идеологической, а в некоторых случаях и комплексной подготовки «бойцов джихада». Некоторые из них не поддались на навязчивую агитацию и сохранили свои прежние убеждения, однако большинство согласилось на роль миссионеров «чистого» ислама. К середине 90-х годов прошлого века сотни образованных и амбициозных радикалов начали возвращаться в Россию, формируя костяк салафитского движения⁹⁷. На сегодняшний день около 10 тысяч представителей народов Северного Кавказа прошли обучение в теологических учебных заведениях в таких странах, как Пакистан, Малайзия, Египет, Саудовская Аравия, Сирия, Тунис, Кувейт, Иран, Иордания⁹⁸.

Распад Советского Союза, крушение экономических и идеологических основ советского общества, ослабление деятельности правоохранительных органов при активизации деятельности геополитических противников России, направленной на отделение Кавказа от РФ, радикальные настроения в ДУМ северокавказских республик, сепаратистские настроения руководства Чечни привели к идеолого-организационному оформлению радикального чеченского

---

⁹⁶ Пауков В.И., Лефко Э.Ф. Войны Аллаха выбирают Кавказ // Время МН. 1999. 30 авг.

⁹⁷ Ziyauddin Khan ibn Ishan Babakhan. Islam and Muslims in the land of Soviets. Ташкент, 1980.

национализма. Все это повлекло этно-политический конфликт между Россией и Чечней, что вылилось в начало боевых действий в 1994 г. и дальнейший рост радикализации чеченского общества.

Так, в начале сентября 1994 г. были зафиксированы боевые столкновения войск Д. Дудаева с формированиями оппозиции у населенных пунктов Урус-Мартан, Долинск, Аргун ЧР. Эскалация насилия и напряженности в республике разрешилась в середине октября 1994 г. неудачным штурмом оппозицией столицы Чечни г. Грозного. После данного события 26 ноября 1994 года в Чечню ввели российские войска, началась гражданская война. Несколько крупных террористических акций, осуществленных под руководством известных полевых командиров, резко изменили ситуацию, заведя в тупик «наведение конституционного порядка». Речь идет, прежде всего, об акциях: в 1995 г. в Буденновске, возглавлявшейся Ш. Басаевым, в 1996 г. в Кизляре и в Первомайском под руководством С. Радуева. Сопровождавшиеся исламской символикой и риторикой, эти беспрецедентные террористические акции привели к хасавюртовскому, а затем и московскому соглашениям, которые, по сути, были расценены лидерами радикальных исламистских группировок как уступки со стороны руководства страны. В соответствии с данными актами из Чечни выводились федеральные войска, а им на замену появлялись многочисленные вооруженные группы боевиков. Грабежи, насилия и убийства – все это становилось обыденностью⁹⁹. В результате после окончания военных действий в 1994-1996 гг. чеченские сепаратисты сделали окончательную ставку на ваххабизм как интегрлистское фундаменталистское учение.

Начавшееся т.н. «чеченское межсезонье», продолжавшееся в период 1996-1999 гг., характеризуется ответной стремительной консолидацией чеченского общества на силовую акцию, предпринятую федеральным центром. Некогда противоборствующие кланы и группы объединились на борьбу с «общим врагом», образ которого был к тому времени уже достаточно успешно внедрен в чеченские массы. Чечню активно захлестнула идея всеобщего джихада,

---

⁹⁹ Мареченков Ю. Руслан Хасбулатов. М., 2002. – С. 186.

подпитываемая идеологией радикального исламизма, призывающая мусульман к борьбе против российских войск, к изгнанию немусульман с Кавказа.

В связи с гибелью Д. Дудаева (апрель 1996 г.) на прошедших выборах президента Чечни был избран один из лидеров сепаратистов А. Масхадов. Однако очевидная поддержка населением А. Масхадова не обеспечила ему соответствующего объема реальных властных полномочий. Наряду с ним значительным влиянием в обществе пользовались активные сторонники радикального ислама - З. Яндарбиева, М. Удугова, А. Бараева. Еще в ходе первой войны в Чечне З. Яндарбиев имел тайные контакты с исламистами и принимал участие в формировании исламистских джамаатов. После гибели Д. Дудаева перед З. Яндарбиевым открылись широкие возможности. Он взял на себя полноту власти в Ичкерии, создав параллельные государственным свои мусульманские институты: меджлис, шуру, шариатский суд и др. Наряду с этим он узаконил исламистов, создал для них самые благоприятные условия¹⁰⁰. Ставка вновь делалась на этнонационализм, являвшийся благодатной почвой для насаждения извне «чистого ислама» со стороны прибывших в Чечню в первую военную кампанию многочисленных зарубежных «моджахедов».

Образовавшееся в Чеченской Республике двоевластие, состоящее из официальной власти и власти полевых командиров¹⁰¹, способствовало дальнейшей активизации деятельности зарубежных экстремистов, готовивших новую военную кампанию. Результатом их действий явилось формирование лагерей и военных центров по подготовке исламских экстремистов. Наиболее известным стал созданный весной 1995 г. на территории Чеченской республики отряд иностранных наемников под названием «Джамаат Ислами», которым командовал иорданец чеченского происхождения Хабиб Абд аль-Рахман Хаттаб¹⁰² (уничтожен в 2002 году). Члены отряда снабжались и до сих пор в

---

¹⁰⁰ Кадыров А.-Х. Мой выбор (записки чеченского лидера). М., 2002. – С. 67.

¹⁰¹ Акаев В.Х. Северокавказский ваххабизм – разновидность исламского радикализма // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2000. № 3. – С. 56-57.

¹⁰² Абд аль-Рахман Хаттаб, 1961 г.р., по происхождению — иорданский чеченец. Он стал первым в Иордании добровольцем, отправившимся в Афганистан в составе батальона, сформированного палестинцем Абдаллахом Аззамом на средства «Лиги исламского мира», где принимал участие в боевых операциях против советских войск в провинции.

определенной степени подпитываются финансами, оружием, инструкторами, боевиками и т.д., поступающими из международных экстремистских и террористических организаций исламистского или националистическо-исламистского толка.

Другой известный учебный диверсионно-террористический центр «Кавказский институт исламского призыва» («Кавказский институт «Да'ва»), был создан в 1996 г. при помощи чеченской общины в Иордании в районе селения Сержень-Юрт Шалинского района Чечни и фактически являлся филиалом международной экстремистской организации «Братья-мусульмане». Первоначально его возглавлял иорданский шейх Абу Сальман, имевший псевдоним Фатх. Деятельность «института» финансировала находящаяся в Саудовской Аравии организация «Международная исламская помощь».

Институт «Да'ва» представлял собой специализированный лагерь, готовивший диверсантов и террористов. Здесь обучались потенциальные «моджахеды» в возрасте от 17 лет и старше. В течение двух месяцев они изучали идейные положения радикального исламского фундаментализма и проходили специальную военную подготовку. Затем некоторая часть из них направлялась на стажировку в зарубежные мусульманские страны. «Да'ва» имел свои представительства в Баку и Киеве, вербовавшие наемников, которые затем направлялись в Сержень-Юрт для прохождения спецподготовки. На базах в Чечне в 1996-1999 гг. были подготовлены сотни террористов. В «институте» Хаттаб лично обучал будущих боевиков методам ведения «партизанской войны» в Чечне и проведению разведывательно-диверсионных акций в других регионах России. Из числа его «учеников» было сформировано ядро «Дагестанской исламской армии», готовившейся к свержению конституционного строя в Дагестане¹⁰³. Хаттаб призывал молодежь арабских стран участвовать в джихаде. По его словам, для этого им необходимо было отправиться в Чечню¹⁰⁴.

---

¹⁰³ Middle East International. - 1995. - Sept.2. - P. 17.

¹⁰⁴ Николаев Р.А., Шабунин А.В. Интеграционная экспансия// независимое военное обозрение. 1999. №12.

В 1999 г. на территории Чечни функционировал так называемый Исламский институт Кавказа (ИИК), который также находился в прямом подчинении и распоряжении Хаттаба. Там работали более 40 преподавателей из Афганистана и Саудовской Аравии. Основной задачей этого заведения было привлечение как можно большего количества молодежи с последующим превращением их в «идеологических марионеток» на политической арене¹⁰⁵.

В середине 1998 году З. Яндарбиев предпринимает попытку сместить с занимаемого поста А. Масхадова¹⁰⁶, противопоставив ему не просто политическую, но и вооруженную зарубежными исламистами и подготовленную в военных лагерях Чечни силу. Одной из многочисленных компромиссных попыток, предпринятой президентской стороной в поисках политического сближения было предложение самому влиятельному из оппозиционеров Ш. Басаеву¹⁰⁷ возглавить республиканское правительство (январь 1998 г.).

Ответной реакцией оппозиции явился процесс консолидации и организационного сращивания структур чеченских и дагестанских радикалов, строительство совместных политических институтов, призванных ускорить решение поставленной цели – создания единого чечено-дагестанского государства по проекту имама Шамиля. Изложенное свидетельствует о том, что религиозные радикалы стремились сосредоточить власть в своих руках. М. Удуговым предпринимаются попытки создать в регионе параллельные официальным органам власти и управления структуры, в частности, Объединенный Комитет чеченского народа (ОКЧН), созданный в г. Грозном в

---

¹⁰⁵ Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1998. - С. 393.

¹⁰⁶ Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/д, 2004. – С. 120.

¹⁰⁷ Шамиль Басаев – главный лидер чеченских мятежников в период 90-х гг. XX в., наряду с Аль Хаттабом проходил боевую подготовку в лагерях в Афганистане и Пакистане. В июле 1994 г. был переведен в лагерь Маркац-и-Давар в Пакистане для совершенствования в тактике партизанской войны. После обучения и идеологической подготовки был назначен на руководящую должность в войне против российских федеральных войск в первой чеченской войне в 1995 г. Во время обучения в Афганистане Басаев сошелся с саудовцем, моджахедом-ветераном Хаттабом, который сражался добровольцем в Афганистане. Только спустя несколько месяцев, уже после возвращения Басаева в Грозный, Хаттаб был приглашен (в начале 1995 г.) для устройства баз боевиков в Чечне и для обучения боевиков-моджахедов (источник - Клята С.И. Мусульманский фактор в России XXI века // «Радикальное направление в исламской идеологии»: Мат. Всерос. Науч.-практ. Семинара. г. Ростов н/Д, 23-24 мая 2006 г.).

марте 1998 г., Меджлис (совет), и Махкамат (шаритский суд). Помимо этого формируются региональные религиозно-политические объединения, располагавшиеся в основном на территории Чечни: Конгресс «Исламская нация», организация Кавказской солидарности «Кавказский дом», Организация Исламского Единства Кавказа, Конфедерация народов Кавказа, Общероссийский культурный центр «Аль-Исламия». Всем вышеуказанным организациям характерны единая направленность, выверенные политические цели и задачи по объединению Чечни и Дагестана, а в последующем и других северокавказских республик в единое исламское государство вне Российской Федерации¹⁰⁸. «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана» (КНИД) под председательством Ш. Басаева, созданный по инициативе «Исламской нации», в апреле 1998 г., превратился по существу в военно-политическую организацию, силовое обеспечение деятельности которой осуществлялось т.н. «исламским миротворческим батальоном» под командованием Хаттаба.

Под давлением исламистской оппозиции, возглавляемой Ш. Басаевым, президент А. Масхадов в начале 1999 г. издает указ о введении в Чечне «полного шариатского правления». Ш. Басаев официально возглавил так называемые «вооруженные силы Исламской Шурь». На него возложили обязанности военного эмира объединенных сил «моджахедов» и «борцов за веру».

Из изложенного следует, что в период «чеченского межсезонья» (1996-1999 гг.) радикальный фундаментализм фактически прошел институционализацию на территории непризнанной Чеченской Республики Ичкерия с целью придания нового качества террористическому движению. Параллельно с формированием официальных структур, стоящих на радикальных позициях, отмечается тенденция организации ваххабитского движения по ареалу действия. В частности, были созданы своего рода территориальные плацдармы со сформированной инфраструктурой, обеспечи-

---

¹⁰⁸ Шарафутдинова Э.Ф. Чеченский конфликт: этноконфессиональный аспект. Ростов н/Д: Изд. СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – С. 66-67.

вающей его культурную, идеологическую и в перспективе политическую экспансию — т.н. «ваххабитские анклав». Они явились прообразом появившихся повсеместно позднее т.н. исламистских «джамаатов». Спецификой указанных анклавов являлось то, что они содержались на «спонсорские» деньги, поступающие из-за рубежа, и изначально являлись средствами геополитической экспансии со стороны мусульманского мира. Именно из этих анклавов должны были поступать мощные импульсы, направленные на полную ваххабизацию не только Чечни, но и всего Северного Кавказа.

Вторжение в Дагестан отрядов вооруженных «ваххабитов» из Чечни 2 августа 1999 г. с захватом ряда населенных пунктов, спровоцировавшее начало второй чеченской войны (1999-2000гг.), продемонстрировало организованность их действий. Координатором данных событий выступил лидер мирового террористического движения Усама бен Ладен, который с середины 1999 г. приступил к финансированию операции по проникновению боевиков из числа арабских и афганских моджахедов в составе дагестанских и чеченских бандформирований на территорию Дагестана. Очевидно, что лидер международного террористического движения Усама бен Ладен и его ближайшее окружение приняли решение о необходимости перехода от практики проведения разовых терактов, требующих длительной и тщательной подготовки, но дающих относительно невысокий эффект, к организации масштабных боевых действий. Такая тактика, по замыслам ее инициаторов, должна была привести к расширению их поддержки даже со стороны режимов, негативно относящихся к политической практике исламских экстремистов. При этом сам бен Ладен определил для себя роль общего стратега и международного координатора, аккумулирующего в своих руках и распределяющего поступающую из мусульманских стран материальную помощь. Такая позиция руководства мирового исламского терроризма и стала одной из основных причин, побудивших лидеров дагестанских и чеченских

«ваххабитов» совершить в августе 1999 г. агрессию против Дагестана¹⁰⁹. Таким образом, при всесторонней помощи со стороны зарубежных радикальных организаций оппозицией во многих горных и плоскогорных районах Дагестана и Чечни были созданы вооруженные исламистские структуры, и уже к началу антитеррористической операции летом 1999 г. существовало около 70 вооруженных группировок¹¹⁰. Дагестанские и чеченские ваххабиты имели разработанный план совершения переворота, т.е. создания кавказского халифата. Руководило операцией т.н. «Объединенное командование дагестанских моджахедов» (ОКДМ) во главе с Ш. Басаевым. Основные силы «ваххабитов» были сведены в три группировки — «Исламскую армию Кавказа» (М.Багаутдин), «Дагестанскую повстанческую армию Имама» (М.Тагаев) и «Миротворческие силы медресы народов Ичкерии и Дагестана» (Хаттаб). Вторжение в Дагестан стало заключительной фазой политического размежевания президентских структур и исламских радикалов. На этот раз новая военная кампания уже не могла консолидировать вокруг сепаратистской верхушки не единожды обманутое им чеченское национальное сообщество. Ставка в основном была сделана на международный терроризм и его спонсоров¹¹¹.

В ходе второй чеченской кампании Москва более не проявляла никаких колебаний, действовала последовательно и упорно. Боевики были вначале выбиты из Грозного, потом оттеснены в Южную Чечню, а затем полностью разгромлены. К марту-апрелю 2000 г. незначительные остатки боевых подразделений боевиков перешли к партизанской войне, что ознаменовало современный этап в развитии религиозно-политических институтов на Северном Кавказе, подробно рассмотренный в следующем параграфе. Сепаратистское движение к этому моменту выглядело следующим образом: вся

---

¹⁰⁹ Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. Ростов н/Дону: СКНЦ ВШ, 2001. – С. 67-68.

¹¹⁰ Лукьянов А.К. Взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии. М., 2001. – С. 123.

¹¹¹ Ельсаев А.А.-Х. Особенности модернизации политического процесса в условиях социальной депривации (на примере Чеченской Республики). Дисс. ... к.п.н. Ростов н/Д, 2005. – С. 90.

территория республики была разделена между отрядами, составляющими исламистские джамааты, в которых продолжали играть существенную роль иностранные наемники. Сопротивление приняло характер бандитского «подполья».

Таким образом, рассматривая процесс радикализации деятельности религиозно-политических организаций на Северном Кавказе можно выделить три периода: имперский, советский и постсоветский.

1. В имперский период в ходе Кавказской войны ислам в России приобретает политическую окраску, под знаменами имамов собираются значительные вооруженные формирования, ведущие бои с царской армией с целью создания и отстаивания исламского государства – имамата. После окончания войны открытое вооруженное противостояние горских народов переходит в скрытую форму борьбы с местными властями, в том числе и в форме абречества, пытающегося террористическими методами повлиять на местное управление и ставшее прообразом современного бандподполья.

2. В советский период отмечается тенденция создания официальных исламских организаций, деятельность которых под влиянием Германии, Великобритании и Турции, ориентированных на создание на Северном Кавказе подконтрольных государственных образований, приобретает радикальный политизированный характер, ведется скрытая борьба с советской властью. В условиях противоречий в официальных структурах традиционной исламской уммы мусульманскими странами Ближнего и Среднего Востока на Северном Кавказе распространяются идеи «чистого ислама» или «вахаббизма», призывающего к борьбе с «неверными» с целью создания исламского эмирата на территории Чечни и Дагестана.

3. В начале постсоветского периода исламский фактор в Северо-Кавказском регионе выступает в качестве идеологической и организационной оболочки при реализации практических интересов заурядных сепаратистов, националистов, мафиозных структур и кланов, криминалитета, собранных под знамена радикального фундаментализма при организационной роли,

финансовой и идеологической подпитке международного террористического движения. При этом исламистский экстремизм и исламистский терроризм на Северном Кавказе приобретали этнонациональные черты, в основе которых заложены архаичные формы социального поведения горских народов в имперский период, такие как «наездничество», абречество, обычай кровной мести и др. Все эти факторы в большой степени укрепили позиции исламизма, одновременно используя его идеологические конструкты для оправдания своей политической практики и мобилизации верующих на джихад против неверных для реализации основной в то время сепаратистской цели - провозглашение независимой Ичкерии и отделение ее от Российской Федерации. Указанный вектор определил появление национал-радикальных движений, осуществляющих борьбу с федеральным центром в форме осуществляемых отдельными небольшими группами террористических актов (подрывы многоэтажных жилых домов, массовые захваты невинных заложников), что спровоцировало вооруженные действия со стороны федеральных сил с целью «наведения конституционного порядка» в ходе первой чеченской войны. Начало боевых действий стимулировало рост радикализации чеченских сепаратистов, создающих при помощи зарубежных «моджахедов» новые институты, деятельность которых направлена на подготовку боевиков.

После разгрома чеченских боевиков, ведущих фронтальные бои с федеральными силами в ходе второй чеченской войны, приоритеты исламских экстремистов в расстановке их идеологической основы изменяются. С целью привлечения дополнительных сил и сторонников на месте прежней этносепаратистской идеи отчленения от России части «самоопределившейся» территории выросла новая, религиозная – создание на Кавказе независимого исламского государства, живущего по законам шариата. Указанная идея устраняла национальные различия между кавказскими народами, так как в войне за волю Бога нет ни чеченцев, ни аварцев, ни карачаевцев, а только воины Аллаха, что значительно увеличивает потенциальные силы. Наряду с этим исламская идея сопротивления позволила привлечь к нему внимание

религиозных борцов со всего мира с их немалыми финансовыми возможностями. Таким образом, смена идеологической основы экстремистов привела к распространению салафитского движения в другие республики Северного Кавказа и трансформации «сопротивления» в мобильные террористические группировки, действовавшие партизанскими методами и сформировавшие впоследствии единую подпольную сеть.

2.2. Структура и современные тенденции развития террористических религиозно-политических организаций на Северном Кавказе в постсоветский период

В современный или постсоветский период развитие террористических религиозно-политических организаций на Северном Кавказе характеризуется формированием террористического бандподполья, которое складывается не как классическая социальная организация с четко прослеживаемой иерархией и линейными формами взаимосвязи отдельных уровней и подразделений одного системного ранга, а развивается в пределах сетевой структуры, позволяющей обеспечивать большую эффективность и лучшую конспиративность террористической деятельности. Поэтому современная сегментированная, полицентрическая северокавказская экстремистская система¹¹², оперативно реагирующая на «внешние вызовы», несмотря на свой достаточно ограниченный системный потенциал, сохраняет значительные деструктивные способности.

Исследователи отмечают, что подобная тенденция сегодня фиксируется не только в Северо-Кавказском регионе России, но и в большинстве стран мира, где террористические угрозы представляют наибольшую опасность, и называют это явление «новым терроризмом», явно отличающимся от терроризма предшествующих лет.

---

¹¹² См. Суций С.Я. Террористическое подполье на востоке северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2010. - С. 8-16.

Джамаат — это главная характеристика политического ислама. И вот почему мы не можем говорить о политическом исламе, отталкиваясь от феноменологии той партийной структуризации, которая существует в современных национальных государствах распространения ислама. Вот почему джамаат и партия — это совершенно разные структуры. Джамаат не участвует в электоральной борьбе, джамаат не стремится прийти в парламент, джамаат стремится принести свое влияние различными методиками — от вооруженной борьбы до лоббирования формального и неформального (в том числе иногда и через представительства политических партий в парламенте). Но в принципе, джамаат — это оппозиция политическому обществу¹¹³.

В постсоветский период террористические джамааты, совершенствуя свою тактику и стратегию, отошли от практики фронтальных сражений, взяв на вооружение диверсионно-террористическую тактику «пчелиного роя». Они способны быстро менять места дислокации, маневрировать и, в случае необходимости, объединяться с другими аналогичными группами. Между этими структурами и их базами налажена устойчивая связь. Иначе говоря, деятельность северокавказских бандгрупп приобрела все основные черты современного исламистского террористического движения, в основе структурного строения которого лежит сетевой принцип («принцип паучьей сети»). Иными словами, с прекращением войны в Чечне активность боевиков не снизилась. Она просто распространилась на другие субъекты Северного Кавказа и практически полностью перешла в террористическую плоскость¹¹⁴.

Организационная структура сепаратистских общин - джамаатов - не совпадает со структурой традиционных мусульманских общин региона, также именуемых джамаатами. Традиционные джамааты охватывают население одного селения или определенных кварталов города, группирующихся вокруг пятничной мечети. То есть традиционные

---

¹¹³ Гейдар Джемаль: Политический Ислам. <http://islamkom.org/analitika/3834-politislam>

¹¹⁴ Независимая газета. 2007. 14 мая.

джамааты на Северном Кавказе организованы по территориальному признаку. Сепаратистские джамааты экстерриториальны и распылены. Один джамаат может охватывать множество небольших групп, объединенных в одну или несколько сетей. Таков, например, дагестанский джамаат «Шариат». Они созданы по принципу лояльности к идеологии и практике сепаратистского движения. В принципе, некоего единого объединения эти «джамааты» не представляют. Их структура состоит из фактически автономных групп, состоящих из небольшого числа членов, часто не знакомых лично с членами других ячеек. Такую сеть очень трудно «порвать», поскольку обнаружение одной ячейки, как правило, не ведет к раскрытию других. Это затрудняет управляемость сети, но преимущества очевидны: они работают на выживание всей сети.

Таким образом, сами джамааты также можно представить, как сетевую структуру, включающую в себя группы людей, соединенных между собой связями. Некоторые из них более популярны и подсоединены к большому количеству связей, соединяющих их с другими, более изолированными точками. Эти точки с большим количеством связей, именуемые узлами, являются важными компонентами террористической сети. Указанные группы Марк Сейджман именуется кликами¹¹⁵.

Клики являют собой социальный механизм, который оказывает давление на потенциальных участников с тем, чтобы они вступили в клики, очерчивает определенную социальную реальность для становящихся все более близкими друзей и помогает выработке общей для них коллективной социальной идентичности и мощного эмоционального желания быть в группе. Клики буквально преобразуют жизнь своих членов и тем самым изменяют смысл и воздействие уз дружбы, которые мостят путь к джихаду. Отдельные события, которые в противном случае могли бы быть независимыми друг от друга и не связанными между собой, объединяются средствами символического

---

¹¹⁵ См. Сейджман М. ¹¹⁵ См. подробнее Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008.- С. 161-163.

характера, которые подчеркивают преемственность и формируют единое мировоззрение о том, что ислам находится в опасности. Это подразумевает общую судьбу, которая формирует общую идентичность. Даже сравнительно небольшая сетевая структура, осуществляющая совместные операции, может состоять из ряда клик, причем каждая будет иметь свои характерные черты, отличающие ее от других.

В общей своей массе «ваххабитские» джамааты представляют собой небольшие банды или группы, располагающиеся по территориальному признаку. Основой такой ячейки является амир (как правило, местный житель), эпизодически или постоянно находящийся с ним инструктор-связной (обычно из числа зарубежных наемников) и группа активных боевиков, которые в силу различных причин не могут вернуться в свои села. Они поддерживают в рабочем состоянии вооружение и технические средства джамаата, создают и пополняют запасы провизии, медикаментов и т.п., а также занимаются разведкой и вербовкой новых членов банды. Большая же часть членов джамаата состоит из боевиков, вернувшихся в свои населенные пункты, воспользовавшись амнистией, но чаще по поддельным документам. Однако по приказу амира они готовы немедленно к нему присоединиться и выполнять поставленные задачи.

Главным элементом внутренней жизни исламистских джамаатов являются общие молитвенные собрания¹¹⁶. Можно добавить к этому военную и физическую подготовку (к джихаду). Численность участников джамаатов невелика, так как малые группы в целом более мобильны, чем большие. Одновременно поддержание эксклюзивного существования требует, чтобы указанная структура оставалась внутренне сплоченной (и конфликтной по отношению к внешнему окружению) группой¹¹⁷. В этой связи приведем цитату из Л. Козера, который, в свою очередь, ссылается на высказывание В.И. Ленина по вопросу о функционировании группы профессиональных революционеров:

---

¹¹⁶ Силантьев Р.А. Ислам в современной России. Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2008. – С. 334-337.

¹¹⁷ Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.- С. 116, 123.

«...В самодержавной стране чем больше мы сузим состав членов в такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью..., тем труднее будет «выловить» такую организацию... Широкую организацию мы никогда не сможем поставить на ту конспиративную высоту, без которой не может быть и речи о... борьбе с правительством... Нужен (воинствующий) комитет из профессиональных революционеров...»¹¹⁸.

Состав исламистских джамаатов разнообразен. Основой их является мусульманская молодежь региона, поэтому их часто называют «молодежными джамаатами». В последнее время наблюдаются весьма тревожные тенденции в этом направлении. В движение исламистов все более активно вливаются молодые интеллектуалы. В частности, можно привести пример дагестанца Абузагира Мантаева, кандидата политических наук, защитившего кандидатскую диссертацию по ваххабизму в г. Москве, а затем оказавшегося в рядах экстремистов и уничтоженного силовиками в г. Махачкале 9 октября 2005 г. Другой пример – Махач (более известный по своему второму имени как Ясин) Расулов, 1975 года рождения. Он закончил Дагестанский государственный университет (ДГУ), прекрасно знал французский и арабский языки, учился в аспирантуре кафедры религиоведения ДГУ, но не доучился там. Успел поработать автором религиозной колонки в республиканской газете «Новое дело», а также вел религиозную передачу на дагестанском телевидении. Буквально в течение одного года он ушел к экстремистам, успел получить назначение «амира г. Махачкалы», поучаствовать в нескольких дерзких акциях боевиков против дагестанских милиционеров. 10 апреля 2006 г. было получено сообщение о его ликвидации в ходе спецоперации в доме на улице Энгельса в г. Махачкале¹¹⁹.

---

¹¹⁸ Козер Л. Указ. соч. - С.123.

¹¹⁹ Ярлыкапов А.А. Проблема сепаратизма и исламского экстремизма в этнических республиках Северного Кавказа. <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-15822.html>

Эта тревожная тенденция говорит о том, что среди части интеллектуальной элиты дагестанской молодежи также распространяются экстремистские взгляды. Есть определенный круг молодых интеллектуалов в республиках Северного Кавказа, особенно в Дагестане, которые убеждены, что в сложившейся ситуации, когда везде господствует несправедливость, коррупция и т.д., наилучшим решением будет введение шариата. Отметим, что подобные идеи достаточно популярны среди молодежи не малообразованной, как было раньше, а интеллектуально развитой и получившей хорошее светское образование. Конечно, это в том числе отражение социально-экономических и политических проблем. Тревожно, что пути решения некоторые молодые интеллектуалы Северного Кавказа стали искать в религиозной сфере.

Состав джамаатов интернациональный, в основном в них объединяются представители народов Северного Кавказа, но иногда встречаются и те, кто приехал из других стран: Таджикистана, Узбекистана, Пакистана, стран Ближнего Востока. Их обычно в официальных сообщениях называют наемниками, хотя многие из них прибыли в регион из идейных соображений, как участники «всемирного джихада против кафиrow (неверных), иудеев и крестоносцев». Те из них, которые имеют солидный боевой опыт, выступают в роли инструкторов, однако не всегда иностранец – инструктор, часто они бывают простыми боевиками. Через иностранцев же часто осуществляется связь с донорами, как правило, из мусульманских стран. Поставка финансовой и иной помощи сепаратистам часто криминализована: например, через эти каналы отмывается фальшивая валюта. Используются и иные способы финансовой подпитки: поступления от сочувствующих, выкуп от родственников похищенных и т.д.

Структурно джамааты представляют собой организации, включающие в себя старший, средний и младший руководящий состав, а также рядовых членов¹²⁰.

В *старший руководящий состав* джамаата входят: главный амир (руководитель), который осуществляет общее руководство и финансирование джамаата, вырабатывает общую стратегию разведывательно-подрывной деятельности в зоне ответственности и поддерживает связь с ведущими лидерами незаконных вооруженных формирований (НВФ); амир-командующий джамаатом - лицо, непосредственно занимающееся разработкой тактики осуществления разведывательно-подрывных акций в соответствии с общим замыслом, выработанным главным амиром, а также ведающее решением текущих вопросов деятельности джамаата; духовный наставник джамаата - фактически является главным идеологом, отвечает за морально-психологическое состояние рядовых членов и осуществление пропаганды экстремистских идей в зоне территориальной ответственности.

Средний руководящий состав джамаата составляют амиры-заместители командующего. Данные лица осуществляют непосредственное руководство боевыми группами. Из числа амиров-заместителей командующего назначается первый заместитель, который в случае непредвиденных обстоятельств, связанных с гибелью, арестом или недееспособностью амира-командующего, берет на себя функции по руководству дальнейшей деятельностью джамаата.

Младший руководящий состав джамаата представлен в лице командиров боевых групп, которые непосредственно подчиняются амирам-заместителям командующего и руководят действиями рядовых членов.

Рядовой состав джамаата составляют члены боевых групп, которые непосредственно осуществляют разведывательно-подрывную

---

¹²⁰ См. об этом подробнее: Добаев И.П. Современный терроризм: нетрадиционный актор геополитики Юга России // Философская инноватика и современная геополитика. Ростов-на-Дону., Изд. СКАГС. 2010. – С. 276-284.

деятельность. Они подчиняются командиру своей боевой группы, а также амиру-заместителю командующего, которому подчинена данная группа. Общая численность группы, как правило, насчитывает порядка пяти человек. Рядовые члены джамаата за невыполнение приказа, проявленную в бою трусость или при подозрении в связях с федеральными силами могут быть казнены без всяких расследований и судебных разбирательств.

В структуре джамаата существуют строгие меры конспирации: рядовой состав знает только членов своей «пятерки». На проводимых совещаниях присутствует только руководящий состав, рядовые члены не допускаются.

Сегодня подобных джамаатов больше всего в Дагестане, Чечне и Ингушетии. Чуть меньше - в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, правда, в этих республиках их число постоянно растет. Распределение джамаатов по регионам происходит следующим образом:

- Дагестан: Джамаат "Шариат" или "Дженнет" (Рай);
- Кабардино-Балкария: Джамаат "Ярмук", Кабардино-Балкарский джамаат;
- Ингушетия: Джамаат "Халифат", джамаат "Талибан";
- Карачаево-Черкессия: джамаат КЧР;
- Северная Осетия: «Катаиб-аль-Хоул».

Рассмотрим подробнее наиболее известные из перечисленных джамаатов.

Джамаат Шариат или Дженнет (Рай) — подпольное объединение, созданное на территории Дагестана в начале 2000-х гг. Несёт ответственность за многочисленные нападения на сотрудников местных правоохранительных органов, спецслужб, военнослужащих, высокопоставленных представителей суфистского (пророссийского) духовенства. Входит в состав так называемого «Кавказского фронта», объединяющего вооружённые формирования мусульман Чечни и Северного Кавказа.

По данным СМИ¹²¹, в состав джамаата входят несколько автономных диверсионных групп, действующих в разных районах Дагестана:

- Дербентский джамаат - г. Дербент, Южный Дагестан и Северный Азербайджан;
- Джундуллах (Воины Аллаха) – г. Хасавюрт;
- Сейфуллах (Меч Аллаха) – г. Буйнакск;
- Карабудахкентская группировка - с. Карабудахкент и соседние районы;
- Шамилькалинский джамаат - г. Махачкала;
- Сергокалинский джамаат - Сергокалинский и Левашинский районы Дагестана;
- Гимринский джамаат - Унцукульский район.

За период с 2002 г. по настоящее время участниками религиозно-экстремистского подполья Дагестана совершены десятки террористических актов. Всего, по данным спецслужб, в 2001-2007 гг. в Дагестане было совершено свыше 60 терактов против сотрудников МВД, УФСБ и военнослужащих¹²².

Дербентский джамаат («Лесные братья», группировка «Южная») — подпольная террористическая исламистская (ваххабитская) группировка, действующая на юге Дагестана (в г. Дербенте и на территории Дербентского, Сулейман-Стальского, Табасаранского и Магарамкентского районов). Входит в Джамаат Шариат. Занимается нападениями на сотрудников правоохранительных органов, организацией терактов, распространением литературы ваххабитского толка, пропагандистско-агитационной деятельностью. Предпринимает попытки создания новых джаммаатов. Так, в 2008 года правоохранительные органы Азербайджана получили информацию о проникновении группы Малачиева в составе 4 человек с территории Дагестана

---

¹²¹ <http://www.fsb.ru>

¹²² Там же.

в Азербайджан — как позднее утверждалось в прессе, для создания нового «Сумгаитского джамаата»¹²³.

Джамаат Ярмук – подпольная исламистская террористическая организация, действующая на территории Кабардино-Балкарии. Стоит отметить мононациональность данной организации, т.е. в состав джамаата входят только балкарцы. Джамаат Ярмук был сформирован летом 2002 года в Панкисском ущелье Грузии из жителей Кабардино-Балкарии, примкнувших к отряду полевого командира Руслана Гелаева. Джамаат назван в честь битвы у реки Ярмук на Ближнем Востоке, в которой арабы в средние века, разгромив византийцев, захватили большую часть Палестины. По данным российских спецслужб, члены группы «Ярмук» проходили боевое обучение в Панкисском ущелье на территории Грузии¹²⁴. Ярмук несет ответственность за вооружённые нападения на представителей местных органов власти, сотрудников правоохранительных органов.

Джамаат Ярмук как подпольная боевая организация пользуется поддержкой *Джамаата Кабардино-Балкарии* — многочисленной религиозной общины, объединяющей с 1998 г. местных жителей, исповедующих, как заявляют её руководители, «чистый ислам». Джамаат Кабардино-Балкарии был создан имамом мечети селения Вольный Аул Мусой (Артуром) Мукожевым, который и стал его первым лидером (амиром). Джамаат имеет чёткую структуру подчинения - лидер, его заместители (наибы), старшие групп, каждый из которых выполняет те или иные обязанности — руководство физической подготовкой рядовых членов джамаата, религиозное обучение (чтение лекций и проповедей) и т. д. По данным правоохранительных органов, отделения джамаата существуют практически во всех районах КБР, объединяя до 10 тыс. человек¹²⁵.

Карачаевский джамаат («Мусульманское общество № 3») — карачаевская террористическая группировка ваххабитского толка. Организация

---

¹²³ <http://www.riadagestan.ru>

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ <http://studies.agentura.ru/to/russia/kavkazfront>

основана в 1995 г. Проповедовала идеи ваххабизма, создав филиалы в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Незадолго до начала второй чеченской войны лидер карачаевских ваххабитов Рамазан Борлаков установил контакт с арабским террористом Хаттабом. Вследствие этого ядро группировки боевиков, напавшей на Дагестан, составляли иностранные наёмники и бойцы «Исламской международной миротворческой бригады», связанной с «Аль-Каидой». Руководство велось из тренировочного лагеря Хаттаба в Чечне — «Исламского института Кавказ». Борлаков направлял в тренировочные лагеря Хаттаба своих сторонников и затем сформировал из них так называемый «карачаевский батальон». Среди боевиков «батальона» был и Ачемез Гочияев, также направлявший своих последователей в лагеря Хаттаба и лидера дагестанских ваххабитов Багаутдина Дагестани. Члены указанной группировки разработали план вооружённого захвата власти в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии и создания на их территории мусульманского государства. Осуществить эти планы ваххабиты не успели из-за начала боевых действий в Чечне в конце 1999 г., после чего перешли на проведение терактов.

Карачаевским джамаатом совершено множество террористических актов, повлекших многочисленные жертвы с целью нарушения общественной безопасности, устрашения населения и оказания воздействия на принятие решений органами власти по ликвидации последствий нападения боевиков на Дагестан в августе 1999 г. Так, в сентябре 1999 г. Гочияевым и его сообщниками Адамом Деккушевым, Юсуфом Крымшамхаловым, Денисом Сайтаковым и др. была организована серия взрывов жилых домов в Москве и Волгодонске. Многочисленные жертвы и массовые ранения принесли взрывы в московском метро и в общественных местах городов Ставропольского края. На сегодняшний день Карачаевский джамаат полностью разгромлен¹²⁶.

Катаиб аль-Хоул (Батальоны мощи или Осетинский джамаат) — воинственная исламистская организация, связанная с многочисленными

---

¹²⁶ <http://www.fsb.ru>.

нападениями на местные и федеральные силы безопасности в Республике Северная Осетия-Алания и на всем Северном Кавказе. О существовании джамаата было впервые упомянуто в марте 2006 г. после учащения инцидентов в Северной Осетии. Тогда же было объявлено, что организация борется в пользу независимости Чечни. Несмотря на то, что джамаат назывался осетинским, в его состав входили в основном ингуши и представители других национальностей мусульманского вероисповедания, осетин в нем было менее 1%.

В последнее время Катаиб аль-Хоул сменила курс своей политической борьбы и стремится покончить с российским контролем в Северной Осетии и установить независимое осетинское государство. Действия Катаиб аль-Хоул не являются столь результативными, как, например действия Ингушского джамаата, так как в РСО-Алания только 20 % от общего числа населения являются мусульманами, остальные приверженцы традиционных верований и последователи РПЦ. «Катаиб аль-Хоул» взял на себя ответственность за множество нападений на федеральных чиновников и представителей правоохранительных органов Северной Осетии, за взрывы в 2006 г. в центре Владикавказа.

Перечисленные джамааты и другие более мелкие террористические и радикальные исламистские группы в начале 2000-х годов вели достаточно разрозненную деятельность. Поэтому в мае 2005 г. руководство непризнанной республики Ичкерия предприняло действия по объединению разобщенных джамаатов. Так, заменивший Аслана Масхадова президент Ичкерии Абдул-Халим Садулаев издал указ о создании *Кавказского фронта Вооружённых Сил ЧРИ*. Командующим был назначен Амир Абу-Муслим, с 2006 года амиром (главнокомандующим) Кавказского фронта стал Ахмад Евлоев.

В интервью Кавказцентру, размещенном на сайте 9 января 2006 года, Басаев заявил: «Кавказский фронт - это структурное подразделение вооруженных сил ЧРИ, и его образование не является признаком коренного изменения стратегии моджахедов на Кавказе. Просто это очередной этап

расширения Джихада. К изменению стратегии можно отнести недавнее решение Маджлиса Кавказского фронта уничтожать колонистов, сотрудничающих с оккупационными структурами Русни, на всей территории Кавказа»¹²⁷.

Кавказский фронт вооружённых сил ЧРИ — организационное объединение исламистских боевых террористических групп на Северном Кавказе (Россия) за пределами чеченской территории, в состав которого были включены следующие автономные региональные секторы:

- Дагестанский сектор (Джамаат Шариат, Дербентский джамаат);
- Ингушский сектор (Джамаат Галгайче);
- Осетинский сектор (Джамаат «Катаиб аль-Хоул»);
- Кабардино-Балкарский сектор (Кабардино-балкарский джамаат);
- Ставропольский сектор (Ногайский батальон);
- Карачаево-Черкесский сектор (Карачаевский джамаат);
- Адыгейский сектор;
- Краснодарский сектор.

В августе 2005 года, по данным Чеченпресс, на совещании полевых командиров было принято решение создать «Объединенную разведку и контрразведку Кавказского фронта на базе соответствующих структур ЧРИ». Распоряжением Шамиля Басаева в структурах секторов фронта были образованы специальные оперативные группы (СОГ), перед которыми поставлены боевые задачи оперативно-тактического назначения. Одной из таких задач является адресная работа по конкретным лицам, а так же подготовка и осуществление адекватных боевых операций по уничтожению заранее намеченных целей¹²⁸.

После второй чеченской войны в пропагандистских целях сепаратисты выделяют как особые подразделения так называемые «батальоны», организованные по этническому признаку. Так в самом конце 1990-х - начале 2000-х гг. появились Ногайский, Карачаевский, другие

---

¹²⁷ <http://studies.agentura.ru/to/russia/kavkazfront>

¹²⁸ Там же.

этнические «батальоны». Они существуют скорее теоретически, нежели представляют из себя реальные военные подразделения. Боевые вылазки и террористические акты, приписываемые тому или иному т.н. «батальону», осуществлялись и осуществляются членами сепаратистских джамаатов соответствующей национальности. В частности, в «Ногайский батальон» включают обычно членов *Шелковского джамаата*, базирующегося на территории Шелковского района Чечни и Нефтекумского района Ставропольского края. Шелковской джамаат – одна из тех сетевых террористических структур, которая прославилась громкими акциями против федеральных сил, в числе которых последние столкновения в селе Тукуй-Мектеб Нефтекумского района Ставропольского края. Его деятельность оказывается на виду у всех из-за того, что вылазки осуществляются часто за пределами этнических республик. Помимо этого в «батальон» входит *Ногайский джамаат*, структурные подразделения которого с 2006 г. располагаются в трёх районах Ставропольского края — Нефтекумском, Левокумском и Степновском. Боевики «батальона» в ходе второй чеченской кампании в основном участвовали в актах возмездия. В 2011 году о Ногайском джамаате вновь вспомнили в связи с терактом в аэропорту Домодедово. Перед этим деятельность Ногайского «батальона» заметно активизировалась: 17 августа 2010 они устроили взрыв в Пятигорске, 30 сентября пытались привести в действие мощное взрывное устройство в Ставрополе, а 31 декабря произвели взрыв на территории Кузьминского лесопарка Москвы. 24 января 2011 года, ФСБ России установлена причастность организации к взрыву в Домодедово¹²⁹.

7 октября 2007 г. лидерами сепаратистского движения на Северном Кавказе был провозглашен *Имарат Кавказ* как единственная структура, объединяющая террористическое подполье¹³⁰. Об этом Докку Умаров - на то

---

¹²⁹ http://ru.wikipedia.org/wiki/...cite_note-1

¹³⁰ Верховный суд РФ 8 февраля 2010 года удовлетворил заявление генерального прокурора и запретил деятельность международной организации «Имарат Кавказ» («Кавказский эмират»). Суд признал деятельность организации террористической («Российская газета» - Федеральный выпуск. № 4130. – 2006. – 28 июля).

время президент непризнанной Ичкерии - сообщил в своем видеообращении, распространенном сразу на нескольких сайтах сепаратистов. Умаров заявил о сложении президентских полномочий и назначил себя верховным правителем - «амиром моджахедов Кавказа», «предводителем джихада», а также «единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды». В перспективе - на территории вплоть до Татарстана и Бурятии¹³¹.

К появлению очередной организации Имарата Кавказ научное и политическое сообщество поначалу отнеслось недостаточно серьезно, расценив ее как очередную пропагандистскую акцию сепаратистского информационного сопровождения (интернет-сайты «Кавказ-Центр», «Хунафа» и др.). Еще три года назад авторитетные эксперты констатировали естественную смерть «фантастических планов провозглашения Кавказа Конфедерацией исламских республик», перестройки общественного строя и законодательства на основе шариата¹³². Однако лидеры сепаратистов действительно изменили стратегию, стали опираться на идеологию радикального исламизма. Идея национальной независимости была заменена доктриной освобождения от «власти неверных»¹³³. Целью Имарата Кавказ заявлено установление шариатского правления на всей территории Северного Кавказа.

Ситуация менялась стремительно, и за последние четыре года Имарат Кавказ превратился в объединяющий центр для большинства разрозненных экстремистских и террористических группировок. Сегодня эта структура не только выступает политико-идеологическим рупором, но и управляет деятельностью террористического подполья на всем Северном Кавказе.

По территориальному устройству Имарат Кавказ более всего походит на федеративное государство. Изначально территория, на которую претендует Имарат, была разделена на шесть субъектов — вилайатов. Сюда вошли: Дагестан, Нохчийчо (Чечня), Галгайче (Ингушетия), Черкессия, Иристон

---

¹³¹ Новая газета №22. – 2010. – 3 мар.

¹³² Бобровников В.О. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать лет спустя. <http://i-r-p.ru/page/stream-library/index-21779.html>.

¹³³ Ротарь И. Непokoйный регион. <http://angusht.com/index.php?news=22299>.

(Северная Осетия), Ногайская степь (Ставропольский край), а также объединенный вилайт Кабарды, Балкарии и Карачая. В мае 2009 года указом Докку Умарова вилайт Иристон был упразднен и включен в состав вилайата Галгайче (см. рисунок 1¹³⁴).

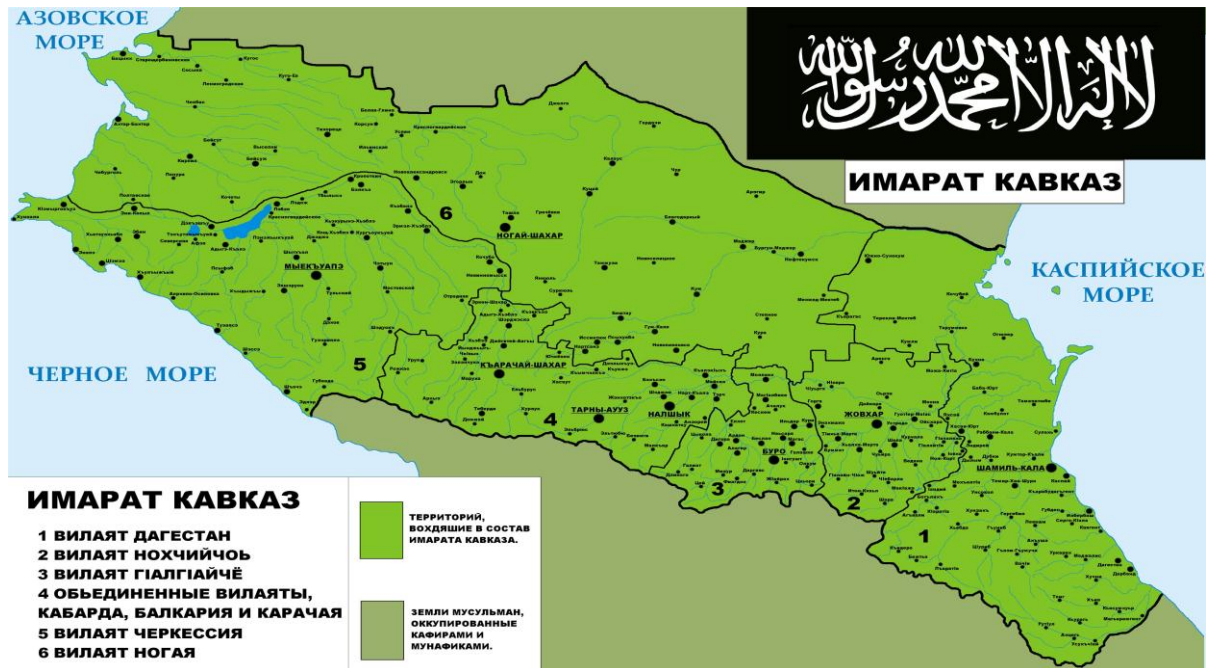

Рисунок 1. Карта Имарата Кавказ

Во главе каждого вилайата стоит свой амир (глава субъекта), обладающий всей полнотой власти на курируемой территории. Он, в свою очередь, отобран из числа амиров местных джамаатов (глав районов, совмещающих полномочия командиров мобильных вооруженных отрядов). При амуре вилайата, как и при верховном амуре Имарата, как правило, действует меджлис - совещательный орган из наиболее авторитетных представителей общины. На меджлис обычно возлагается деятельность по распределению средств общего фонда, в который члены общины собирают взносы и пожертвования.

Если абстрагироваться от приблизительных данных силовиков, то в каждом вилайате можно насчитывать приблизительно около сотни человек,

¹³⁴ Там же

которые непосредственно участвуют в джихаде. Каждый джамаат состоит приблизительно из 10-20 человек. А вот тылы или сочувствующие, о которых говорили силовики и число которых невозможно определить, может достигать и нескольких сотен, а то и тысяч. Это те, кто снабжает подполье информацией, помогает с перевозкой продуктов, съемом квартир, покупкой транспортных средств и т.д.¹³⁵

Помимо территориального устройства внутри Имарата Кавказ существует административное разделение на ряд структур¹³⁶. Так, при верховном амире Имарата существуют структуры, функции которых подобны министерским. Из наиболее четко выделенных можно назвать «министерство обороны», «КГБ» и «министерство по связям с общественностью». Военным амиром Имарата являлся полевой командир Мягас (арестован). «КГБ» (в исламской терминологии - Мухабарат) возглавляет Тархан Газиев, близкий Докку Умарову человек. Связями с общественностью занимается Мовлади Удугов, который весьма успешно выступал пресс-секретарем сепаратистов еще в первую чеченскую войну. Из-за рубежа (предположительно - из Арабских Эмиратов) Удугов осуществляет руководство информационной политикой шариатского «государства». Верховная судебная власть на территории Имарата Кавказ принадлежит высшему шариатскому суду. Бессменным председателем суда являлся кабардинец Анзор Астемиров (убит). За рубежом интересы Имарата представляет Шамсуддин Батукаев, проживающий в Турции.

Весной 2009 года Докку Умаров оснастил Имарат дополнительным атрибутом государственности. Он созвал представительный орган - Маджлисуль Шура. Туда входят главы вилайатов (регионов) и наиболее заметные руководители джамаатов (местных боевых подразделений). Это нечто вроде верхней палаты парламента, у которой, однако, лишь совещательные функции. Также в ее полномочия входит избрание нового амира в случае смерти нынешнего (должность амира — выборная) (см. рисунок 2).

¹³⁵ Кабардино-Балкария; на пути к катастрофе. <http://kabardino-balkaria.kavkaz-uzel.ru/articles>

¹³⁶ См. Новая газета № 22. – 2010. – 3 мар.

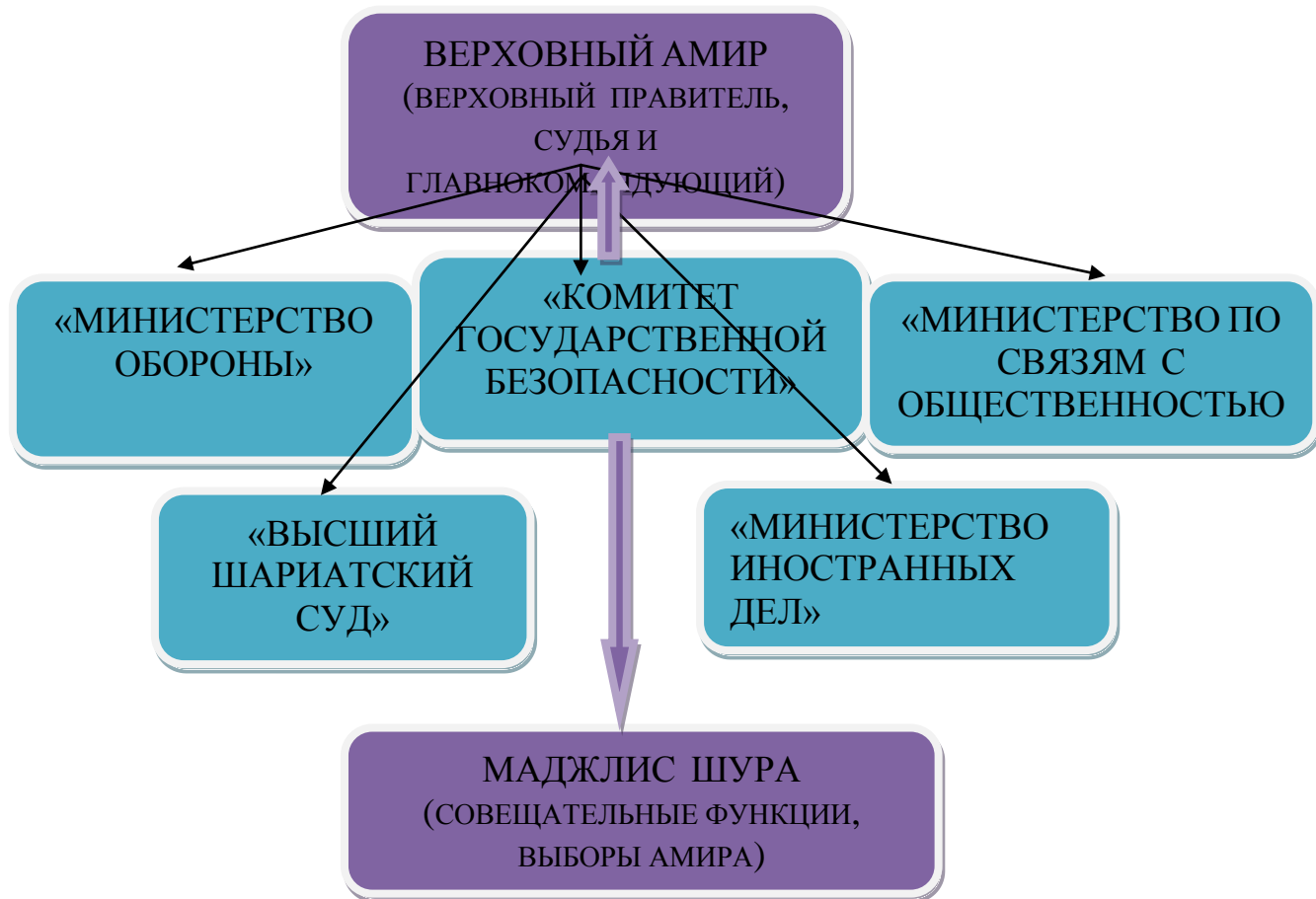

Рисунок 2. Схема административного устройства Имарата Кавказ

По режиму правления Имарат Кавказ можно сравнить с авторитаризмом. Все вышеупомянутые органы «государства» имеют лишь совещательные функции. Анзор Астемиров (убит), верховный судья, один из лидеров в иерархии Имарата, говорил: «У нас нет разделения в руководстве. Религиозное, политическое и военное руководство сосредоточено в руках амира»¹³⁷.

Имарат, конечно, не обладает такой мощной бюрократической машиной, как настоящее государство. И все же в его административном устройстве есть некоторые преимущества. Во-первых, это жесткая ротация руководителей. Сменяемость тем выше, чем ниже ранг руководителя, и связана в основном с

¹³⁷ <http://studies.agentura.ru/to/russia/imarakavkaz>

высокой смертностью начальствующего состава. Но от этого значение ротации ничуть не уменьшается.

Второй момент, который дает Имарату преимущества над устройством российской государственной машины, это возможность карьерного роста, не обусловленного личными связями с правящей верхушкой. Небольшой районный лидер - амир джамаата - имеет возможность пробиться в число верховных руководителей, не прибегая к «откатам» и не унижая себя демонстрацией лояльности. Главный источник карьеризма полевых командиров — идея, а отнюдь не меркантильные соображения.

Примечательно, что администрацию исламистского «государства» поражают традиционные «болезни» государственных структур, в частности, коррупция. Были скандалы с растратой финансовых средств, и даже постановления шариатского суда по этому поводу.

Для значительной части кавказского населения институты кавказского Имарата не менее объективны, явственны, чем аналогичные институты Российской Федерации. Светскому суду противопоставлен суд шариатский. Новобранцы пополняют многочисленные лесные отряды с гораздо большим рвением, нежели ряды российской армии. Религиозные структуры во всех кавказских республиках распались на пророссийские и противостоящие им «ваххабитские», не признающие власть официальных Духовных управлений мусульман. И всякому президенту всякой республики противопоставлен амир соответствующего вилаята. Про них в селах говорят: ночной правитель.

Таким образом, структура каждого джамаата носит сетевой характер. Совокупность таких джамаатов в рамках республик образуют вилаяты, которые, в свою очередь, в сумме образуют Имарат Кавказ под руководством Доку Умарова, который также входит во всеобщую сеть исламистов мира. При этом и вилаяты, и Имарат Кавказ также выстроены по сетевому принципу. Сказанное свидетельствует о том, что мы имеем дело с разветвлённой сетью религиозных экстремистских формирований на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации (см. рисунок 3).

И М А Р А Т К А В К А З					
Вилайт Дагестан	Вилайт Нахчийчо	Вилайт Галгайче	Объединенные вылаиты Кабарды Балкарии и Карачая	Вилайт Черкессии	Вилайт Ногая
<u>Республика Дагестан:</u> - Джамаат Шариат (Дженнет или Рай) -Дербентский джамаат («Лесные братья» или группировка Южная)	<u>Чеченская Республика:</u> <u>Множественные разрозненные джамааты</u>	<u>Ингушетия:</u> - Джамаат Халифат <u>Северная Осетия:</u> - Катаиб-аль- Хоул (Батальон мощи или Осетинский батальон)	<u>КБР:</u> - Джамаат Ярмук - Кабардино- Балкарский джамаат	<u>КЧР:</u> - Карачаевский джамаат (Мусульманское общество № 3)	<u>Ставрополь- ский Край:</u> - Ногайский <u>джамаат</u> (Ногайский <u>диверсионный</u> <u>батальон</u>)

Рисунок 3. Структура Имарата Кавказ

То, что Имарат Кавказ, входя в сеть мирового террористического движения, координируется международными исламистскими структурами Ближнего Востока и является выразителем идей Аль-Каиды, признают все эксперты¹³⁸. Таким образом, международным исламистским движением, использующим террористические методы ведения борьбы с «неверными», в архитектуре глобального салафитского джихада создан северокавказский террористический узел, занимающий отдельное место. При всей территориальной обособленности последнего он связан со всеми основными крупными международными кластерами террористического движения (см. рисунок 4).

¹³⁸ См.: Религиозный фактор и проблемы безопасности Юга России: Колл. монография. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. - С. 81.

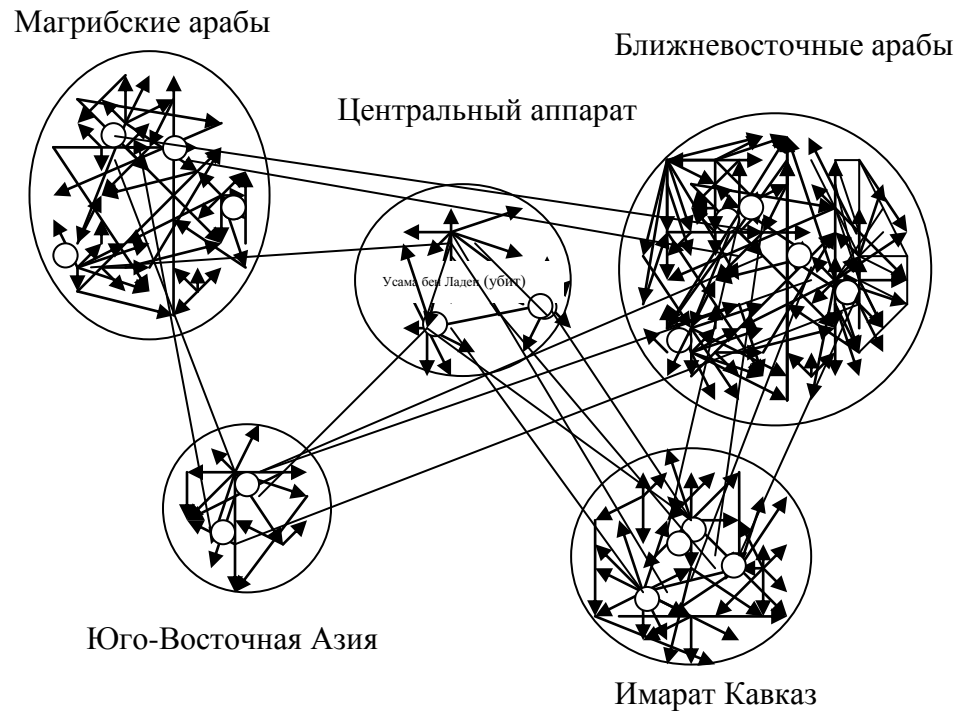

Рисунок 4. Глобальная салафитская сетевая структура

Формирование единого исламистского движения входит в круг интересов США путем манипулирования другими участниками геополитической игры на Северном Кавказе. В частности указанный процесс осуществляется арабо-исламистскими силами в рамках т.н. «ваххабитского» проекта. Характеризуя методику распространения влияния зарубежных ваххабитов на Северном Кавказе, можно выделить 7 основных этапов¹³⁹:

1. В регионе появляются «ваххабитские» вербовщики, они не ведут пропаганды, они просто присматриваются. Без всяких условий предоставляют финансовую помощь, особенно исламским организациям, отбирают перспективных кандидатов на роль лидеров местных объединений (джамаатов). Знакомят их со своим учением. Предполагаемым лидерам - будущим амирам - в течение хаджа в Мекке обычно открыто предлагают присоединиться к

¹³⁹ См. Акпадшахов А. «Ваххабиты – джихад против России» //Алимы и ученые против ваххабизма. Сборник статей, Махачкала, 2001.

«ваххабитам» (христианам - в течение иностранного визита). Считается, что после предварительной обработки и демонстрации огромных материальных благ кандидат не может отказаться.

2. Будущие амиры пытаются занять видные места в традиционных религиозных структурах данной местности. Открытая пропаганда пока не производится, акцент делается на создании широкого круга сторонников выдачей финансовых субсидий на лечение, на светское образование за границей и т. п.

3. Формируются небольшие общины - «джамааты». Участники новых «джамаатов» проходят курсы обучения в иностранных лагерях «ваххабитов». Амиры переходят к широкой проповеди «ваххабизма».

4. В месте нахождения «джамаатов» на основе традиционных структур разогрывается сепаратистское движение. «Джамааты» поддерживают мятежников, становясь наиболее боеспособной их воинской частью. Военные успехи притягивают молодежь, джамааты расширяются, открывают первичные учебные лагеря, увеличивается и число прошедших полный курс обучения за границей.

5. Делается все для эскалации возможно более острого военного конфликта. Всеми доступными способами стимулируются потоки беженцев, вообще любые значительные перемещения людей. Ситуация кризиса приводит к ослаблению традиционных структур и к усилению «джамаатов». На месте создаются учебные лагеря для прохождения основного курса.

6. Реальная власть переходит к шуре (совету) амиров всех основных «джамаатов». Традиционные структуры на этом этапе предпочитают сохранять для легитимизации «шариата» в глазах населения и внешнего мира. В случае невозможности быстрой победы над правительственными войсками устраивается затяжная партизанская война.

7. Сращивание деятельности международных радикальных исламистских группировок с северокавказским террористическим бандподпольем с целью распространения своих интересов, связанных с построением единого в мире

мусульманского государства Халифата, с захватом территории Северного Кавказа.

США в достижении своих геополитических интересов использует также турецкие силы или т.н. туранский проект, который реализуется, прежде всего, Турцией среди тюркских народов, которые одновременно являются еще и мусульманами. С 2009 г. в Дагестане отмечается активизация деятельности турецкой политико-религиозной организации «Нурджулар», членами которой являются радикально настроенные турецкие исламисты, тесно связанные с террористической организацией «Серые волки»¹⁴⁰. На Северном Кавказе активистами «Нурджулар» осуществляется сбор информации о происходящих в регионе процессах, ведется скрытая пантюркистская и панисламистская обработка российской молодежи, проводятся пропагандистские акции, изучаются кандидаты на вербовку в целях формирования протурецкого лобби в местных властных структурах, предпринимаются попытки проникновения в правоохранительные органы и общественные объединения. Эта секта взаимодействует с действующими в Турции организациями, оказывающими помощь бандформированиям в Чечне¹⁴¹.

Оценивая развитие современного террористического движения на Северном Кавказе, необходимо определить изменения в нем за последнее время и отметить современные его черты.

Во-первых, сменилось внутреннее устройство бандподполья. На месте прежних независимых отрядов, возглавляемых самостоятельными амбициозными лидерами, появилась гибкая сетевая структура, позволяющая не только решать задачи выживания, но и вести активные боевые действия.

Во-вторых, необходимо отметить новые источники пополнения салафитов. Так, наряду с истинными сторонниками идей ислама, ставящих цели реформирования вероучения и исправления общества путем постепенного и неуклонного религиозного воспитания и введения норм шариата,

---

¹⁴⁰ Киреев Н.Г. Антитеррористическое законодательство в Турции // Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2001. – С. 328.

¹⁴¹ Кавказская война // Завтра. 2004. № 13 (540). 23 марта.

примкнувших к ним маргинальных и полукриминальных элементов и радикальных националистов можно также отметить прозелитов (новообращенных в ислам немусульман). Практика показывает, что они порой являются гораздо более ярыми приверженцами радикального ислама, нежели истинные мусульмане. Например, Саид Бурятский (до принятия ислама Тихомиров А.А., убит в 2009 году), которого представители бандподполья задействовали в качестве своего нового идеолога, ориентированного, в первую очередь, на вовлечение в экстремистскую деятельность русскоязычной молодежи.

В-третьих, новым является использование для совершения террористических актов такого явления, как шахидизм. Ранее акции шахидизма в регионе практически не фиксировались. Однако, начиная со второй чеченской войны (с 1999 г.) и до нашего времени они стали едва ли не обыденным явлением. В истории народов Северного Кавказа, в том числе и чеченцев, практически не известны случаи целенаправленного и осознанного самоубийства. Феномен суицида чужд образу жизни и духовно-культурному восприятию северокавказских этносов, однако силами радикального исламизма он превращен, прежде всего, именно в политический феномен и настойчиво насаждается на территории северокавказских республик¹⁴².

В-четвертых, сменились источники финансирования: если раньше отряды кормились в основном за счет разлагавшейся Российской армии, то теперь они живут благодаря помощи сочувствующих братьев со всех концов света, а также благодаря обширной поддержке местного населения. В частности, финансовую основу деятельности бандподполья составляют добровольные пожертвования, которые собираются во всех мусульманских странах. По некоторым данным, мусульмане жертвуют 2,5 % своих доходов на благотворительность. Это так называемый *закят* — предписываемый шариатом налог на доходы, который идет на нужды мусульманской общины, передается в благотворительные

---

¹⁴² Описание «шахидизма» на Северном Кавказе базируется на монографии Акаева В.Х. «Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе». – Грозный, 2004. – С. 221-231.

фонды и распределяется среди бедных и неимущих¹⁴³. В результате расследования крупных террористических актов в ряде стран мира (включая трагические события 11 сентября 2001 года в США) стало ясно, что осуществившие их террористические организации частично финансировались из фондов легальных исламских религиозно-политических и благотворительных организаций разного рода, куда поступали добровольные пожертвования простых мусульман. Так, известно, что из Малайзии в Ингушетию было передано 1,5 млн долларов. Из этих средств оплачивалась диверсионная деятельность в России, в частности подорван «Невский экспресс» в августе 2007г.¹⁴⁴

После 11 сентября 2001 г. контроль над финансированием террористических группировок ужесточился, но, по крайней мере, один канал поступления средств все-таки сохранился, и перекрыть его пока не удается. Это так называемая хавала – неформальный способ передачи денежных средств, основанный на деловых и родственных связях.

Также сменились возможности. Если раньше командиры подполья пропагандировали свои идеи исключительно личным примером, то теперь боевики все активнее используют цифровые технологии. Это позволяет выходить на широкие массы людей и эффективнее привлекать сочувствующих: одно дело взять оружие и своими ногами пойти в лес, и совсем другое — посмотреть в YouTube проповедь с правильными словами. Современные международные террористические организации оснащены самыми передовыми средствами и используют международные и национальные информационные и телекоммуникационные сети и системы для распространения идей радикального ислама и террора. Очевидным представляется возникновение новой формы управления со стороны международных террористических структур руководством Имарата Кавказа и соответственно северокавказскими

---

¹⁴³ Комиссина И.Н. Мусульманские организации Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии / Под. Ред д.и.н. К.А. Кокарева; Ро. Ин-т стратегич. Исслед. – М.: РИСИ, 2009. – С. 9-13, 223-225.

¹⁴⁴ «Невский экспресс» пустили под откос из Ингушетии // Известия. – 2007. – 25 октября.

террористическими джамаатами с открытых позиций через сотовую связь и Интернет. В настоящее время во всемирной сети существует уже несколько сотен экстремистских информационных порталов. Если в 1998 г. примерно половина из 30 организаций, которых США причисляли к террористическим, обладала своими электронными страницами, то ныне в сети представлены абсолютно все известные своими радикальными взглядами группы. Причем материалы они переводят не менее, чем на 40 различных языков.

Северокавказское террористическое подполье также использует Интернет в качестве транслирования широким массам призывов к джихаду. Например, в мае 2008 года на интернет-сайтах, используемых представителями бандподполья, было размещено совместное видеообращение лидера бандформирования Доку Умарова и шейха Саида Бурятского (Тихомирова А.А.) с призывом ко всем мусульманам присоединиться к их борьбе против Российской Федерации с целью создания мусульманского государства «Имарат Кавказ». Пропагандистская работа, ведущаяся в сети Интернет, довольно эффективна. Имеются данные о том, что именно информация, содержащаяся на экстремистских сайтах, склонила отдельных молодых людей к вступлению в банды. Так, при опросе склоненных к добровольной явке с повинной боевиков получены сведения о том, что на их решение присоединиться к деятельности бандформирований существенное влияние оказали материалы сайтов «Кавказ Центр» и «Даймохк».

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что современное развитие террористических исламистских религиозно-политических организаций на Северном Кавказе характеризуется дальнейшей их интеграцией в систему современного международного исламистского террористического движения. Если до и во время первой чеченской войны эти структуры в политической сфере действовали практически открыто, а в начале второй чеченской вели фронтальные бои за Грозный и участвовали в широком партизанском движении, то сегодня они, как правило, представляют собой подпольные сетевые структуры, объединенные общими с современным

международным исламистским террористическим движением целями и идеологическими установками, а также имеющие идентичные с крупными террористическими исламистскими организациями характерные черты.

Основной структурной единицей северокавказской террористической сети является джамаат (террористическая организация или банда) во главе с амиром. Совокупность таких джамаатов в рамках северокавказских республик образуют шесть вилайатов, которые, в свою очередь, в сумме образуют Имарат Кавказ под руководством Доку Умарова, входящий во всеобщую сеть исламистов мира.

Сегодня Имарат Кавказ не только выступает политико-идеологическим рупором, заменившим идею национальной независимости доктриной освобождения от «власти неверных» с целью установления шариатского правления на всей территории Северного Кавказа, но и управляет деятельностью террористического подполья на указанной территории. По территориальному устройству Имарат Кавказ походит на федеративное государство, имеет административное разделение на ряд структур, по режиму правления Имарат Кавказ можно сравнить с авторитаризмом.

Таким образом, международным исламистским движением, использующим террористические методы ведения борьбы с «неверными», в архитектуре глобального салафитского джихада создан северокавказский террористический узел, занимающий отдельное место. При всей территориальной обособленности последнего он связан со всеми основными крупными международными кластерами террористического движения.

Учитывая непрекращающийся процесс институционализации северокавказского террористического бандподполья, а также современные тенденции его развития, можно сделать прогноз на перспективу: эти сетевые структуры доказали свою жизнеспособность, автономность и самовосстанавливаемость. Сегодня группировки боевиков-«ваххабитов» объединяются на новейшей идеологической основе, разработанной в зарубежных исламистских центрах и уже дополненной собственными

идеологическими наработками с учетом местных этно-религиозных особенностей. Неизбежной политической практикой носителей идеологии религиозно-политического экстремизма всегда был, есть и будет терроризм. Следовательно, террористические исламистские религиозно-политические институты будут предпринимать меры для дальнейшего развития и упорядочения своей террористическую деятельность, а также расширения ареала своего влияния. Препятствовать данному процессу призваны рассмотренные далее политические аспекты усиления стратегии противодействия терроризму в северокавказском регионе.

Глава III. Политические аспекты усиления стратегии противодействия терроризму в северокавказском регионе

Институционализация террористических религиозно-политических организаций, действующих под прикрытием ислама в мире и на Северном Кавказе, активное взаимодействие их друг с другом, расширение ареала их действия свидетельствуют о дальнейшей эскалации террористической активности. Исходя из этого, цивилизованное общество должно стремиться к тому, чтобы не давать распространяться этому злу и вовремя выявлять террористическую угрозу. Сегодня совершенно очевидной является необходимость усиления стратегии противодействия терроризму на Северном Кавказе, в которой должны быть учтены не только «силовые» меры, а также социально-политические, экономические, культурно-исторические и иные факторы.

Указанная стратегия должна быть «заточена» на поиск ключевых механизмов и технологий регионального менеджмента, снижающих воспроизводство конфликтогенных факторов, порождающих проявления терроризма.

При разработке стратегии противодействия терроризму необходимо учитывать множество разнообразных конфликтогенных факторов, которые в рамках концепции «многомерного» подхода можно «разложить» по этажам - глобальные (геополитические, геоэкономические, военно-стратегические), внутринациональные (макроэкономические, социально-политические, этноконфессиональные, демографо-миграционные) и социально-экономические факторы, образующие живую «ткань» процессов на мезо- и микроуровнях социума¹⁴⁵. Учитывая перечисленные конфликтогенные факторы, провоцирующие развитие террористического движения на Северном Кавказе, в рамках данного диссертационного исследования предлагается рассмотреть

---

¹⁴⁵ См.: Колесников Ю.С. Какая «стратегия» нужна Северному Кавказу // Южно-Российский форум. 2010. - № 1. - С. 17-29.

стратегию противодействия северокавказскому терроризму, *используя узкий подход (рассматривает борьбу с терроризмом как с уголовным преступлением), а также широкий подход (рассматривает борьбу с терроризмом как с многомерным социально-политическим явлением) и глобальный подход (рассматривает борьбу с терроризмом как с международной угрозой).*

Под *узким подходом* подразумевается совершенствование антитеррористического законодательства; укрепление спецслужб и правоохранительных органов РФ в антитеррористической деятельности; выявление и пресечение финансовых потоков террористической деятельности (внешние и внутренние); информационное обеспечение комплекса мер по борьбе с терроризмом.

Правовую основу антитеррористического законодательства составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Концепция внешней политики Российской Федерации, Военная доктрина Российской Федерации, а также нормативные правовые акты Российской Федерации, направленные на совершенствование деятельности в данной области.

Важным этапом в процессе *совершенствования антитеррористического законодательства* следует считать принятие основополагающего правового документа в этой сфере - Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 5 октября 2009 года. Во втором разделе данной концепции в развернутом виде представлена общегосударственная система противодействия терроризму. Однако необходимо отметить, что данная концепция возникла не на пустом месте:

ее созданию предшествовал анализ многолетней практики функционирования в нашей стране системы борьбы с терроризмом.

Основы системы борьбы с терроризмом в Российской Федерации были заложены в 1996 году, когда был издан Указ Президента Российской Федерации «О мерах по усилению борьбы с терроризмом», в котором впервые была нормативно закреплена идея межведомственного подхода к борьбе с терроризмом. Спустя год в стране начала действовать специально созданная Межведомственная антитеррористическая комиссия, Председателем которой стал Директор ФСБ России. Несмотря на то, что Комиссия была призвана осуществлять свою работу на плановой основе (в частности, проводить заседания не реже одного раза в квартал), она не имела собственного постоянного рабочего органа. В этой связи подготовка материалов к заседаниям осуществлялась, главным образом, представителями тех федеральных органов исполнительной власти, к ведению которых относились вопросы, выносимые на повестку дня.

В 1998 году, после принятия Федерального закона «О борьбе с терроризмом», Межведомственную антитеррористическую комиссию упразднили. Вместо нее была образована Федеральная антитеррористическая комиссия Российской Федерации. Однако и она не имела постоянно действующего аппарата, подготовка материалов к заседаниям по-прежнему возлагалась на представителей федеральных органов исполнительной власти, к ведению которых относились рассматриваемые вопросы повестки дня. Отсутствие реальных механизмов, обеспечивающих обязательность исполнения и контроль реализации принятых Комиссией решений, повседневную координацию деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти в сфере противодействия терроризму, объективно снижали эффективность антитеррористических мероприятий.

В целях устранения объективно существовавших на тот момент недостатков в сфере контртеррористической деятельности и совершенствования государственного управления в этой области,

в соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму» и Указом Президента Российской Федерации «О мерах по противодействию терроризму», 10 марта 2006 года был создан Национальный антитеррористический комитет. Для организации планирования применения сил и средств федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов по борьбе с терроризмом, а также для управления контртеррористическими операциями в составе Комитета образован Федеральный оперативный штаб. В субъектах Российской Федерации созданы собственные оперативные штабы (их возглавляют руководители территориальных органов безопасности), а в регионах – антитеррористические комиссии (руководство поручено главам региональных органов исполнительной власти). Объединив представителей 17 государственных структур, министерств и ведомств – в их числе ФСБ, ФСО, МВД, МЧС, Минздравсоцразвития, Минтранс России, Национальный антитеррористический комитет стал действительно коллективным инструментом противодействия терроризму.

Безусловно, имеющиеся некоторые позитивные сдвиги не следует объяснять только созданием и деятельностью НАК, однако существенный вклад в улучшение антитеррористической ситуации внесло, по оценке экспертов, безусловное улучшение координации и взаимодействия министерств и ведомств, руководители которых вошли в состав Национального антитеррористического комитета, Федерального оперативного штаба, АТК и ОШ в субъектах Российской Федерации¹⁴⁶.

26 февраля 2006 года Государственной Думой принят Федеральный закон № 35-ФЗ от 6.03.2006 г. «О противодействии терроризму» (отредактирован 3 мая 2011 года), которым руководствуются российские спецслужбы в борьбе с этим явлением. В законе определяются правовые и организационные основы борьбы с терроризмом, порядок координации

---

¹⁴⁶ Добаев И.П. Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. – Москва - Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2011. – С. 6-7.

деятельности федеральных органов исполнительной власти, в том числе субъектов Федерации, правовой режим и порядок проведения контртеррористической операции, а также правовая и социальная защита лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, а также обязанности и гарантии населения в связи с осуществлением антитеррористических мероприятий.

В соответствии с законом, противодействие терроризму – деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по: а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом); в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма¹⁴⁷.

В целях реализации положений Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» приняты постановления Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 г. № 662 «Об источниках финансирования выплат денежного вознаграждения за содействие борьбе с терроризмом», от 12 января 2007 г. № 6 «Об утверждении Правил осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом» и от 6 июня 2007 г. № 352 «О мерах по реализации Федерального закона «О противодействии терроризму».

Однако на сегодняшний день имеющиеся основополагающие установки указанного закона не являются достаточными для организации антитеррористической деятельности. На основе имеющегося опыта, а также с учетом того, что терроризм приобретает международный характер, необходимо разработать новый модельный закон о борьбе с терроризмом с учетом качественно новых подходов. Речь идет о защите объектов от террористических посягательств, борьбе с финансированием террористической деятельности,

---

¹⁴⁷ <http://www.zakon.ru>

информационном противодействии терроризму и т.д.¹⁴⁸ Представляется важным на уровне государственных экспертных учреждений выработать единообразное понимание терминов «ваххабизм», «экстремизм», «экстремистская деятельность», «терроризм», которые также отразить в новой версии закона.

Разработке также подлежат следующие проблемные ситуации: четкое определение компетенция ветвей власти, пределы ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайной обстановки; режим деятельности представителей СМИ; обеспечение безопасности населения; принципы переговоров (ограничение участия высших лиц, характер и пределы возможных уступок, вопрос о правовой силе данных обещаний и т.д.; принципы применения силы и психологического давления (через соучастников, единомышленников, близких и родных, допустимость «контрзаложничества»); надзор и контроль за законностью, статус сотрудников, внедренных в террористические организации; оценка допустимых пределов применения силы, оружия и спецсредств.

Представляется необходимым также разделить в законе ответственность по проведению контртеррористических операций между ФСБ, МВД, МО, ФПС в зависимости от объектов террористических акций и их целей. Освобождение заложников скорее всего входит в компетенцию местных полицейских органов, а при захвате, например, атомной станции или другого подобного объекта может потребоваться вмешательство и ФСБ, и МО.

Детальной разработки требует процедура и содержание взаимодействия федеральных сил с властями региона и органами местного самоуправления, учет права местных властей на переговоры, использование местных ресурсов и сил для вывода населения, оцепления, контроля транспорта, размещения эвакуированных, информационная взаимосвязь и т.д.

---

¹⁴⁸ См.: Гушер А. Терроризм. Как противостоять ему в России и в мире?// Журнал теории и практики Евразийства № 3 // <http://www.nbu.gov.ua>

Создание качественно нового закона о противодействии терроризму с учетом современных тенденций повлечет за собой модернизацию Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ, Федерального закона «Об оружии», Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», которые позволят расширить возможности правоохранительных органов по выявлению, пересечению, раскрытию и расследованию террористической деятельности. Напрашивается новая редакция Федеральных законов «О безопасности» и «О чрезвычайном положении». Существенных дополнений и коррекции потребует законодательство, касающееся обеспечения безопасности ядерных, химических, бактериологических и т.п. объектов, информационной безопасности, рекламы и деятельности СМИ, местного самоуправления и др. В рассматриваемом аспекте необходима конкретизация договоров о размежевании и взаимном делегировании полномочий РФ и ее субъектов. Необходимые дополнения потребуются внести в нормативные акты о координации правоохранительной деятельности, о государственных инспекциях, пожарной безопасности и т.д.¹⁴⁹

Наряду с коррекцией правовой основы стратегия противодействия терроризму на Северном Кавказе должна включать меры, направленные на *совершенствование деятельности правоохранительных органов*. Имеющиеся в государстве специализированные структуры можно назвать подготовленными к борьбе с терроризмом лишь условно, поскольку они в большей степени сориентированы на проведение силовых акций, когда преступление уже совершено. Между тем, борьба с терроризмом - это прежде всего заблаговременная оперативная работа, позволяющая выявлять террористические организации на стадии возникновения, а террористические акты пресекать на стадии планирования и подготовки.

Для борьбы с терроризмом правоохранительные органы должны осуществлять ряд мероприятий, направленных на выявление фактов незаконной продажи огнестрельного оружия, боеприпасов, отравляющих

---

¹⁴⁹ Там же.

веществ, сильнодействующих препаратов. С этими же целями полезны предпринимаемые государством меры по усилению охраны наиболее важных государственных объектов (вокзалов, аэропортов, коммуникаций), а также объектов по производству и хранению оружия массового уничтожения, огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ. Представляется важным усилить охрану складов с вооружением в воинских частях, которые наиболее часто становятся объектом нападения со стороны преступников с целью завладения огнестрельным оружием и боеприпасами.

Важнейшим условием борьбы с терроризмом является решительность, непримиримость и жесткость ответных действий, наличие хорошо обученных, натренированных, технически хорошо оснащенных и экипированных специальных подразделений. Однако и этого мало. Зачастую важнее бывает наличие политической воли и готовности высшего руководства страны к решительным действиям.

Очень важно иметь и постоянно уточнять планы по повышению надежности охраны и обороны особо важных государственных объектов, важных и режимных объектов, предприятий, использующих радиоактивные, взрыво- и пожароопасные материалы, отравляющие и сильнодействующие ядовитые вещества.

Нужен комплекс мер по перекрытию каналов поступления террористам финансовых средств, оружия, боеприпасов, взрывных устройств, средств связи, взрывчатых веществ и других средств поражения, отравляющих веществ, химического и биологического оружия. При взаимодействии Федеральной службы безопасности РФ с Федеральной пограничной службой и Федеральным таможенным комитетом РФ, заинтересованными правоохранительными органами соседних государств необходимо производить задержание лиц, занимающихся контрабандой оружия, взрывных устройств и других средств поражения, а также лиц, в отношении которых есть достоверная информация о причастности их к совершению террористических акций, и лидеров преступных групп, входящих в руководство коммерческих предприятий, осуществляющих

финансовую, материальную и правовую помощь террористическим группам на территории Российской Федерации. Меры также должны включать в себя противодействие таким явлениям, как наркоторговля и наркотрафик, которыми и питается терроризм¹⁵⁰.

Для перекрытия путей проникновения на территорию северокавказских республик членов международных террористических организаций необходимы систематические проверки правомерности проживания граждан, использования пустующих квартир и подвальных помещений, сдаваемых в поднаем (аренду) коммерческим структурам, другим организациям и частным лицам, а также гостиниц, кемпингов, ресторанов, ночных клубов и казино.

Правоохранительные органы должны привлекать население, общественные организации, учреждения и добровольные народные дружины (где они есть), работников жилищных организаций, персонал частных охранных предприятий и служб безопасности, владельцев автомобилей и владельцев собак служебных пород к дежурствам в подъездах и охране общественного порядка в населенных пунктах.

Представляется необходимым проведение проверок ведения учетов по обороту взрывчатых материалов гражданского назначения и обеспечения их сохранности на предприятиях и организациях, осуществляющих их производство, транспортировку, хранение. Периодически нужна профилактическая и оперативно-поисковая отработка объектов транспорта с полной проверкой железнодорожных вокзалов, морских портов и речных пристаней, камер хранения и привокзальной территории. Это касается и аэропортов (проверка пассажиров, ручной клади, багажа и грузов). Должен постоянно вестись досмотр транспортных средств с целью задержания лиц, незаконно перевозящих оружие, боеприпасы, другие средства поражения. Очень важно выявлять лиц, являющихся отправителями или получателями незаконно перевозимых средств поражения.

---

¹⁵⁰ Там же.

Перечисленные аспекты, безусловно, очень важны. Однако наиболее важным при организации антитеррористической деятельности правоохранительных органов представляется учитывать современную сетевую структуру северокавказского бандподполья. Правоохранительные органы должны быть способны идентифицировать и арестовывать людей, играющих роль узловых фигур (модераторов). По причине способности сетевой структуры спонтанно расти и самоорганизовываться, для того, чтобы разрушить сеть, удары по крупным узлам должны предприниматься синхронно. Учитывая, что многие осевые фигуры связаны между собой, для низведения системы до состояния разрозненных островков часто требуется изъятие как минимум от 5 до 15% всех осевых фигур сразу. Иначе с течением времени новые узлы станут выполнять роль ликвидированных и восстановят способность сети к функционированию¹⁵¹.

Что касается работы по *пресечению каналов финансовой подпитки террористов*, внешних и внутренних, то она и вовсе далека от совершенства, нуждается в переосмыслении и улучшении.

Самой опасной тенденцией является то, что объемы финансирования террористов неуклонно возрастают. И чем больше усилий прилагают государственные органы в борьбе с терроризмом, тем более значительная финансовая помощь поступает террористам со стороны т.н. «террористического интернационала», мафиозных сообществ, экстремистских исламистских организаций и созданных ими всевозможных «благотворительных фондов» и других финансовых структур.

Говоря о финансировании терроризма, нельзя обойти вниманием и то, что в ряде стран, до недавнего времени шел неприкрытый сбор финансов для нужд террористических организаций, осуществлялась вербовка наемников в их боевые группы. Именно поэтому разрушение механизмов финансирования террористов, выявление их экономических источников и планируемых

---

¹⁵¹ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008.- С. 161-163.

операций признано одной из важнейших сфер взаимодействия союзнических специализированных органов финансового контроля и спецслужб¹⁵².

Наиболее распространенной формой переправки денежных средств для осуществления террористической деятельности является хавала, что ставит во главу угла в борьбе с финансированием террористов вскрытие и пресечение неформальных каналов денежных переводов из-за рубежа.

При этом предполагается необходимым ведение скоординированными усилиями совместно с правоохранными и контролирующими органами активного поиска банковских счетов и иных активов, накопленных международными структурами, и их конфискация. Это, прежде всего, касается контроля за деятельностью транснациональных банков, которым следует внимательнее отслеживать сомнительные транзакции, а также за действиями транснациональных компаний, использующих неофициальные системы денежного перевода¹⁵³.

В целом инструменты, регламентирующие деятельность системы хавала, сводятся к следующим¹⁵⁴:

- лицензирование операторов, оказывающих услуги и переводы денежных средств через систему хавала;
- мониторинг клиентов, пользующихся услугами переводов денежных средств посредством системы хавала, на предмет их возможной связи с преступным миром; информирование надзирающих органов о подозрительных переводах в рамках системы;
- законодательное предписание ведения бухгалтерской отчетности определенной формы.

Одним из ключевых моментов успешной борьбы на данном направлении является подготовка специалистов для работы в правоохранных органах,

---

¹⁵² Добаев И.П. Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. – Москва - Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2011. – С. 34.

¹⁵³ Добаев А.И. Экономическая безопасность и терроризм в эпоху глобализации / Южнороссийское обозрение. Выпуск 52. – Ростов н/Дону, 2008. – С. 145.

¹⁵⁴ Добаев А.И. ХАВАЛА: неофициальная система финансирования терроризма / Южнороссийское обозрение. Выпуск 65. – Ростов н/Дону, 2010, - С. 198.

разбирающихся должным образом во всех особенностях неофициальных финансово-расчетных систем.

Информационное обеспечение комплекса мер по борьбе с терроризмом должно предусматривать мониторинг терроризма и антитеррористической деятельности; унификацию ведомственных и межгосударственных подходов к накоплению и учету данных, касающихся террористических организаций, их участников и пособников; создание единого банка данных и режима информационного обмена, методик оценки последствий террористических деяний; накопление и обобщение мирового опыта борьбы с терроризмом, доведение его до соответствующих организаций.

Основы стратегии информационного обеспечения борьбы с терроризмом в РФ прописаны в основополагающих нормативных актах: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» (со всеми внесенными в последующем изменениями), Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 5 октября 2009 года (далее Концепция).

Если в Федеральном законе «О противодействии терроризму» приоритет отдается мерам по предупреждению терроризму, то в Концепции они уже детально прописываются. В частности, говорится об «отсутствии единого антитеррористического информационного пространства на международном и национальном уровнях», одновременно ставится задача по «противодействию распространению идеологии терроризма путем обеспечения защиты единого информационного пространства Российской Федерации; совершенствованию системы информационного противодействия терроризму»¹⁵⁵.

Информационно-аналитическое обеспечение противодействия терроризму включает в себя сбор, накопление, систематизацию, анализ, оценку

---

¹⁵⁵ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – 20 окт.

информации об угрозах террористических актов, обмен ею и выдачу ее потребителям такой информации.

При этом в процессе информационно-аналитического обеспечения противодействия терроризму решаются следующие основные задачи¹⁵⁶:

а) исследование основных факторов, определяющих сущность и состояние угроз террористических актов;

б) прогноз вероятных тенденций и закономерностей развития угроз террористических актов, разработке предложений для своевременного принятия решений по их нейтрализации;

в) анализ информации о проявлениях терроризма, а также о политических, социально-экономических и общественных процессах в Российской Федерации и в мире, оказывающих негативное влияние на ситуацию в области противодействия терроризму;

г) организация и осуществление информационного взаимодействия субъектов противодействия терроризму;

д) мониторинг и анализ международного опыта противодействия терроризму;

е) совершенствование ...информационно-аналитического обеспечения координации деятельности по противодействию терроризму федеральных органов исполнительной власти, субъектов антитеррористической деятельности, органов местного самоуправления...;

ж) создание единого антитеррористического информационного пространства на национальном и международном уровнях;

з) разработка информационных банков и баз данных...;

и) своевременная подготовка предложений по созданию и совершенствованию нормативно-правовой базы информационно-аналитического обеспечения противодействия терроризму.

К деятельности по информационно-аналитическому обеспечению противодействия терроризму привлекаются научно-исследовательские

---

¹⁵⁶ Там же.

учреждения. При этом согласно Стратегии, научное обеспечение противодействия терроризму включает в себя¹⁵⁷:

а) разработку теоретических и методологических основ противодействия терроризму, рекомендаций для решения практических задач по конкретным направлениям деятельности в области противодействия терроризму;

б) проведение научно-прикладных исследований для принятия политических, правовых, организационных и управленческих решений в области противодействия терроризму на разных уровнях;

в) изучение международного опыта борьбы с терроризмом, внесение предложений Президенту Российской Федерации по совершенствованию стратегии и системы мер противодействия терроризму.

Таким образом, в борьбе с терроризмом в информационной сфере представляется важным совершенствование взаимодействия всех субъектов борьбы с терроризмом по вопросам обмена информацией и опытом, организации и осуществления предупредительных мер. Необходимо привлекать научный потенциал страны для выявления, анализа устранения или предупреждения первопричин возникновения террористических проявлений в нашей стране, и на Северном Кавказе, в частности.

Безусловно, учет перечисленных аспектов совершенствования деятельности правоохранительных органов на антитеррористическом направлении позволит поднять ее эффективность. Однако, одного лишь силового противостояния современному религиозно-политическому экстремизму явно недостаточно. Ориентация России на репрессивные методы подавления этнорелигиозного экстремизма, как показывает современная мировая практика, эффективна лишь при борьбе с его вооруженными проявлениями. Напротив, использование силы против радикальных исламских организаций и носителей радикального сознания, выдвигающих альтернативные современной российской модели проекты государственно-правового устройства, но не прибегающих к насилию для их

---

¹⁵⁷ Там же.

реализации, объективно превращает государственно-правовую политику в один из факторов расширения социальной базы этнорелигиозного экстремизма и терроризма¹⁵⁸.

Таким образом, мы подошли к рассмотрению совершенствования стратегии противодействия террористической деятельности на Северном Кавказе с помощью *широкого* подхода (*рассматривает борьбу с терроризмом как с многомерным социально-политическим явлением*), сделав акцент на *этноконфессиональном, демографическом и экономическом аспектах* ее усиления.

Исследуя *этноконфессиональный аспект усиления стратегии противодействия терроризму в северокавказском регионе*, необходимо учитывать то, что терроризм имеет лицо, так как его совершают в своих интересах конкретные люди, исповедующие ислам, - исламисты. Однако на фоне данного понимания очень важно не допускать развитие волны исламофобии на Северном Кавказе и в России в целом. Это вызовет волну радикализации исламского мира. Необходимо обеспечение государственной поддержки мусульманского духовенства Юга России в противодействии антиконституционным и радикальным исламистским проявлениям, акцентировав внимание на необходимости преодоления раскола духовных управлений мусульман в субъектах РФ в ЮФО и СКФО и усиления идеолого-пропагандистской контрфундаменталистской деятельности, особенно в среде молодежи.

Наиболее результативным представляется осуществление *модернизации северокавказского ислама* прежде всего путем воссоздания собственного российского мусульманского образования в регионе с участием государства в решении этой проблемы.

Начиная с 2007 г., ситуация сдвинулась с мертвой точки. Речь идет о создании в регионе при участии государства исламских образовательных

---

¹⁵⁸ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. - Ростов н/Д: Ростиздат, 2005. – С. 128.

центров, фонда поддержки исламской культуры, науки и образования, а для поддержки соответствующих образовательных программ государством уже израсходовано порядка 60 миллионов рублей. В рамках данной работы в 2007 г. созданы два высших исламских учебных заведения: в Махачкале (Дагестан) образован Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки, в Нальчике (Кабардино-Балкария) - Северо-Кавказский исламский университет имени имама Абу Ханифы. В августе 2009 г. третий на Кавказе исламский университет открылся в Чеченской Республике¹⁵⁹.

Вместе с тем, несмотря на принимаемые меры, система исламского религиозного образования Северного Кавказа до сих пор не составляет реальной конкуренции зарубежным образовательным центрам. Как следствие, только из Республики Дагестан в последние годы на обучение в эти центры выехало около 1500 молодых людей (возвратилось после обучения в республику около 500 человек)¹⁶⁰. Самостоятельные выезды молодежи без участия и контроля за данным процессом Духовных управлений мусульман, что характерно и для других республик ведет к тому, что имамы - приверженцы традиционного ислама - постепенно вытесняются из мечетей их более образованными конкурентами, получившими «ваххабитское» образование за рубежом. Известно, что подготовка молодых религиозных лидеров региона в зарубежных исламских учебных заведениях осуществляется через экстремистские организации «Всемирная лига исламской молодежи», «Братья-мусульмане», «Исламский джихад», «Джамаа аль-исламия», «Таблиг», «Лашкар-и тайба», «Общество возрождения исламского наследия» и другие, в той или иной степени связанные с «Аль-Каидой».

На этом фоне негативным фактором является обучение в теологических учебных заведениях школьников, не достигших 14-летнего возраста и не имеющих основного светского образования. В нарушение п. 6. ст. 19 ФЗ «Об

---

¹⁵⁹ <http://Кавказский узел.> - 2009. - 28 авг.

¹⁶⁰ Там же.

образовании» определенный контингент учащихся в ряде исламских заведениях составляют дети от 12 лет. Неохваченность светским обучением детей может иметь негативные последствия, так как данная категория учеников без устойчивой жизненной и мировоззренческой позиции в силу своего юного возраста и остро воспринимающая имеющиеся социальные проблемы, впоследствии становится объектом идеологической обработки со стороны приверженцев религиозного экстремизма.

Привлечение родителей к административной ответственности за уклонение ребенка от получения среднего образования не имеет положительного влияния, так как большинство родителей ограничиваются выплатой штрафа в размере порядка 500 рублей, считая полученное светское начальное образование достаточным для их ребенка. В связи с этим районным управлениям образования совместно с органами местного самоуправления необходимо контролировать получение обязательного общего образования детьми, не достигшими 14 лет, принимать меры административного воздействия на родителей, организовать на местах соответствующую предупредительно-разъяснительную работу с населением.

С учетом изложенного актуальной сохраняется задача разработки концепции исламского высшего и среднего профессионального образования в России, и на Северном Кавказе в частности, создания его системной и полноценной структуры, в которой органично сочетались бы все виды обучения: начальные и воскресные школы, мактабы, медресе и вузы. Кроме того, учебные уровни должны быть взаимосвязаны между собой, а само исламское образовательное поле - единым по всей России. Необходимо соблюдение баланса в преподавании светских (особенно имеющих обществоведческую, политологическую и культурологическую направленность) и религиозных дисциплин на всех ступенях исламского образования. Только в этом случае специалист соответствующего уровня сможет удовлетворять требованиям, которые предъявляет ему общество, государство и вся мусульманская умма России.

С целью повышения конкурентоспособности российских исламских учебных заведений (ИУЗ) перед зарубежными образовательными центрами, снижения религиозно-экстремистских проявлений в северокавказском регионе представляется целесообразным учредить ассоциацию исламских вузов, которая и сыграла бы важную роль в формировании единого образовательного пространства и возрождении системы мусульманского профессионального образования в России на основе законодательства РФ, отечественных традиций и с учетом положительного международного опыта. При этом наделить ее функциями общероссийского методического и аналитического центра, координирующего создание программ и учебной литературы для ИУЗ с опорой на богословские образовательные традиции российских мусульман.

На государственном уровне необходимо решить вопросы обязательного включения в учебные планы религиозных, в том числе исламских высших, средних и общеобразовательных учреждений, светских дисциплин. В противном случае не осуществлять лицензирование деятельности, аттестацию и аккредитацию религиозных учебных заведений. Эти вопросы находятся в компетенции Министерства образования и науки РФ.

Учитывая изложенное, в целях совершенствования порядка регистрации зарубежных неправительственных некоммерческих организаций, а также созданных совместно с иностранными фондами образовательных и культурно-религиозных структур, представляется целесообразным инициировать принятие на законодательном уровне поправок к Законам РФ «Об общественных объединениях» и «Об образовании», предусмотрев обязательное предоставление иностранной стороной исчерпывающей информации о характере своей деятельности за последние 5 лет: юридический адрес, данные на руководящий состав, источники финансирования, расчетные счета в банках и т.д. На основании выявленных нарушений российского законодательства необходимо предусмотреть возможность прекращения деятельности

организаций в России, лишение иностранных и российских учредителей сроком на 5 лет права на перерегистрацию или открытие аналогичной структуры.

Целесообразно также внести в Закон РФ «Об образовании» положение об обязательном лицензировании создаваемых совместных образовательных учреждений и культурных центров, а также юридическую норму о том, что на открытие в РФ образовательного учреждения имеют право иностранные организации тех стран, с которыми российская сторона заключила межгосударственный договор о сотрудничестве в сфере образования.

В рамках этно-конфессионального аспекта усиления стратегии противодействия терроризму на Северном Кавказе необходимо отдельное внимание уделить *пропагандистской работе* среди мусульман, призванной сузить социальную базу поддержки исламистских радикалов. Совершенно необходимо целевое воздействие на колеблющихся между перспективой уйти в леса или остаться, пропаганда тех ценностей, которые отвергают радикалы. Предстоит серьезная борьба за умы.

Безусловно, росту религиозно-политического экстремизма на Северном Кавказе способствует не только глубокий кризис всех светских идеологий нынешнего периода, но и идеологических основ традиционного в регионе ислама, нуждающегося в коренной модернизации. Тем не менее, и имеющиеся возможности в этом направлении задействуются слабо. Действенная пропаганда против «ваххабитов» не ведется, их идеология не опровергается, вместо этого органы власти и управления своими руками порой создают героический ореол «борцов за веру» («моджахедов»), а также «мучеников» - «шахидов»). Практически не проводятся социологические замеры в различных слоях общества на предмет определения их «зараженности» идеологией религиозно-политического экстремизма. Отсюда и неэффективность пропагандистских мероприятий государства, поскольку для каждого социального страта общества нужен свой набор методов идеологического воздействия и убеждения. Например, для террористов не существует авторитета светских властей и ученых, а также представителей

официального ислама. Для них «единственным моральным мерилom зачастую выступают молодые имамы «из леса», проповедующие джихад, причем эти имамы основательно подкованы и обладают даром убеждения»¹⁶¹. У нас же до сих пор в ходу некие универсальные, зачастую затратные, но неэффективные псевдоидеологические мероприятия, проку от которых немного, чрезмерные и несбыточные мечтания на тему сверхвозможностей традиционного ислама и официального духовенства. Ситуацию надо менять, и как можно скорее. Здесь серьезную роль могла бы сыграть наука, светская и теологическая, морально и материально в этом направлении поддерживаемая государством¹⁶².

Для усиления идеолого-пропагандистской и разъяснительной работы, имеющую антитеррористическую направленность, Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2008 г. утвержден Комплексный план информационного противодействия терроризму в Российской Федерации на 2008 – 2012 годы. Однако, как представляется, этот план перенасыщен количественными показателями в ущерб качественным, не предусматривает привлечения достижений гуманитарных и общественных наук, и, что немаловажно, носит в целом безадресный характер. Речь, в частности, идет о том, что планом даже не предусмотрено проведение социологических замеров в различных слоях общества на предмет определения их зараженности идеологией религиозно-политического экстремизма. Отсюда и неэффективность пропагандистских мероприятий, поскольку для каждого социального слоя нужен свой набор методов идеологического воздействия и убеждения. Например, для террористов и лиц, ставших носителями экстремистских идеологий, не существует авторитета светских властей и ученых, а также представителей официального ислама, их идеологическими наставниками выступают молодые имамы «из леса», проповедующие джихад в

---

¹⁶¹ Сидоров А. Зеленое знамя с двуглавым орлом // Интерфакс. - 2003. - 31 авг.

¹⁶² Добаев И.П. К вопросу о противодействии религиозно-политическому экстремизму на Северном Кавказе // Роль органов государственной власти и институтов гражданского общества Республики Дагестан в профилактике религиозно-политического экстремизма. Материалы Республиканской научно-практической конференции. 19 мая 2009 г. – Махачкала: Изд. «Лотос», 2009. – С. 284.

соответствующей интерпретации. Ситуацию надо корректировать, и как можно скорее. В частности, серьезную роль могла бы сыграть наука, светская и теологическая, морально и материально в этом отношении поддерживаемая государством¹⁶³.

Более того, терроризм, как идеологическая доктрина и основанная на ней специфическая политическая практика, локализован преимущественно на Северном Кавказе. Однако средства на противодействие ему расплыны по всей стране. Понятно, что в такой ситуации рассчитывать на эффективность мероприятий не приходится.

В силу того, что исламский экстремизм и терроризм держится и развивается на тщательно разработанной идейной базе, необходима система контрпропаганды. Перспективный путь - это пропаганда общих для всех традиционных религий нравственных и духовных ценностей, в том числе и в исламе. Эффективным представляется разъяснение как религиозной части мусульман, так представителям других конфессий того, что исламизм и терроризм не имеют опоры в Коране. Для этого целесообразны следующие мероприятия:

- распространение книг и памфлетов, видеодисков и кассет в школах, медресе, мечетях;
- перевоспитание тех богословов, которые проповедают экстремистскую идеологию, проведение в мечетях «просветительских» семинаров и лекций;
- проведение активной антиэкстремистской кампании в СМИ с использованием различного рода объявлений, рекламных щитов и Интернета;

Достижение указанной цели видится в создании информационного инструмента. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть возможность создания медиа-центра, объединяющего усилия представителей пророссийски настроенного журналистского сообщества в республиках

---

¹⁶³ Добаев И.П. Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. – Москва - Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2011. – с. 37-39.

Северного Кавказа. Функциональное назначение указанного медиа-центра может включать в себя контрпропагандистские информационные атаки на исламистскую идеологию (публикации в СМИ, издание монографий, создание циклов телевизионных программ, работа в Интернет-сообществе); формирование позиций влияния «антиваххабитской» идеологии в среде журналистов, научной и творческой интеллигенции северокавказских республик; организация пропагандистских мероприятий с участием общественно-политических лидеров, представителей Духовных управлений мусульман и других конфессий, бизнес-элиты республик Северного Кавказа и сопредельных с ним краев и областей Юга России, направленных на развенчание идей крайних форм радикального исламизма.

При разработке стратегии противодействия терроризму на Северном Кавказе необходимо также учитывать то, что характерной особенностью последних лет стала значительная активизация использования идеологами исламского радикализма сети Интернет. В 1998 г. число сайтов террористической направленности исчислялось десятками. В 2005 г. их насчитывалось около 4500. В настоящее время их уже насчитывается порядка 6 тысяч (в т.ч. от 100 до 150 русскоязычных)¹⁶⁴. По оценкам специалистов, пропагандистская работа, ведущаяся в сети Интернет, довольно эффективна. Призывы с экстремистских сайтов привлекли уже немало молодых людей к вступлению в бандподполье. Опросы склоненных к добровольной явке с повинной боевиков подтверждают, что их решение присоединиться к деятельности бандформирований созрело под влиянием материалов сайтов «Кавказ Центр» и «Даймохк» и др. Изложенное свидетельствует о необходимости вмешательства государства в размещаемые в интернет-пространстве материалы с целью недопущения распространения радикально-экстремистской идеологии.

Вышеуказанное свидетельствует, что проблема искоренения почвы для воспроизводства религиозно-политического экстремизма в регионе еще

---

¹⁶⁴ Рабочие материалы автора.

далека от окончательного решения. Поэтому начатое при поддержке государства дело модернизации и укрепления отечественного традиционного ислама не должно свестись к кратковременной кампании, его следует рассматривать как важнейший долгосрочный проект.

Следующим важным аспектом усиления стратегии противодействия терроризму на Северном Кавказе является *демографо-миграционный*. В его основе лежит отмечаемое в последнее десятилетие резкое изменение этнической карты региона в связи с массовым исходом населения, по преимуществу – русского, из национальных республик Северного Кавказа. Существенными причинами исхода нетитульных этносов из региона стало разрушение наукоёмкого промышленного потенциала, развал предприятий, обеспечивавшихся преимущественно русскоязычными кадрами. Негативную роль сыграло и определенное равнодушие федерального центра в «перестроечный» период к проблемам Кавказа, чем воспользовались этнические кланы, стремящиеся к власти в республиках. Вакуум власти заполнили фундаменталисты-ваххабиты, разного рода националисты. С целью нейтрализации указанного конфликтогенного фактора представляется важным на федеральном и региональном уровнях внесение следующих корректив в механизм реализации социально-экономического развития субъектов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов:

- размещение производственных (мелкосерийных) заказов российскими предприятиями на объектах промышленности северокавказских республик с целью задействования избыточных местных трудовых низкоквалифицированных ресурсов. Вынос производства в северокавказские республики должен сопровождаться эффективным экономическим стимулированием российского предприятия – работодателя;
- закрепление русских специалистов в национальных республиках для работы по контрактам или постоянной работы и проживания путем материального стимулирования и предоставления бесплатного жилья.

Наряду с перечисленными аспектами усиления стратегии противодействия террористической деятельности на Северном Кавказе рассмотрим *экономический аспект*.

Для Северного Кавказа, в отличие от других регионов России, предпочтительным может быть экономическая стратегия антитеррористической направленности, разработанная не по типовому шаблону, а та стратегия, которая ориентирована по «всему фронту» на снижение действия долгосрочных, устойчивых, «укорененных» конфликтогенных факторов¹⁶⁵.

Во-первых, несмотря на то, что Северный Кавказ располагает весьма необходимыми условиями для решения проблем оживления и подъема экономики, по уровню экономического развития и большинству социальных показателей регион остается одним из самых отсталых в РФ. Бюджеты национальных республик в значительной мере формируются за счет трансфертов из федерального бюджета. В итоге, экономически Северный Кавказ продолжает оставаться слабо интегрированным в экономику России. Регион Северного Кавказа позиционируется как периферия с аграрно-полунатуральным типом хозяйства и имеющей место недомодернизацией региональной экономики.

Во-вторых, деятельность работающих на Северном Кавказе крупных инорегиональных бизнес-структур (корпорации, ТНК, глобальные компании) при всех положительных моментах, в основном направлена на одностороннее изъятие ресурсной ренты, закрепление в регионе сырьевой ориентации экономики, формирование экономической модели, траектория развития которой решающим образом определяется интересами инорегиональных сетевых структур.

В-третьих, в северокавказском регионе отсутствует достаточный объем ресурсов для модернизации экономики, создания ее инновационного варианта, усиливающих конкуренцию между различными целевыми группами этнической элиты.

---

¹⁶⁵ См.: Колесников Ю.С. Какая «стратегия» нужна Северному Кавказу (взгляд из провинции) // Южно-Российский форум. – 2010. - № 1. – С. 17-29.

И, наконец, не менее важный фактор - тотальный всеобъемлющий характер на Северном Кавказе личностных, клановых, земляческих, родовых, корпоративных, этнических связей, порождающих коррупционные сети.

С учетом указанного важным в разработке экономического аспекта усиления стратегии противодействия терроризму на Северном Кавказе является корпоратизация и сетизация мелкотоварного сектора, его индустриализация. Достижению этой ключевой задачи могут способствовать следующие нижеперечисленные среднесрочные задачи¹⁶⁶:

- капитализация территориальных ресурсов, требующая, кроме всего прочего (развитие рынка недвижимости, корпоратизация госимущества, создание инфраструктуры инновационной деятельности), государственного регулирования политики включения крупных инорегиональных структур в региональную экономику, повышение эффективности нормативно-правовой защиты региональных ресурсов и регионального имущества от избыточного давления экстерриториального капитала;

- модернизация институтов этноэкономики, оптимизация структур хозяйственных укладов в регионе на базе технологий их корпоратизации, включения в сетевые хозяйственные взаимодействия и др.; при этом особого значения заслуживают меры по снятию институциональных дефицитов в развитии предпринимательства во всех секторах многоукладного хозяйства регионов, в том числе - комплекс социальных технологий по преодолению этнических барьеров в межрегиональном бизнес-взаимодействии, а также создание более адекватного механизма перераспределения природной ренты в практике использования конкурентных локальных ресурсов;

- конвергенция разобщенных рынков Северного Кавказа на базе создания современной транспортно-логистической инфраструктуры;

- формирование единых для макрорегиона институтов развития (по типу созданной Северо-Кавказской корпорации развития) с вектором деятельности на развитие туристического сектора, а также инновационных технопарков,

---

¹⁶⁶ Там же.

венчурного фонда и т.п.;

- инвестиционная поддержка приоритетных отраслей производства — транспорта, электроэнергетики, агропромышленного и туристско-рекреационного комплексов и др.;

- модернизация социальных форм организации экономики и занятости населения, преодоление «аграрного перенаселения», развитие сетевых хозяйственных взаимодействий «по вертикали» (корпорация - отрасль - уклад - домохозяйство) и «по горизонтали» - интеграция хозяйственных локалитетов Северного Кавказа.

Хроническая дотационность республик Северного Кавказа (до семидесяти процентов местного бюджета) дает достаточные основания к пересмотру всего механизма их социально-экономической поддержки. Видимо, федеральный центр может проводить финансовые вливания в реализацию конкретных экономических и производственных программ в этих республиках только на условиях обеспечения жесткого контроля за денежными потоками. В ходе земельной реформы необходимо максимально учесть негативные социально-политические последствия приватизации, приведшей к вымиранию населения, взрыву преступности, распаду морали и духовности.

Решение указанных экономических задач будет способствовать преодолению действия глубоких, долгосрочных факторов и условий конфликтогенности, крайней агрессивной формой проявления которых является бандитское подполье и терроризм.

Еще одним важным аспектом снижения конфликтогенности на Северном Кавказе, способствующей развитию террористических проявлений является внешнеэкономический.

Как показывает опыт последнего десятилетия, пограничные регионы России (Калининградский анклав и Дальневосточный федеральный округ) развиваются в значительной степени благодаря, в первом случае - западным инвесторам и экономическому взаимодействию с европейским бизнесом, во втором - ресурсам и капиталам Китая, поступающим по каналам пограничного

торгово-экономического сотрудничества с Китаем, а также миграционным потоком рабочей силы на дефицитные рынки труда Дальневосточного федерального округа. В отличие от них, третий пограничный регион – Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) - до сих пор не имеет устойчивого вектора внешнеэкономического развития, испытывает дефицит иностранных инвестиций, а геополитическое давление ключевых игроков (США, Англия, Франция, Иран, Турция) на кавказском направлении, включая «трубные войны», фактически лишает макрорегион подпитки со стороны ресурсов глобальной экономики. И здесь, по-видимому, нужна новая геополитическая стратегия и дипломатия на северокавказском направлении российских интересов.

Поэтому, одной из ключевых составляющих стратегии для СКФО, по-видимому, должна быть долгосрочная целенаправленная внешнеэкономическая политика по привлечению ресурсов стран Черноморско-Каспийского региона, стратегия изменения инвестиционного климата в геоэкономическом пространстве Северного Кавказа.

Между тем, изменение геоэкономического и геополитического климата вокруг Северного Кавказа, во многом связанное с развитием межгосударственного сотрудничества в реализации совместных крупных проектов на южном фланге России (типа «Южный поток», развитие морских портов, мегапроект «Сочи-2014» и др.), существенно бы снизило приграничную конфликтогенность Северного Кавказа¹⁶⁷.

Остаются незадействованными уникальные транзитные возможности, обусловленные географическими координатами региона, обеспечивающими выход к Каспийскому и Черному морям. Северный Кавказ граничит по сухопутной территории и акватории двух морей с несколькими государствами. Однако в силу ряда причин транспортно-коммуникационная инфраструктура Северного Кавказа находится на крайне низком уровне.

---

¹⁶⁷ См.: Колесников Ю.С. Какая «стратегия» нужна Северному Кавказу (взгляд из провинции) // Южно-Российский форум. – 2010. - № 1. – С. 17-29.

В данной связи, во-первых, транспортная структура нуждается в модернизации, развитие малоэффективной на данный момент сети автодорог и транспортных терминалов потребует инвестиций порядка 2 млрд долларов в год. Во-вторых, развитие системы транзитных коридоров потребует серьезной правовой регламентации статуса сквозных грузов, облегчающей прохождение различных таможенных процедур, а также усиливающей контроль за безопасностью перевозки грузов¹⁶⁸.

Таким образом, реализуемая сегодня стратегия развития Северного Кавказа, направленная прежде всего на включение региона в общую макроэкономическую динамику как конкурентного субъекта модернизационного процесса, в дальнейшем, по мере накопления опыта и отработки новых механизмов по тонкой перенастройке хозяйственно-экономических и социальных практик на Северном Кавказе, может трансформироваться в эффективный инструмент снижения конфликтогенности региона, инструмент противодействия экстремизму и терроризму.

Указанный перечень аспектов усиления стратегии противодействия терроризму на Северном Кавказе, рассмотренные в рамках узкого и широкого подходов, не является полным без учета *международно-политического аспекта*, исследуемого в рамках *глобального подхода*.

Основные факторы, способствующие возникновению и распространению терроризма на территории Российской Федерации, приведены в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 5 октября 2009 года. Как представляется, ключевым из них является стремление ряда иностранных государств, в том числе в рамках осуществления антитеррористической деятельности, ослабить Российскую Федерацию и ее позиции в мире, установить свое политическое, экономическое и иное влияние в отдельных субъектах Российской Федерации.

---

¹⁶⁸ См.: Милов В.С. Бизнес вместо геополитики // Россия в глобальной политике. – 2004. Том 2. № 2. – С. 100-101.

Несмотря на большое количество субъектов политического процесса на Кавказе (США и их сателлиты, преследующие в регионе свои геополитические цели, радикальные исламистские группировки, борющиеся за создание Халифата и др.), главной наступательной иностранной силой в кавказской геополитической ситуации выступают Соединенные Штаты Америки. Смысл американской политики в этом регионе, по мнению ряда экспертов, заключается в контроле над военно-морскими подступами к тому, что является энергетическим эллипсом. Северная кривая этого эллипса проходит от Средиземного моря по Крыму, российскому Предкавказью и замыкается в Афганистане, - отсюда политика на Кавказе и в Центральной Азии. Южная кривая идет через Ирак, Иран и замыкается там же, в Афганистане.

Таким образом, после распада СССР новая геополитическая роль региона в сочетании с высоким внутренним потенциалом конфликтности обусловили превращение его в одну из основных «зон нестабильности» в мире, благоприятных для развития террористического движения. Следовательно, северокавказский терроризм является не первопричиной, но следствием геополитического передела мира, ставшего возможным после крушения Советского Союза. Терроризм сегодня выступает одним из специфических средств тех геополитических сил, которые переформируют мир, мировую политику и международные отношения. Если будут сняты или снижены уровни геополитической напряженности в регионах, в том числе на Кавказе, то, несомненно, терроризм в любых формах и масштабах его проявления сойдет на нет¹⁶⁹.

Для эффективного противодействия деструктивным тенденциям на Кавказе и отстаивания национальных интересов РФ в регионе необходимо, в первую очередь, противодействовать главному игроку «большой игры» - США, предусматривать его очередные ходы, проводить систему превентивных мер по недопущению и профилактике межэтнических и межконфессиональных

---

¹⁶⁹ Добаев И.П. Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. – Москва - Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2011. – С. 20-21.

конфликтов. Реагируя только на следствия глобальной стратегии США в регионе, Россия будет вынуждена отступать и постепенно сдавать позиции. Единственный способ выиграть - занять активную позицию в «большой игре», осознав предварительно ее условия, содержание, систему взаимосвязей и соответствий.

Международное сотрудничество в области противодействия терроризму подразумевает развитие национальных систем противодействия этому разрушающему явлению, в том числе и в Российской Федерации. Вопросы, связанные с международным сотрудничеством России в области противодействия терроризму, нашли отражение в 4-й главе Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации (пп. 48-51)¹⁷⁰. Рассмотрим их подробнее:

48. Международное сотрудничество является необходимым условием обеспечения эффективности противодействия терроризму и осуществляется на основе и при строгом соблюдении принципов и норм международного права, а также в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

49. Российская Федерация ведет работу, направленную на подтверждение центральной, координирующей роли Организации Объединенных Наций в деле международного сотрудничества в области противодействия терроризму, неукоснительное выполнение резолюций Совета Безопасности ООН и положений универсальных конвенций в этой области, на эффективную реализацию принятой Генеральной Ассамблеей ООН в сентябре 2006 года Глобальной контртеррористической стратегии.

50. Основные усилия Российской Федерации в рамках международного антитеррористического сотрудничества должны быть сосредоточены на следующих направлениях:

а) выявление и устранение пробелов в международном праве в части, касающейся регламентации сотрудничества государств в области борьбы с терроризмом;

---

¹⁷⁰ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – 20 окт.

б) продвижение российских международных инициатив в области противодействия терроризму, включая Глобальную инициативу по борьбе с актами ядерного терроризма и Стратегию партнерства государств и бизнеса в противодействии терроризму;

в) обеспечение эффективной работы механизмов как многостороннего (в формате Содружества Независимых Государств, Шанхайской организации сотрудничества, Организации Договора о коллективной безопасности и других международных организаций), так и двустороннего взаимодействия с партнерами по антитеррористической коалиции;

г) осуществление практических мероприятий по перекрытию каналов финансирования террористических организаций, пресечение незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, недопущение передвижения субъектов террористической деятельности через государственные границы, противодействие распространению террористической пропаганды и идеологии, оказание содействия жертвам терроризма.

51. В целях проведения единой внешнеполитической линии Российской Федерации в области международного антитеррористического сотрудничества Министерство иностранных дел Российской Федерации координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти в данной области.

Кроме того, Россией подписаны и ратифицированы все 13 универсальных конвенций ООН в сфере противодействия терроризму. Наша страна придает приоритетное значение универсализации участия государств в основных глобальных антитеррористических международно-правовых инструментах. В целях укрепления международного сотрудничества, при активном участии Национального антитеррористического комитета создан Международный банк по противодействию терроризму – единая межгосударственная информационная система обеспечения антитеррористической деятельности.

Предпринимаемые Российской Федерацией практические шаги, а также работа по оформлению правового пространства, направленные на

противодействие терроризму как на своей территории, так и за ее пределами, безусловно, важны и многогранны. Однако наряду с указанными мероприятиями представляются целесообразными следующие действия.

В частности, необходима дальнейшая разработка на международно-правовом уровне базовых принципов борьбы с терроризмом (неотвратимость ответственности за участие в актах терроризма и содействие им; обязательность национальных мер по ликвидации выявленных террористических организаций; недопустимость использования форм и методов терроризма для решения любых социальных и политических задач, включая реализацию права наций на самоопределение; недопустимость политических уступок террористам и двойных стандартов в отношении к терроризму и др.).

Необходимо выработать не только стратегию, но и тактику создания единого мирового антитеррористического центра, кроме уже созданной и действующей антитеррористической коалиции государств. Целесообразно учитывать следующее: вопросами борьбы с терроризмом деятельность мирового антитеррористического центра в рамках ООН ограничиваться не должна. Сейчас уже всем ясно, что крупные террористические акции невозможны без мощного финансового обеспечения, которое в подавляющем большинстве случаев происходит за счет «отмывания» грязных денег, полученных от наркоделок, незаконной торговли оружием. А это означает, что следует вести речь о создании не просто мирового антитеррористического центра, а мирового центра борьбы с международной преступностью.

При этом необходимо концептуально менять подходы к борьбе с терроризмом. Сейчас она возложена в основном на спецслужбы, которые одновременно ведут разведывательную, контрразведывательную деятельность. Интересы спецслужб в разных странах, и даже порой в рамках одной страны, часто не совпадают. Борьба с терроризмом должна стать приоритетной функцией всех правоохранительных органов и силовых ведомств. На сегодняшний день, как показывает практика, наиболее эффективно взаимодействуют между собой органы полиции разных стран.

Эффективность борьбы с международным терроризмом немыслима без создания международной, завязанной на региональные уровни, системы мониторинга терроризма на основе обязательной передачи соответствующей информации от национальных правительств, региональных и международных организаций, участвующих в различных формах в борьбе с терроризмом, ее накопления и анализа в специально созданном информационном банке. Государства (их соответствующие органы и структуры) должны иметь равный доступ к информации в условиях реального времени. В рамках стран СНГ такую работу проводит Антитеррористический центр, что, несомненно, заслуживает поддержки и требует дальнейшего наращивания.

При организации масштабной борьбы с терроризмом и транснациональной преступностью, как показывает практика Афганистана, необходима разработка международно-правовых основ проведения международных антитеррористических операций с закреплением обязательности санкции Совета Безопасности ООН на их осуществление и контроль за их ходом. Мировое сообщество должно четко обозначать цели и задачи антитеррористических действий. Хотелось бы отметить, что применение армии для уничтожения сил и средств террористов является, наверное, больше исключением, чем правилом.

Важным представляется проведение на международном уровне (в том числе в рамках СНГ) сравнительных исследований национального законодательства по борьбе с терроризмом для выработки последующих рекомендаций по их сближению и унификации на основе исследования выявленных оптимальных подходов формирования правильной основы противодействия указанной угрозе.

В рамках СНГ необходимы дополнения к многосторонним и двусторонним актам о правовой помощи; развитие нормативной базы для информационного взаимодействия.

Необходима организация на международном уровне скоординированной научно-исследовательской и правотворческой работы по выработке общего

понятия терроризма или, по крайней мере, его основных признаков. В современной литературе насчитывается более ста его определений, что создает трудности при квалификации уголовно-правовых деяний, имеющих сходные признаки, однако терроризмом не являющихся.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что сегодня не утратила актуальность необходимость усиления стратегии противодействия терроризму на Северном Кавказе. Указанная стратегия должна быть «заточена» на поиск ключевых механизмов и технологий регионального менеджмента, снижающих воспроизводство конфликтогенных факторов, порождающих проявления терроризма.

С учетом новых тенденций в развитии террористического движения при выработке стратегии противодействия терроризму на Северном Кавказе важно учитывать три подхода, раскрытых в данной главе: узкий подход (рассматривает борьбу с терроризмом как с уголовным преступлением); широкий подход (рассматривает борьбу с терроризмом как с многомерным социально-политическим явлением); глобальный подход (рассматривает борьбу с терроризмом как с международной угрозой).

В первом случае представляется необходимым совершенствование антитеррористического законодательства; укрепление спецслужб и правоохранительных органов РФ в антитеррористической деятельности; выявление и пресечение финансовых потоков террористической деятельности (внешние и внутренние); информационное обеспечение комплекса мер по борьбе с терроризмом.

В русле данных задач необходимо отдавать приоритетное значение оперативной работе правоохранительных органов, позволяющей выявлять террористические организации на стадии возникновения, а террористические акты пресекать на стадии планирования и подготовки.

В ходе совершенствования силовой составляющей усиления стратегии противодействия терроризму на Северном Кавказе необходимо рассматривать современное северокавказское террористическое движение как сетевую

структуру. Следовательно, для достижения наибольшего эффекта необходимо вычленять узловые фигуры в структуре «сети» и наносить синхронные удары одновременно по нескольким основным наиболее крупным осевым фигурам.

Однако недопустимо сведение борьбы с терроризмом лишь к силовым методам. Расширить сферу противодействия терроризму на Северном Кавказе позволяет широкий подход, в рамках которого терроризм на Северном Кавказе представляется как многомерное явление, порождаемое конфликтогенными факторами, в числе которых наряду с экономическим, демографо-миграционным и другими значительное по важности место занимает этно-конфессиональный фактор.

Приоритетным является не допустить развитие исламофобии на Северном Кавказе, способной усилить экстремистские настроения в среде мусульман. Необходимо обеспечение государственной поддержки мусульманского духовенства Юга России в противодействии антиконституционным и радикальным исламистским проявлениям, акцентировав внимание на необходимости преодоления раскола духовных управлений мусульман в субъектах РФ в ЮФО и СКФО.

Важным представляется усиление идеолого-пропагандистской контрфундаменталистской деятельности, особенно в среде молодежи, с целью недопущения распространения радикально-экстремистской идеологии. Перспективный путь - это пропаганда общих для всех традиционных религий нравственных и духовных ценностей, в том числе и в исламе.

Для недопущения разрастания социальной базы «джихада» наиболее важным является модернизация ислама путем совершенствования на государственном уровне исламского образования по всей вертикали, начиная от мусульманских школ и заканчивая высшими исламскими учебными заведениями (начальные и воскресные школы, мактабы, медресе и вузы).

Для корректировки демографо-миграционного дисбаланса на Северном Кавказе необходимо создание условий для возвращения в северокавказские республики русскоязычного населения, являющегося оплотом проведения

политики Кремля и гарантом правопорядка, путем предоставления экономических и социальных льгот.

В экономическом плане важным является преодоление упаднического аграрного уклада северокавказской экономики путем развития региональной промышленности путем привлечения инорегиональных инвестиций при усилении контроля за использованием указанных финансовых средств. Наряду с этим необходима корпоратизация и сетизация мелкотоварного сектора, его индустриализация. Важна также конвергенция разобщенных рынков Северного Кавказа. Внешнеэкономическая стратегия развития Северного Кавказа должна быть направлена на включение региона в общую макроэкономическую динамику как конкурентного субъекта.

Глобальный подход позволяет осознать, что северокавказский терроризм является не первопричиной, но следствием геополитического передела мира, ставшего возможным после крушения Советского Союза. Терроризм сегодня выступает одним из специфических средств тех геополитических сил, которые переформируют мир, мировую политику и международные отношения. Новая геополитическая роль региона в сочетании с высоким внутренним потенциалом конфликтности обусловили превращение его в одну из основных «зон нестабильности» в мире, благоприятных для развития террористического движения. Снижение уровня геополитической напряженности, преодоление внутренних конфликтогенных факторов и есть борьба с террористическими проявлениями на Северном Кавказе. Этому должно способствовать совершенствование оформления правового пространства, направленного на противодействие терроризму как на своей территории, так и за ее пределами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Со второй половины XX века и особенно в последние десятилетия практически на всей территории «исламского пояса», который тянется от юга Европы через Северную Африку, Ближний Восток, Юго-Западную и Центральную Азию до Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, начался бурный процесс образования различных исламских религиозно-политических объединений и группировок. Многие из них заявляют о себе как об исламистских организациях и оказывают значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств. За последние два десятка лет их деятельность трансформировалась из умеренно-радикальной формы в ультра-радикальную с использованием террористических методов борьбы с целью создания единого в мире исламского государства - Халифата, живущего по законам шариата.

Приспосабливаясь к реалиям жизни, отдельные террористические группы стремятся упорядочить структурное строение, организовать и скоординировать взаимодействие с себе подобными. Указанное ведет к институционализации радикального исламистского движения по пути создания управляющих структур («комитетов»), объединивших разрозненные группировки в отдельные узлы при выделении координирующей роли единого центрального узла. Таким образом, террористические исламистские религиозно-политические организации в мире сформировались из мелких разрозненных групп в большие территориально сорганизованные узлы, а взаимодействуя друг с другом, они образуют единую сеть, у которой нет единого командования, но есть сплоченность действий и политическое планирование, основанные на общности идеологии и целей.

Зарубежные исламистские террористические структуры, воспользовавшись экономическими, социально-политическими и идеологическими трудностями России во время распада Советского Союза и

постсоветский период, распространили свою деятельность на ее территорию, создавая исламистские институты, подобные действующим в своих странах, и тем самым формируя новый «кавказский» узел в мировой террористической сети.

Религиозно-политические группировки исламистского толка фиксировались в имперский, советский периоды, а также их деятельность отмечается и в постсоветскую эпоху.

В имперский период в ходе Кавказской войны (1817-1864 гг.) ислам в России приобретает политическую окраску, под знаменами имамов собираются значительные вооруженные формирования, ведущие бои с царской армией с целью создания и отстаивания исламского государства – имамата. После окончания войны открытое вооруженное противостояние горских народов переходит в скрытую форму борьбы с местными властями, в том числе и в форме абречества, пытающегося террористическими методами повлиять на местное управление и ставшее прообразом современного бандподполья.

В советский период отмечается тенденция создания официальных исламских организаций, деятельность которых под влиянием Германии, Великобритании и Турции, ориентированных на создание на Северном Кавказе подконтрольных государственных образований, приобретает радикальный политизированный характер, ведется скрытая борьба с советской властью. Так, в период гражданской войны это проявляется в попытках северокавказских националистов создать имамат, в 20-30 годы XX в. горские народы прибегали к политическому бандитизму; во время Великой отечественной войны фиксируются случаи этнического коллаборационизма, т. е. создание и участие на стороне фашистской Германии горских воинских формирований.

Наиболее рельефно институциональное оформление радикального ислама стало проявляться приблизительно с начала 80-х гг. XX в. События 1979-1989 гг. в Афганистане, а также «исламская» революция в Иране способствовали проникновению на Кавказ через Афганистан первых ваххабитских амиров, распространявших идеи «чистого ислама» или «ваххабизма», призывающего к

борьбе с «неверными» с целью создания исламского эмирата на территории Чечни и Дагестана.

Постсоветский период, ознаменованный распадом Советского Союза, крушением экономических и идеологических основ советского общества, ослаблением деятельности правоохранительных органов при активизации деятельности геополитических противников России, направленной на отделение Кавказа от РФ, при усилении радикальных настроений в Духовных управлениях мусульман северокавказских республик и сепаратистских устремлений руководства Чечни характеризуется идеолого-организационным оформлением радикального чеченского национализма. Это повлекло этно-политический конфликт между Россией и Чечней, что вылилось в начало боевых действий в 1994 г. и дальнейший рост радикализации чеченского общества.

В период «чеченского межсезонья» (1996-1999 гг.) радикальный фундаментализм фактически прошел институционализацию на территории непризнанной Чеченской Республики Ичкерия с целью придания нового качества. Параллельно с формированием официальных структур, стоящих на радикальных позициях, отмечалась тенденция организации ваххабитского движения по ареалу действия. В частности, были созданы своего рода территориальные плацдармы со сформированной инфраструктурой, обеспечивающей его культурную, идеологическую и в перспективе политическую экспансию — т.н. «ваххабитские анклав». Они явились прообразом появившихся повсеместно позднее т.н. исламистских «джамаатов». Спецификой указанных анклавов являлось то, что они содержались на «спонсорские» деньги, поступающие из-за рубежа, и изначально являлись средствами геополитической экспансии со стороны мусульманского мира. Именно из этих анклавов поступали мощные импульсы, направленные на полную ваххабизацию не только Чечни, но и всего Северного Кавказа.

После разгрома чеченских боевиков, вступивших во фронтальные бои с федеральными силами в ходе второй чеченской кампании, к марту-апрелю

2000г. незначительные остатки боевых подразделений боевиков перешли к партизанской войне. Вся территория Чеченской Республики была разделена между такими отрядами, в которых продолжали играть существенную роль иностранные наемники.

В последующем наблюдается формирование небольших сетевых групп, которые, совершенствуя свою тактику и стратегию, отошли от практики фронтальных сражений, взяв на вооружение диверсионно-террористическую тактику. Они способны быстро менять места дислокации, маневрировать и в случае необходимости объединяться с другими аналогичными группами. Между этими структурами и их базами налажена устойчивая связь.

Изменение исламскими экстремистами приоритетов в расстановке их идеологической основы привлекли в их ряды дополнительные силы. На месте прежней этносепаратистской идеи отчленения от России части «самоопределившейся» территории выросла новая, религиозная – создание на Кавказе независимого исламского государства, живущего по законам шариата. Указанная идея устраняла национальные различия между кавказскими народами и способствовала их объединению. Наряду с этим исламская идея сопротивления позволила привлечь к нему внимание религиозных борцов со всего мира с их немалыми финансовыми возможностями. Таким образом, смена идеологической основы экстремистов привела к распространению салафитского движения в другие республики Северного Кавказа и трансформации сопротивления в мобильные террористические группировки.

При этом исламистский терроризм на Северном Кавказе вобрал в себя этнонациональные черты, в основе которых заложены архаичные формы социального поведения горских народов в имперский период, такие как «наездничество», абречество, обычай кровной мести и др.

Современное развитие террористических исламистских религиозно-политических организаций на Северном Кавказе характеризуется дальнейшей их интеграцией в систему современного международного исламистского

террористического движения. Сегодня они, как правило, представляют собой подпольные сетевые структуры, объединенные общими с «мировым джихадом» целями и идеологическими установками, а также имеющие идентичные с крупными террористическими исламистскими организациями характерные черты.

Основной структурной единицей северокавказской террористической сети является джамаат (террористическая организация или банда) во главе с амиром. Совокупность таких джамаатов, располагающихся по территориальному типу в рамках северокавказских республик образуют вилаяты, которые, в свою очередь, в сумме образуют Имарат Кавказ, входящий во всеобщую сеть исламистов мира как «кавказский» узел.

Сегодня Имарат Кавказ не только выступает политико-идеологическим рупором, призывающим к освобождению от «власти неверных» с целью установления шариатского правления на всей территории Северного Кавказа, но и управляет деятельностью всего террористического подполья на указанной территории.

По территориальному устройству Имарат Кавказ походит на федеративное государство. Помимо территориального устройства внутри Имарата Кавказ существует административное разделение на ряд структур, функции которых подобны министерским. По режиму правления Имарат Кавказ можно сравнить с авторитаризмом.

С учетом того, что джамааты, вилаяты и Имарат Кавказ выстроены по сетевому принципу, очевидно что на Северном Кавказе мы имеем дело с разветвлённой сетью религиозных экстремистских формирований.

Учитывая непрекращающийся процесс институционализации северокавказского террористического бандподполья, а также современные тенденции его развития, можно сделать прогноз на перспективу: эти сетевые структуры доказали свою жизнеспособность, автономность и самовосстанавливаемость. Сегодня группировки боевиков-«ваххабитов» объединяются на новейшей идеологической основе, разработанной в

зарубежных исламистских центрах и уже дополненной собственными идеологическими наработками с учетом местных этно-религиозных особенностей. Неизбежной политической практикой носителей идеологии религиозно-политического экстремизма всегда был, есть и будет терроризм. Следовательно, террористические исламистские религиозно-политические институты будут предпринимать меры для дальнейшего развития и упорядочения своей террористической деятельности, а также расширения ареала своего влияния.

С учетом новых тенденций в развитии террористического движения при выработке стратегии противодействия терроризму на Северном Кавказе важно учитывать три подхода: узкий подход (рассматривает борьбу с терроризмом как с уголовным преступлением); широкий подход (рассматривает борьбу с терроризмом как с многомерным социально-политическим явлением); глобальный подход (рассматривает борьбу с терроризмом как с международной угрозой).

В первом случае представляется необходимым совершенствование антитеррористического законодательства; укрепление спецслужб и правоохранительных органов РФ в антитеррористической деятельности; выявление и пресечение финансовых потоков террористической деятельности; информационное обеспечение комплекса мер по борьбе с терроризмом.

При всей разносторонности перечисленных антитеррористических мер узкий подход сводит борьбу с терроризмом лишь к «силовым» методам. Расширить сферу противодействия этому явлению позволяет широкий подход, в рамках которого терроризм на Северном Кавказе представляется как многомерное явление, порождаемое конфликтогенными факторами, в числе которых наряду с экономическим, демографо-миграционным и другими значительное по важности место занимает этно-конфессиональный фактор.

Глобальный подход позволяет осознать, что северокавказский терроризм является не первопричиной, но следствием геополитического передела мира, ставшего возможным после крушения Советского Союза.

Борьба с ним должна осуществляться в направлении снижения уровня геополитической напряженности, негативно влияющей на развитие внутренних конфликтогенных факторов. Этому также должно способствовать совершенствование оформления правового пространства, направленного на противодействие терроризму как на своей территории, так и за ее пределами.

Список**использованных источников и литературы***Нормативные источники*

1. Конституция Российской Федерации. – М., 1999.
2. Военная доктрина Российской Федерации. – М., 2010.
3. Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. № 15. Ст. 769.
4. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г., № 24 // Российская газета. – 2000. – 18 янв.
5. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – 20 окт.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // <http://www.kremlin.ru>
7. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Вертикаль власти. Региональная и национальная политика, принципы местного самоуправления. Документы. Комментарии. Разъяснения. Выпуск № 15. - М., 1996.
8. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе. - М., 1998.
9. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. – 2000. – 28 сент.
10. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130 ФЗ «О борьбе с терроризмом» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. - № 31. – Ст. 3808.
11. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». – М., 2006.

12. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40 ФЗ «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - № 15. – Ст. 1269.

13. Федеральный закон от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 ФЗ «О средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. - № 7.

14. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. – 2002. – 30 июля.

15. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115 ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации, - 2001. - № 33. – Ст. 3418.

16. Постановление Правительства РФ от 25 августа 2001 г. № 629 «О федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 36. - Ст. 3577.

17. Постановление Правительства Российской Федерации от 18 января 2003 г. № 27 «Об утверждении положения о порядке определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их участии в экстремистской деятельности, и доведение этого перечня до сведений организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. - № 4. – Ст. 329.

Справочные материалы

18. Большой энциклопедический словарь. <http://slovari.299.ru>

19. Документальная история образования многонационального государства Российского. - М., 1998. Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках.

20. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Изд. 2-е. М., 1982.
21. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М: ОНИКС 21 век, 2004.
Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. - М., 1998.
22. Социологический словарь / Николас Аберкромби, Стивен Хилл, Брайан С.Тернер: Пер. с англ. под ред. С.А.Ерофеева. - Казань, 1997.
23. Политология: Словарь-справочник / М.А. Василик, М.С. Вершинин и др. – М., 2000.

Диссертации и авторефераты

24. *Адамова М.А.* Женский терроризм в современном политическом процессе: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ставрополь, 2008.
25. *Акаев В.Х.* Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры: Автореф. дис. ...докт. философ. наук. – Ростов н/Д, 2004.
26. *Бережной С.Е.* Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2004.
27. *Воротилин Е.А.* Политико-правовая теория институционализма М. Ориу (историко-критический анализ): Автореф. дис....канд. юр. наук. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
28. *Гурба В.* Терроризм в контексте социальных процессов современности. Дисс. ... канд. соц. наук. – Новочеркасск, 2002; *Бережной С.* Исламский фундаментализм на Юге России: политологический анализ. Дис. ... канд. пол. наук. - Ростов н/Д, 2004.
29. *Добаев И.П.* Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика: Дис. ...докт. филос. наук. – Ростов н/Д, 2003.
30. *Дяченко И.А.* Особенности проявлений политического экстремизма участниками молодежных объединений в современной России (детерминанты,

воспроизводство, политическая идентичность): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. Ростов н/Дону, 2008.

31. *Езупов А.В.* Исламский радикализм на постсоветском пространстве: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Краснодар, 2005.

32. *Ельсаев А.А.-Х.* Особенности модернизации политического процесса в условиях социальной депривации (на примере Чеченской Республики). Дисс. ... к.п.н. Ростов н/Д, 2005.

33. *Кузина С.И.* Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире: Дис. ...докт. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2010.

34. *Кулакова Б.Э.* Мусульманская духовная культура: символические коды повседневности: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Ростов н/Дону, 2010.

35. *Маевская Л.Б.* Ваххабизм в современной России: исторические корни и тенденции развития: Автореф. дис. ...канд. историч. наук. – Киев, 2007.

36. *Косякова М.Е.* Правовая превенция политического экстремизма: институционально-технологический аспект: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Ростов н/Дону, 2008.

37. *Курбанов Х.Т.* Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Махачкала, 2006.

38. *Маханов Д.С.* Эволюция ханбалитского учения и современность: Автореф. дис. ...канд. философ. наук. – М., 2001.

39. *Местоев О.* Этнополитический конфликт как угроза социальной безопасности Северо-Кавказского региона Российской Федерации. Дисс. ... канд. пол. наук. – Москва, 2001.

40. *Назиров Д.* Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления: Дис. ...докт. филос. наук. – Душанбе, 2009.

41. *Патеев Р.Ф.* Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2006.

42. *Ретинская О.В.* Формирование политической стратегии антитеррористической деятельности государственных институтов России: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2009.

43. *Сухов А.В.* Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический анализ (на материалах Киргизской Республики и Республики Дагестан): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2008.

44. *Улезко Э.В.* Противодействие экстремизму в этнорелигиозной сфере: проблемы и перспективы эволюции государственной политики (региональный аспект): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2009.

45. *Чудинов С.И.* Терроризм как социокультурный феномен: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Новосибирск, 2005.

46. *Шарафутдинова Э.Ф.* Чеченский конфликт: этноконфессиональный аспект. Дисс. ... канд. пол. наук. - Ростов н/Д, 2008.

47. *Шилова Н.* Региональные этнополитические конфликты: технологии продуцирования и урегулирования. Дис. канд. пол. наук. – Ростов н/Д, 2005.

48. *Щебланова В.В.* Современный терроризм в глобализации социальных рисков: структуралистско-конструктивистский контекст: Автореф. дис. ...докт. социол. наук. – Саратов, 2010.

49. *Юсупова Г.И.* Влияние глобализации на этноконфессиональную ситуацию на Юге России: Автореф. дис. ...докт. филос. наук. – Махачкала, 2009.

Литература

50. *Агрономов А.И.* Джихад. Священная война мухаммедан. Казань, 1877.

51. *Акаев В.Х.* Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Дону, 2004.

52. *Акаев В.Х.* Религиозно-политический конфликт в Чеченской Республике Ичкерия // Центральная Азия и Кавказ (Швеция). 1999. № 4

53. *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? Махачкала, 1999.
54. *Акаев В.Х.* Северокавказский ваххабизм – разновидность исламского радикализма // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2000. № 3.
55. *Акпадшахов А.* «Ваххабиты – джихад против России» // Алимь и ученые против ваххабизма. Сборник статей, Махачкала, 2001.
56. *Алексиев А.* Нефтяные миллиарды для джихада. Саудовская Аравия финансирует глобальный исламизм // «International Politik». – 2004. – январь.
57. *Алиев А.К., Юсупова Г.И.* Терроризм как угроза глобальной и национальной безопасности. Махачкала, 2010.
58. Аллах не любит Америку / Под ред. А. Парфея. М., 2003.
59. *Ансимов Ю.Н., Алтунин В.Н.* Антитеррористическая деятельность и борьба с экстремизмом: опыт, организация, правовая основа. Майкоп, 2003.
60. *Антонян Ю.М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998.
61. *Арухов З.С.* Ваххабизм и духовенство в политической структуре саудовского общества. Махачкала, 2002.
62. *Арухов З.С.* Экстремизм в современном исламе. Махачкала, 1999.
63. *Ахмадуллин В., Мельков С.* Государственно-исламские отношения в России. М., 2000.
64. *Ахтаев А.* Как выбить почву из-под ног экстремизма? // Знамя Ислама. 1997. № 2.
65. *Бабкин С.Э.* Религиозный экстремизм в Алжире. М., 2001.
66. *Барбашин М.Ю.* Социальная трансмиссия в контексте неoinституционализма // социально-гуманитарные знания. М., 2000.
67. *Беглова Н.С.* Терроризм: поиск решения проблемы // США: экономика, политика, идеология. 1991. № 1.
68. *Бедрицкий А.В.* Роль информационных технологий в современном терроризме и основные направления противодействия новым формам терроризма // Проблемы внешней и оборонной политики России. Сборник

статей / Под ред. В.И. Кривохижи; Рос. инс-т стратегич. исслед. М., 2003. Вып. 10.

69. Белая книга российских спецслужб. М., 1996.

70. *Беляев С.С.* О борьбе с международным терроризмом // Государство и право. 1998. № 3.

71. *Белокреницкий В.* Элементы «большой игры» в войне Запада против терроризма // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 6 (18).

72. *Бережной С.Е.* Исламский фундаментализм на Юге России. Ростов н/Дону, 2004.

73. *Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В.* Ислам в современных республиках Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2002.

74. *Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В.* Ислам и исламизм на Юге России. Ростов н/Д, 2003.

75. *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. СПб., 1999.

76. *Бжезинский Зб.* Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004.

77. *Бобровников В.О.* «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать лет спустя. <http://i-r-p.ru>.

78. *Васильев А.М.* Египет и египтяне. М., 1986.

79. *Васильев А.М.* История Саудовской Аравии. М., 1999.

80. *Васильев А.М.* Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство саудидов в Аравии (1744/45 – 1818). М., 1967.

81. Ваххабиты, XVIII - XX века. Историческое исследование / Сост. *С.А.Шумов, А.Р.Андреев.* М., 2002.

82. Вызовы XXI века: мировое сообщество против терроризма. Вестник иностранной информации ИТАР-ТАСС. М., 2002. № 2-3.

83. *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. М., 2001.

84. *Гаджиев Р.Г.* Ваххабизм: особенности его проявления на Северном Кавказе. Махачкала, 2002.

85. *Гаджикович Р.* Терроризм и пропаганда // Актуальные проблемы Европы. Проблема терроризма. М., 1997.

86. *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана (пер. с англ.). М., 1998.

87. *Глущенко Ю.Н.* Исламский фактор во внешней политике США: трагедия 11 сентября как бумеранг «холодной войны» // Проблемы внешней и оборонной политики России. Сборник статей / Под ред. В.И. Кривохижи; Рос. инс-т стратегич. исслед. М., 2003. Вып. 10.

88. *Грачев А.С.* Тупики политического насилия. Экстремизм и терроризм на службе международной реакции. М., 1982.

89. *Гушер А.* Терроризм. Как противостоять ему в России и в мире?/ Журнал теории и практики Евразийства № 3// <http://www.nbuu.gov.ua>

90. *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.

91. *Добаев А.И.* Экономическая безопасность и терроризм в эпоху глобализации / Южнороссийское обозрение. Вып. № 52. Ростов н/Дону, 2008.

92. *Добаев А.И.* Хавала: неофициальная система финансирования терроризма. Ростов н/Дону, 2010.

93. *Добаев И.П.* Исламский радикализм в международной политике. Ростов н/Д, 2000.

94. *Добаев И.П.* Политические институты исламского мира: идеология и практика. Ростов н/Д, 2001.

95. *Добаев И.П.* Исламский радикализм: социально-философский анализ. Ростов н/Д, 2002.

96. *Добаев И.П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003.

97. *Добаев И.П.* Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность. Ростов н/Д, 2004.

98. *Добаев И.П., Немчина В.И.* Новый терроризм в мире и на Юге России. Ростов н/Д, 2005.

99. *Добаев И.П.* Кавказский макрорегион в фокусе геополитических устремлений мировых держав: история и современность. Ростов н/Д, 2007.

100. *Добаев И.П.* Современный терроризм: региональное измерение. – Ростов н/Дону, 2009.

101. *Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М.* Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе. Ростов н/Дону, 2010.

102. *Добаев И.П.* Исламский радикализм в современных этнополитических процессах на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ (Швеция). 2000. № 6 (12).

103. *Добаев И.П.* Северный Кавказ: традиционализм и радикализм в современном исламе // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 6.

104. *Добаев И.П.* Формы борьбы с религиозным экстремизмом на Юге России // Современное общество на Юге России: основные тенденции развития. Ростов н/Д, 2001.

105. *Добаев И.П.* К вопросу о типологии радикального исламского движения // Центральная Азия и Кавказ (Швеция). 2002. № 3 (21).

106. *Добаев И.П.* Неправительственные религиозно-политические организации исламского мира // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4.

107. *Добаев И.П.* Радикальные идеологии в исламе: история и современность // Ислам в России. Взгляд из регионов. М., 2007.

108. *Добаев И.П.* Экстремистские группировки в США: исламский фактор // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 1.

109. *Добаев И.П.* Радикализация ислама в Крыму // Юг России и Украина в геополитическом контексте. Южнороссийское обозрение. Вып. 40. / Под ред. И.П.Добаева, В.В.Черноуса. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2007.

110. *Добаев И.П.* Ислам и политика в северокавказском регионе России // Ислам на Юге России / Сост. и отв. ред. А.В.Сызранов. Астрахань: Изд-во АФ

ВАГС, 2007.

111. *Добаев И.П.* Политические процессы в исламском движении на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1.

112. *Добаев И.П., Добаев А.И.* Роль и место неформальных систем денежных переводов в финансировании террористических организаций // Современные проблемы экономической безопасности на Юге России / Отв. ред. И.П. Добаев / Южнороссийское обозрение. Вып. 50. Ростов н/Дону, 2008.

113. *Добаев И.П.* Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 4.

114. *Добаев И.П.* Механизмы и технологии осуществления Западом «цветных революций» на постсоветском пространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2008. № 2.

115. *Добаев И.П.* Мусульманское образование в России и на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы // Экономико-географический вестник Южного федерального университета. 2008. №5.

116. *Добаев И.П.* Идеологические установки и практика исламистских организаций на Юге России в условиях социальных трансформаций // Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск. 2008. № 1.

117. *Добаев И.П.* Раскол уммы Северного Кавказа: негативные последствия явления // Российское общество: историческая память и социальные реалии: Мат. межрег. науч.-практ. конф. (XIV Адлерские чтения, 3-7 октября 2008 г., Адлер). Адлер, 2008.

118. *Добаев И.П.* Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. – Москва - Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2011.

119. *Дрожжин С.* Исламизм в Германии // Аналитические записки. Сб. статей / Под ред. А.Г. Оганесяна. 2004. № 11.

120. *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М., 1999.

121. *Дугин А.Г.* Обществоведение для граждан Новой России. М., Евразийское Движение, 2007.

122. *Дюверже М.* Политические институты и конституционное право. // История политических и правовых учений. Харьков, 1999.
123. *Евстафьев Д.Г., Чекалкин В.И.* Международный аспект ближневосточного терроризма // Политические исследования. 1991. № 4.
124. *Емельянов В.П.* Проблемы ответственности за международный терроризм // Государство и право. 2000. № 1.
125. *Емельянов В.П.* Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Государство и право. 2000. № 3.
126. *Емельянова Н.М.* Мусульмане Кабарды. М., 1999.
127. *Жаринов К.В.* Терроризм и террористы. Минск, 1999.
128. *Жданов Н.В.* Исламская концепция миропорядка. М., 2003.
129. *Жданов Н.В., Игнатенко А.А.* Ислам на пороге XXI века. М., 1989.
130. *Журавлев В.* Христианская социология как поиск цивилизованной идентичности России: проблемы методологии // [http:// russkie.org](http://russkie.org)
131. *Игнатенко А.А.* Зеленый Интернетционал. Всемирное исламистское движение в преддверии XXI века приобретает парадоксальные формы // “НГ-Религии”. 1999. 24 марта.
132. *Игнатенко А.А.* Исламизм: глобальная угроза? // НИИ социальных систем. Серия: Научные доклады. № 2.- М., 2000.
133. *Игнатенко А.А.* Обыкновенный ваххабизм, часть 1. Еретическое течение в Исламе // www.russ.ru. - 2001. - 14 сент.
134. *Игнатенко А.А.* Исламский радикализм как побочный эффект холодной войны // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1 (13).
135. *Игнатенко А.А.* Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М., 1988.
136. *Игнатенко А.А.* Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8).
137. *Идрис Абдуллах.* Ваххабизм: история проблемы // Мусульмане. 2000. № 1(4).

138. Ислам и исламизм / Под ред. Е.М. Кожокина, В.И. Максименко. М., 1999.
139. Ислам и политика / Отв. ред. В.Я.Белокриницкий и А.З.Егорин. М., 2001.
140. Исламизм: глобальная угроза? // Научно-исследовательский институт социальных систем. Серия: Научные доклады. № 2. М., 2000.
141. Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. М., 2003.
142. *Йонсон Лена*. Политический ислам и конфликты в Евразии // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4(5).
143. Кавказская война // Завтра. 2004. № 13 (540). 23 марта.
144. *Кадыров А.-Х.* Мой выбор (записки чеченского лидера). М., 2002.
145. *Киреев Н.Г.* Антитеррористическое законодательство в Турции // Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2001.
146. *Кныш А.Д.* Суфизм // Ислам: Историографические очерки. М., 1991
147. Коран / Пер. И.Ю.Крачковского. М., 1990.
148. *Козер Л.* Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000
149. *Колесников Ю.С.* Какая «стратегия» нужна Северному Кавказу // Южно-Российский форум. 2010. № 1.
150. *Кокорин С.А., Болдырев Ю.Ф.* Мировое сообщество и борьба с терроризмом: история и современности. Волгоград: Панорама, 2007.
151. *Комиссина И.Н.* Мусульманские организации Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии / Ин-т стратегич. исслед. М.: РИСИ, 2009.
152. *Коровиков А.В.* Исламский экстремизм в арабских странах. М., 1990.
153. *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Внешняя политика Саудовской Аравии. М., 2003.
154. *Крымский А.Е.* Ваххабиты. М., 1912.
155. *Кудрявцев А.* «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на

Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3 (9).

156. *Кудрявцев А.В.* Ислам на Северном Кавказе // Постсоветское мусульманское пространство: Религия, политика, идеология. М., 1994.

157. *Кузнецов Ю.П.* Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств. СПб., 1998.

158. *Курбанов Х.Т.* Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе. Ростов н/Дону, 2006.

159. *Лебедева М.* Межэтнические конфликты на рубеже веков // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5.

160. *Левин З.И.* Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. XIX – XX вв. М., 1993.

161. *Левин З.И.* Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. М., 1999.

162. *Левшуков Р.А.* Религиозный экстремизм в Карачаево-Черкесской Республике // Ислам на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2001.

163. *Лейман И.И.* Наука как социальный институт. — Л.: Наука. Ленингр. отд., 1971.

164. *Литвинов Н.* Борьба с терроризмом в современной России: проблемы и парадоксы // Власть. 1997. № 9.

165. *Личидов В.В.* Вопросы международного сотрудничества по предотвращению и борьбе с химическим и биологическим терроризмом // Проблемы внешней и оборонной политики России. Сборник статей / Под ред. В.И. Кривохижи; Рос. инс-т стратегич. исслед. М., 2003. Вып. 10. С. 51-87.

166. *Лубский А.В.* Методология региональных социально-гуманитарных исследований: Учебное пособие для аспирантов, молодых ученых и магистров. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009.

167. *Лубянский Н.* Портрет смертника // Независимая газета. - 2002. - 24 мая.

168. *Лукьянов А.К.* Взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии. М., 2001.

169. *Льюис Б.* Ислам и Запад. М., 2003.
170. *Ляхов Е.Г.* Политика терроризма – политика насилия и агрессии. М., 1987.
171. *Ляхов Е.Г.* Терроризм и межгосударственные отношения. М., 1991.
172. *Ляхов Е.Г., Попов А.В.* Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. М., 1999.
173. *Магомеддадаев А.М.* «Исламская» Россия? Политический ислам на Северном Кавказе: роль внешнего влияния (на примере Дагестана) // Донской юридический институт. Ученые записки. Т. 23. Ростов н/Дону, 2004.
174. *Макаров Д.В.* Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000.
175. *Максименко В.И.* Фундаментализм и экстремизм в исламе. Предисловие // Ислам и исламизм / Под общ. ред. Е.М.Кожокина и В.И.Максименко. М., 1999.
176. *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. М., 1998.
177. *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2004.
178. *Мальшева Д.Б.* Братья-мусульмане как идейно-политическая сила в арабском мире // Идейно-политические течения в арабских странах. Реферативный сборник ИНИОН. М., 1983.
179. *Мальшева Д.* Проблемы безопасности на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1 (3).
180. *Мареченков Ю.* Руслан Хасбулатов. М., 2002.
181. *Марченко Г.В.* Россия на Кавказе. Военно-исторический аспект национальной политики в Северокавказском регионе в 20-90 годы XX в. Ростов н/Д, 1999.
182. *Медведко Л.И., Германович А.В.* Именем Аллаха... Политизация ислама и исламизация политики. М., 1988.
183. *Мельков С.А.* Исламский фактор и военная политика России. М., 2001.

184. *Меу А.* Мусульманский ренессанс. М., 1996.
185. *Милов В.С.* Бизнес вместо геополитики // Россия в глобальной политике. – 2004. Том 2. № 2.
187. *Милославская Т.П.* Начальный этап деятельности ассоциации “Братьев-мусульман” // Религии мира. История: Ежегодник. М., 1982.
188. *Мирский Г.* Исламский фундаментализм и международный терроризм // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 6 (18).
189. *Млечин Л.М.* Кто взорвал Америку? М., 2002.
190. «Невский экспресс» пустили под откос из Ингушетии // Известия. – 2007. – 25 октября.
191. *Николаев Р.А., Шабунин А.В.* Интеграционная экспансия// независимое военное обозрение. 1999.
192. *Ориу М.* Основы публичного права / Пер. с фр. / Под ред. Е. Пашуканиса и Н. Челянова. - М., 1929.
193. *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи. М., 1956. - Т. 1.
194. *Павкин Л.М.* История западных политико-правовых учений XX века. - Ростов н/д: «Эверест», 2008.
195. *Парсонс Т.* Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль: Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц: тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
196. *Пауков В.И., Лефко Э.Ф.* Войны Аллаха выбирают Кавказ // Время МН. 1999. 30 авг.
197. *Патеев Р.Ф.* Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность. Ростов н/Дону, 2006.
198. *Полонская Л.Р.* Современный исламский фундаментализм: политический тупик или альтернатива развития? // Азия и Африка сегодня. 1994. № 11.
199. *Полонский В., Григорьев А.* Джихад всему миру // Общая газета. 1995. № 17.
200. *Поляков К.И.* Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в

России в 90-е годы XX в. (на примере арабских стран) // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под. ред. А.Малашенко и М.Б.Олкотт. М., 2001.

201. *Поляков К.И.* Исламский фундаментализм в Судане. М., 2000.

202. *Пушкарев С.Г.* Обзор русской истории. СПб.: Изд. «Лань», 2003.

203. Религиозный фактор и проблемы безопасности Юга России: Колл. монография. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.

204. *Ротарь И.* Под зеленым знаменем ислама. Исламские радикалы в России и СНГ. М., 2001.

205. *Сагадеев А.* Джихад // Наука и религия. 1986. № 6.

206. *Сагадеев А.* Исламский фундаментализм: что же это такое? // Азия и Африка сегодня. 1994. № 6.

207. *Сампиев И.М.* О некоторых аспектах противостояния религиозному экстремизму в Северо-Кавказском регионе // Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2001.

208. *Санаи М.* Исламская революция, международное право и диалог цивилизаций // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. М., 1999.

209. *Севостьянов И.* “Исламский фундаментализм” и исламский экстремизм - это совсем не одно и то же // Международная жизнь. 1996. № 5.

210. *Сейджман М.* Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008.

211. *Сейранян Б.Г.* Египет в борьбе за независимость. 1945-1952. М., 1970.

212. *Сидоров А.* Зеленое знамя с двуглавым орлом // Интерфакс. - 2003. - 31 авг.

213. *Сиван Э.* “Радикальный ислам”: причины и последствия террористического насилия // Internationale Politik. 1997. № 8.

214. *Силантьев Р.А.* Ислам в современной России. Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2008.

215. *Смирнов Н.А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963.
216. *Сухов А.В.* Радикальный ислам в Киргизской Республике: история и современность. Ростов н/Дону, 2008.
217. *Суций С.Я.* Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). Ростов н/Дону, 2010.
218. *Строева Л.В.* Государство исмаилитов в Иране в XI-XIII вв. М., 1978.
219. *Терехов В.* «Терроризм», «нераспространение», «права человека» // Аналитические записки. 2004. № 10. С. 151-160.
220. Терроризм / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 2004.
221. Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов / Отв. ред. А.А. Шаравин. М., 2002.
222. *Тишков В.А.* Стратегия противодействия экстремизму // Сеть этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 1999. № 23.
223. *Тишков В., Беляева Е., Марченко Г.* Чеченский кризис // Генеральный проект «Россия в третьем тысячелетии». М., 1995.
224. *Трачевский А.С.* Предисловие к русскому изданию // Вормс Р. Общественный организм / Пер. с фр., под ред. и с предисл. А.С.Трачевского. СПб.: Изд. Ф.Павленкова, 1897.
225. *Трошев Г.Н.* Моя война. Записки окопного генерала. М., 2001.
226. *Филоник А.О., Вавилов А.И.* Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии. М., 2004.
227. *Фролов С.* Социология: Учебник для высш.учеб.заведений - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. *Ханаху Р.А., Цветков О.М.* Состояние и перспективы ислама в Адыгее // Ислам у адыгов Северного Кавказа / Ред. Р.Д.Хунагов. Майкоп, 2001.
228. *Ханаху Р.А., Цветков О.М.* Религия и кавказская война в контексте исследования менталитета адыгов // Наука, религия, гуманизм. М., 1996.

229. *Ханбабаев К.М.* Суфизм в Дагестане // Ислам и политика на Северном Кавказе / Северо-Кавказское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып.1 / Отв. ред. В.В.Черноус. Ростов н/Д, 2001.
230. *Харун Яхья.* Ислам прокликает террор. Астана, 2002.
231. *Хайретдинов Д.* Ислам в Осетии: Информационный материал Исламского Конгресса России. М., 1997.
232. *Шихсаидов А.* Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ [Швеция]. - 1999. - № 4 (5).
233. *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1967.
234. *Эткин М.* Ваххабизм и фундаментализм: термины-“страшилки” // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 1(7).
235. *Юрченко В.П.* Саудовская Аравия: проблемы противодействия терроризму и исламскому экстремизму // Терроризм. М., 2004.
236. *Яковлев А.И.* Социально-политические реформы на родине ислама и Дом Саудов // Ислам и исламизм / Под общ. ред. Е.М.Кожокина, В.И.Максименко. М., 1999.
237. *Ярлыкапов А.А.* Ваххабизм на Кавказе // Социально-политическая ситуация на Кавказе. М., 2001.
238. *Ярлыкапов А.А.* Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: к постановке проблемы // Бюллетень № 3 Владикавказского центра этнополитических исследований ИЭА РАН. Владикавказ, 1999.
239. Commons. John R. The Economics of Collective Action (New York: Macmillan), 1950.
240. *Duverger M.* Sociologie Politique.- Paris, 1968.
241. European Muslim Population. Электрон. дан. Режим доступа: http://www.islamicpopulation.com/Europe_islam.html, свободный.

242. Islam is the fastest growing religion and the second largest religion in the world. Электрон. дан. Режим доступа:<http://www.islamicweb.com/begin/results.htm>, свободный.

243. Islamization of Europe Far Advanced, Battle Cry. January/February, 2005.

244. *House, Jim*. Muslim Communities in France, in Muslim Communities in the New Europe, Eds. Gerd Nonneman, Tim Niblock and Bogdan Scajkowski, Reading, UK: Garnet Publishing, 1996.

245. *Orang R. Young*. International Regimes; Toward a New Theory of Institutions // *World Politics*, 39, (October), 1986.

246. Ostrom, Elinor; Gardner, Roy; and Walker, James. Rules, Games, and Common-Pool Resources (Ann Arbor: University of Michigan Press), 1994.

247. *Roy, Oliver*. Globalised Islam: The Search for a New Ummah. London: C. Hurst and Co, 2004.

248. *Savage, Timothy M*. Europe and Islam: Crescent Waxing. Cultures Clashing. The Washington Quarterly, Vol. 27, N 3 / Summer, 2004. The Radicalisation of Muslim youth in Europe: The reality and the threat. Testimony of Claude Moniquet, Director General European Strategic Intelligence and Security Center. 2005. April 27.

249. *Thelen R. and Stein, H*. 1990. Historical Institutionalism // Douglass C North, Institutions, Institutional Change and Economic Performance (Cambridge: Cambridge University Press).

250. *Winnet, Robert and David Leffard*. Leaked No 10 dossier reveals Al-Qaeda's British recruits // The Sunday Times. 2005. July 10.

251. *Ziyauddin Khan ibn Ishan Babakhan*. Islam and Muslims in the land of Soviets. Ташкент, 1980.

Электронные ресурсы

252. <http://lenta.ru>

253. <http://www.chechnyafree.ru>

254. <http://i-r-p.ru/>

255. <http://www.fsb.ru>

256. <http://www.riadagestan.ru>

257. <http://studies.agentura.ru>

258. <http://Кавказский узел.ru>